



ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№2(44) 2022

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПРОЗА

Владимир КРУПИН
Полицейская виза4

Муса АХМАДОВ
Деревянные куклы43

Бувайсар ШАМСУДИНОВ
Бессильный голос издалика52

Сергей ТРАХИМЁНОК
Прокурорская кровь87

Эвелина АЗАЕВА
Чудо111

Евгений ТАТАРНИКОВ
«СССР – чемпион!»126

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Несчастливый брак136

Михаил СМИРНОВ
Рассказы142

Марат ВАЛЕЕВ
Бяшка169

Анатолий КАЗАКОВ
Рассказы175

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА
Доверься тихим зовам сердца...19

Аламахад ЕЛЬСАЕВ
Да сохранит нас всех Аллах!..29

Адам АХМАТУКАЕВ
Я снова стою у заветных
отцовских ворот...33

Асет ХАЛИКОВА
Всё, что я написала, мне будет
последней отрадой...36

Петимат ПЕТИРОВА
Быть ли мне когда-нибудь счастливой?..38

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№2(44) 2022
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 2709.20.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ I-2362

Отпечатано

в цифровой типографии

«Буки Веди» на оборудовании

KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический

партнер», 127238, г. Москва,

Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

<i>Инга ХАЯУРИ</i> Пью глотками скудные стихи... ..40	
<i>Виктор КАШКИН</i> Что-то стали чудить времена... ..57	
<i>Инна ВАРВАРИЦА</i> Былого далёкое эхо69	
<i>Евгений ХАВАНОВ</i> Славься, родимая РУ.....79	
<i>Юрий БОГДАНОВ</i> Родина – начало всех начал92	
<i>Евгений КАРУНИН</i> Для души покоя нет...108	
<i>Тамара ПОТЁМКИНА</i> Украина горит в огне123	
<i>Сергей ПАНОВ</i> Любите своё Отечество...131	
<i>Светлана КОМРАКОВА</i> Душа надеждой тихою полна...139	
<i>Ирина ЛЕСНАЯ-ИВАНОВА</i> Жизнь и стихи – это два перста!165	
<i>Анна МАЯКОВА</i> Божий мир172	
 ИНТЕРВЬЮ	
<i>Наталья РИТТИНА</i> Судьба династии. Опыт изучения истории одного рода24	
 СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
<i>Николай КАРТАШОВ</i> «Это был Баярд мысли, рыцарь без страха и упрека»60	
<i>Василий ПОЛЯКОВ</i> Русская француженка В.В. Маяковского (Татьяна Алексеевна Яковлева)72	
<i>Евгения ПОЛЯКОВА</i> Мастер мозаики Фролов101	
 ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ	
<i>Марина ЗАМОТИНА</i> Тикси185	



Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Сегодня, в условиях проведения Специальной военной операции, перед отечественной литературой с особой остротой встают задачи, соответствующие серьёзности и судьбоносности текущего исторического момента. Необходимость моральной поддержки наших Вооружённых Сил, поддержания здоровой духовно-нравственной атмосферы в российском обществе, утверждения высоких духовных принципов, выработанных в ходе истории Российской цивилизацией – эти, а также многие другие актуальные цели и задачи неизбежно находят выражение в литературном процессе, в творчестве наших поэтов и прозаиков, критиков и публицистов. Художественный перевод на русский язык произведений авторов из национальных республик сегодня является важнейшим фактором укрепления духовного единства России, и эту задачу методично и успешно выполняют наши писатели. Русская литература и литературы всех братских народов, входящих в многонациональную Российскую Федерацию, в час противостояния силам зла с особой силой проявляют свою высокую гуманистическую суть. Следует напомнить о том, что в такие моменты исключительно много значит понимание того, что слово писателя, а также творческий поступок – это мощное оружие, требующее не только таланта и технического профессионализма, но и жёсткой внутренней ответственности. Забывать об этом недопустимо, поскольку последствия могут быть серьёзными, а в каких-то случаях необратимыми.

Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» всемерно поддерживает Специальную военную операцию по денацификации и демилитаризации Украины и освобождению русского Донбасса от «украинствующих» нацистов. Мы верим в победоносное завершение СВО, желаем нашей многонациональной армии скорейшего успешного выполнения всех боевых задач.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2022

© Авторы, 2022



Полицейская виза

И глиняные таблички древнего царства Урарту и берестяные новгородские грамоты содержат одинаковый текст: «Что за молодёжь нынче пошла». Так и мы, нынешние старики можем это сказать. Так и в будущем наши внуки скажут о своих внуках. То есть жизнь продолжается. Но так хочется, чтобы взяли потомки от нас то хорошее, что было в нашей жизни, учились бы от неё. Да вот как-то плохо получается, силён враг спасения. Не слушают стариков молодые, сами уже с усами.

Всё же решил я своим любимым наследникам дать какие-то советы, примеры из жизни. Что определяло мою жизнь, что было в ней главным?

И задумался. И много всего приходило в голову. Что-то радовало, от чего-то было стыдно. Вспомнил спасительное правило: Кто себя судит, того Бог помилует. Как не ухватиться за это выражение. Так что, братишка, сказал я себе, сам видишь: годики мелькают, торопись отчитаться, а то как бы не застрять на пол-дороге в Царствие Небесное.

О, так ты ещё надеешься на милости Божии? После твоей-то грешнейшей жизни? Ну да, были и добрые дела, но не тебе же их помнить, за них цепляться, они учтены. Слава Богу, каешься, слава Богу, причащаешься, соборуешься, а все ли заповеди Божии выполняешь?

Нет, конечно. И это «конечно» уже грешнейшее. Сейчас шёл по Камергерскому и невольно, конечно, бес приворачивал поглядывать на девушек. А «каждый, кто взглянул на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своём». Но я же не с вожделением взглядывал, как на картинку. А, вот уже и новый грех – самооправдание.

А великие наши святые как? Святой Антоний возносился к небесам, говоря: «Я ещё не начинал каяться». И это не просто Антоний, этот столп



Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живёт в Москве.



Церкви, Антоний Великий. Часто его вспоминаю, его спасительное пожелание инокам, да и всем нам: «Не умножай слов, они умножают грехи, многословие удаляет от Бога», «Гордыня низвергает, смирение возносит, разрушает козни дьявола», «Бойся известности, старайся, чтоб люди тебя не хвалили», «Если даже безвинно укоряют тебя, прости».

Расскажу о его пещере в пустыне Египетской. Она на верху горы. Путь к ней по каменным плитам – ступеням. Справа и слева кресты, кресты, кресты. Выложенные камнями на земле, стоящие в сухой раскалённой почве, говорят они о кающихся и надеющихся на милость Божию, бывавших здесь. Поднялся – расщелина в горе. Вот место его молитвенных подвигов. Протиснулся в щель, продвигался далее боком. Что впереди, непонятно, я же собой заслонял свет. Мысли о змеях мелькали. Молился, конечно. Долго продирался. А он как? Проход расширился, впереди забрезжило слабое жёлтое свечение. Это была кем-то зажжённая лампада в пещере. Над ней иконы, под ней коптский молитвослов. Ложе на камне покрыто циновкой. Стоит большая (и как только её втащили) бутылка с водой. Измученный и радостный, встал на колени. И было так тихо, что подумалось: а есть ли мир, оставленный мною, не исчез ли он. А потом показалось, что узкий тоннель, в который я протиснулся, за мной сомкнулся, и уже отсюда не выйти. Прочёл Трисвятое. А дай осмелюсь, прилягу на его ложе. Не дерзость ли это? Это же то ложе, которое Великий святой омывал слезами каждую ночь. Может, хоть капелюшечка, или как говорит молитва, «капли часть некая» его святости коснётся моей грешной души. Я перекрестился и прилёг. И вспомнил ещё одну пещеру на Синае, пещеру игумена Синайский горы Иоанна Лествичника. Но та была просторной и освещённой. Но тоже и там испытывал робость. Лежал, молился и вспоминал иные святые пещеры: святого Георгия Хозевита недалеко от Иерусалима, куда уходил святой Иоаким, отец Матери Божией Марии, вспоминал пещеры Илии Пророка недалеко от нынешней Хайфы и его же незабвенную пещеру на Синае, горе Моисея, в памяти воскресала Ветхозаветное место Хеврона, пещера близ Дуба Мамврийского, который умирал и воскрес в двух побегах, названных ростками Авраама и Сарры. Пещера на пол-дороге к вершине Сорокадневной горы Испытания, пещера в Иерусалиме, ручей из которой образует Силоамскую купель. И незабываемая пещера – Божия благодать источника Овчей купели – Вифезда.

Лежал и молчал, и думал о молчании. Никто не спасся словами, молчанием спасались. Молчание – золото. Но как исповедоваться без слов? И как же нам, писательской братии, нести выстраданное своё слово в защиту России? Молчать? Слово это надо вначале вымолчать, но ведь потом надо обязательно его высказать. «Слова, слова, слова» – говорит Гамлет, но слова все разные. И в шекспировской Англии запрещают поклоняться Кресту.

Сколько был в пещере, не знаю. В тишине и темноте время замедляет свой ход, иногда кажется, что и вовсе останавливается. Очнулся. Осознание, что я не один сюда приехал, что людей задерживаю, меня подняло. Правой рукой наклонил бутылку с водой, немного полил из неё в ладонку левой и умылся. Ещё наклонил, ещё полил, и напился.

У лампадки в каменной нише лежали тонкие свечи. Кончик одной из них я омочил в лампаде и крестообразно помазал свой лоб, вспоминая главный завет Антония Великого: ежедневно размышляй о смерти.

Приложившись к иконам, стал уходить. Сейчас протискиваться было легче: впереди светился не закончившийся день. А о смертном часе я ещё одного

Великого святого вспоминал, Ефрема Сирина. «Когда каждый человек приходит в неминуемое судилище, о, сколько там ждёт нас обвинителей, сколько придётся вспомнить грехов юности и старости. Страх и трепет охватит душу».

Но как трудно вслед за святыми отцами считать себя хуже всех смертных. Терпение какое-никакое, чаще вынужденное, есть у нас в большей или меньшей степени, по сути это простая сила воли. Но вот как быть со смирением? То-то.

Ну вот, после вступительного отступления, задам себе от имени наследников вопрос:

Ты считаешь себя счастливым?

Милые мои, ещё бы! Родился я в самой дружной семье, учился в самой лучшей школе, у меня были самые лучшие друзья, в селе была самая лучшая библиотека. А наша красивейшая река, наши леса и луга, наши поля, через которые пролегали просёлочные дороги и самая главная из них – Великий Сибирский тракт. В сторону востока, рассвета, вёл он к Уралу, Сибири, Тихому океану, а в сторону запада к Москве и Европе. А наше село их соединяло.

И всё это входило в моё сознание. Огромность мира влекла к познанию его. Тысячи страниц жадно читаемых книг утешали: постижение мира возможно.

Что выращивало моё существо? Конечно, прежде всего, семья, родители, родня, двор, улица, друзья, школа. А в моём случае больше всего – библиотека. Учился я не то, чтобы плохо, но кое-как. Я заполнял всё пространство бегущего времени книгами. Читал до того непрерывно, что мама боялась за мои глаза. И доселе читаю каждодневно. Но уже не подряд и уже не новое читаю, а перечитываю. Чего и вам советую, милые дети айфонного поколения. Не оглупляйте себя лайками, а садитесь к окну и раскрывайте КНИГУ!

Книги, книги уберегали меня от буден быта и от официальной идеологии. Вместе с тем не был же я книжным червяком, да ни за что! А лес, сенокос, огород, река, дрова, воскресники, осенние выезды в колхозы на уборку, – разве это не живая жизнь человека на земле?

И вышел я из школы не маменьким сыночком, а парнем на все сто. Кстати, бегал сотку близко к десяти секундам, зимой на лыжах в старших классах ходил уже и на пять километров близко ко второму разряду. А военное дело? У нас его преподавали учителя – участники недавней Великой Отечественной. Разбирали и собирали винтовку Мосина образца 1891 года за считанные секунды. Поньше помню, как это делается. И всё это помогло мне в армии собирать и разбирать незабвенный карабин СКС, карабин Симонова, доселе помню его номер 743. Об этой памяти хорошо у Юрия Кузнецова: «... придётся нам с тобою, брат, забывшись, номер карабина по телефону набирать». После карабина автомат ППШ, помню присловье о нём: автомат ППШа стреляет не спеша, бьёт метко, попадает редко. Тогда ещё АК, автомат Калашникова был засекречен.

Но вернёмся в школу. Школьный хор: «Вдаль годов глядеть уверенно школа учит неспроста. Мы идём путём отцов, дорогой Ленина, коммунизм – наша цель и мечта». Но пели же и «Люблю грозу в начале мая, когда весенний, первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом». А танцевальное искусство. Танцы народов СССР: белорусская бульба, молдавский жок, украинский гопак. Пол сотрясался.

В люди меня во многом выводил и школьный театр. Кого только я не переиграл в его постановках. Инсценировки по Гоголю, Пушкину, Чехову. В шестом или даже пятом сам написал пьесу «Двойка».

И всегда был редактором классных, общешкольных стенгазет. Напрасно утрачено это средство приобщения учеников к творчеству. Даже так было: кроме стенгазет было приложение к ним – классные «Колючки», то есть критика недостатков. Выпускали их по очереди, по партам. Каждый день появлялась новая «Колючка». С рисунками, со стихами.

Вот мои. От имени выдуманного героя: «Я Аритас (читать сзади наперёд) и мой язык критиковать всех тех привык мешает кто идти вперёд на самый быстрый полный ход». И дома выпускал семейную газету. Но там простора для критики было мало. Свои обязанности мы выполняли без понуканий. Дрова пилить-колоть, хлев чистить, корове, телёнку, курицам, поросёнкам корм давать, разве можно это свершать из-под палки. Гениальная наша мама как-то так умела вести семью, что никого и понуждать не надо было, все сами видели, что надо делать. Особенно любимый всеми сенокос. А ведь это жара, раннее вставание, дорога до сенокоса: до одного пять километров, до другого семь. А комары, тучи гнуса, мошки, паузы, а вот. Понимали, что надо.

Один сенокос был за рекой, и нужно было переправляться на пароме. А за паром надо платить. Мама собирала у нас одежонку, и мы плыли за паромом. Восторг!

Как я пришёл к Богу?

К Богу и не надо приходить, Он всегда с нами, от колыбели до перехода в жизнь вечную. Господь любит нас всех, а каждого из нас больше всех. Главный вопрос истории человечества в противостоянии Бога и дьявола, света и тьмы. И я как раз застал то время, которое вроде бы покончило с Богом. Отлично помню этот оголтелый атеизм: Бога нет! Но своим умишком я додумался до простейшей мысли: если Бога нет, то как бороться с пустым местом? Да ещё и не просто атеизм был, а научный атеизм, который в вузе мы никто и никогда не учили, зная, что всегда будет отметка не ниже четвёрки.

А меня, конечно, спасли родители. Мама: «Что вам говорят в школе, я не спорю, но чтобы вы в доме никогда ничего плохого о Боге не говорили». И икона всегда у нас была. На кухне, на шкафу. Мама, провожая куда-то, всегда говорила: «Идите с Богом», а когда возвращались: «Слава Богу». И это «С Богом» и «Слава Богу» навсегда вошло в меня и стало составной, а со временем главной частью моей души. Побывать в Святой Земле было сокровенным желанием.

Милые мои деточки, внучаточки, крестники мои! Да как же вы думаете жить без Бога? Как? Даже не смогли с нами на кладбище поехать в поминальный день. Как же думаете душу спасти? Как же её не жалеете, она же не умрёт, она вечна, и жизнь её бесконечна. Ой, смотрите! Сейчас пока мы за вас молимся, а уйдём? Как останетесь? С кем?

Три периода жизни, которые определили моё умонастроение: Великорецкий Крестный ход, преподавание в Московской Духовной академии, Святая Земля.

Да, особенно Святая Земля.

Найденные записи

У меня рукописи горели за милую душу. Утешало меня, что горели они и у Гоголя, а особенно у Тютчева. Один сознательно сжёг, другой ночью, при свечах, нечаянно. Меня восхищает запись Фёдора Ивановича об этом случае. Утром он обнаружил, что рукописи превратились в лёгкий пепел: «Я расстроился, но воспоминание о пожаре библиотеки Александрийской меня утешило».

Нам-то чего горевать? Главная находка утерянных Кумранских рукописей свершилась, что ещё надо? Ну, нет библиотеки Иоанна Грозного, и что? В той же библиотеке в Александрии я был, и что? Пусты читальные залы. Никто же ничего не читает. И у них, как у нас. Мы-то всё-таки ещё как-то держимся за литературу. Но какая сейчас идёт литература?

Так вот, рукописи у меня благополучно сгорали. И ничего, с ума не сошёл, не запил, думаю, на пользу пошло: пришлось заново напрягаться.

А рукописи пропадали не только в пожарах, я их просто терял. И блокнот, в котором были записи о первом посещении Святой Земли, потерял.

Так вот, сегодня, вслед за Маниловым восклицаю: «Майский день, именины сердца!», ибо нашёлся плоский блокнотик с записями времени преподавания в Духовной академии. И именно тогда, когда собирался впервые в жизни побывать в Святой Земле. Сейчас, когда много раз уже посещал Её, тем более радостно оживить то, уже давнее время. Хотя по возрасту был уже совсем в годах, было мне 57 лет. А про Святую Землю много и радостно читал. Это не слова, это музыка: Назарет, Вифлеем, Иерусалим, Иордан, Елеон, Гефсимания, Хеврон, Фавор, Тивериада, Кана Галилейская, Эммаус, Лидда, Яффа, Хайфа... Читал и представлял. От источника Благовещения в Назарете до страшного слова Голгофа. Читал расписание пребывания паломников. За неделю они проходят места всех Дванадцатых праздников, и Господских и Богородичных.

Должен сказать, что когда был в первый раз во Святой Земле, то не открывал её как впервые, а *вспомнил* как тут бывавший. Всё узнавал. Полное ощущение, что всё так и есть, как было. Что тут был и всё запомнил. Ну не во сне же приснилось. И только *via Dolorose* – скорбный путь представлял всё время идущим на подъём, а он горизонтальный, узкий, заполненный с обеих сторон лавочками, ларьками, киосками. Всё вперемешку: иконы, свечи, лампы, ангелочки, игрушки, еда, тряпки, побрякушки, сувениры, музыка и толкотня, разноязычие, толпы людей и оттуда и туда. И только от Александровского подворья, от Кувуклии, часовни, последнего земного ложа Спасителя, от Камня Помазания надо подниматься по ступеням на Голгофу. Рядом с трещиной в скале. Она с тех пор, когда камни расселись в минуту Распятия.

Листал блокнотик.

Восточная стена

Раньше вот почему было легче выращивать детей: и они, и родители были на глазах друг у друга. Кто нас воспитывал? Да никто. Просто мы видели, что и как делают родители, и им подражали. Сказано же: Православие не в рассказе о нём, а в показе его. То есть пример важен. И так во всём. Надо воду носить, грядки полоть, дрова пилить-рубить, поленницу складывать, траву косить, сушить, сено грести, в стог метать. Зимой привозить, на сеновал

забрасывать. Корм домашним животным готовить. Как же можно не встретить из стада нашу Милку, такую умную и добрую, не дать ей приготовленную мамой горбушку ржаного хлеба, сверху посоленную.

А в городе ушёл папа на весь день на работу, и нет его. И мамы нет. Вернулись уставшие, ещё и прикрикнут, где там до совместных чтений и разговоров. Поневоле улица перевесит.

Вот и я, наконец-то собрался рассказать, чем я занимался, когда меня дома не было.

«Восточная стена», так я хотел назвать свои записки о Духовной академии. В восточной стене были преподавательские кельи, в одной из которых мне отвели место. И вот, вспоминаю, как я в ней в конце 20-го века сижу и записываю то, что сейчас переписываю из тогдашнего блокнотика:

«Всю ночь дождь. Снег осаживается, темнеет, вытаивает у крыльца огромный камень, его к вечеру даже затапливает. Ночью просыпался под звуки дождя. Всё проходит, а дождь не пройдёт: так же он шёл в детстве, в армии так же стучал по железной крыше казармы, так же и сейчас.

Утренняя молитва в Покровском академическом храме. Студентов немного, у многих ещё до занятий послушания. Как всегда, к преподобному Сергию. У него чисто, опрятно. Вчера, уже поздно подошёл, старухи убрали, мели, мыли полы. Ещё позднее пришёл, всё открыто, ещё и ещё стараются убрать. Батюшка в рабочем халате.

Лекция вроде хорошо прошла. И прежняя мысль, что это не я студентов учу, а учусь у них. Ведь они, многие, были и служат ныне алтарниками, чтецами, пономарят, многие из священнических семей. Знание практической церковной службы у них куда выше моего. Легко ли: какую жизнь выбрали, как пред ними не преклоняться. Это сегодня высказал моему кафедралу, зав кафедрой практического Богословия архимандриту Матфею (Мормылю), когда подходил к нему под благословение. «Всё так, всё так, – отвечал он, – но сильно обольщаться не надо».

Звонил в Инкомиссию. Ура! Пришло приглашение! Союз Палестинских писателей приглашает. Плясал.

Плясал. Да рановато. Ещё выправить надо заграничный паспорт, и получить визу.

Недавно, а именно после соборования ночью, вообразилась подползающая гадина, обползающая большую икону. Я силюсь схватить бутылку со святой водой и окропить змеюку. И, слава Богу, даже в этом наваждении, в этой тревоге и одуре читаю Иисусову молитву. Змея съёжилась, исчезла. Вспомнил, что тоже здесь, после вечерней молитвы кралась змея к правому плечу. Отбилась Крестом и молитвой. В келье как раз на престольный Крест. Да, это и есть подтверждение правила: где святость, там и нечисть. А где более святости как не у центрального места православной России в Троице-Сергиевой лавре.

Молюсь о поездке, чтоб обязательно сбылась и прошла во благополучии и здравии. Дай Бог поклониться святыням. Пока всё не верится, что буду там. А потом будет не вериться, что там был. Возвращение в конце апреля. А первого мая первый экзамен. Всегда пишу у Преподобного памятку о здравии первого курса.

Поеду домой. Ещё зайду за водой и схожу в семинарию за хлебом. Так хорошо здесь! Выхожу утром на крыльцо – воздух сладкий. Вода, омывшая храм, бежит с него. Течёт и с крыши над нашими кельями. Умываюсь небесной водичкой. В келье маслом из лампы освящаю крестообразно свой лоб. Ах ты, упрямый мой! Хорошо, в келье есть икона «Прибавление ума».

Сейчас дорога. Замелькают Хотьково, Абрамцево, Радонеж, Софрино, Пушкино, Мытищи, Лосинка. Нынче, дай Бог пройти от Радонежа до Хотькова. Отсюда, из Посада до Хотькова ходил. Это же всё дороги Преподобного. Где-то, может, и попаду подошвой в его след. А весь пеший путь от Москвы до Сергиева Посада прошёл в несколько приёмов после расстрела Верховного Совета в 93-м году. Да, видит Иван Сергеевич Шмелёв из Небесного Царствия наши беды и сопереживает. Описал он этот путь в своём «Богомолье», нам такого не испытать.

Ну, поехал! О плавающих, путешествующих, недугующих... летающих 301-м рейсом в Палестину! Вначале в Тель-Авив. Только вот взлечу ли?

Уже в Москве. Хлеб из Лавры в семье всегда ждут. А какие куличи пасхальные привозил!

По дороге в электричке прочесть Акафист Преподобному не удалось. Подсел знакомый преподаватель. Разговор не из лёгких – о профессоре, который выступил против канонизации Царской семьи. Профессора я уважаю и на лекциях у него бывал. Очень силён в обличениях католицизма. Стремительно вбегает в аудиторию: «Преприятнейшее известие! Новая святая! Читайте её письма Спасителю. Так могут писать только одержимые пламенной страстью, возжелением, снедаемые чувством телесной любви. Ну, друзья мои, католики как хотят, а мы начинаем лекцию».

– Но как же, – сказал я преподавателю, – как же снять с России грех за царевубийство?

– Но это же не при нас! – воскликнул он.

– А как же иудеи, как же их величайший грех за Распятие Христа? Тоже не при них? Сын за отца не отвечает?

– Но и это спорный вопрос.

– Какой же спорный. Два Богоизбранных народа навлекли на себя грехи, которые на них доселе: на евреев за Распятие Спасителя, а на русских за убийство Царской семьи.

Переживал, что долго будет оформление паспорта. Нет, три дня, и он у меня в руках. Теперь шлёпнуть печать в посольстве Израиля, визу двухнедельную.

Ездил в посольство на Ордынку, отстоял в плотном еврейском окружении два часа. Сдал документы. «А когда виза?» «Вот телефон. Звоните».

Шёл по улице, впереди идёт семья, родители и две девочки. Младшая шалунья, дёргает сестру за руку, та несильно шлёпает её ниже спинки. Обе смеются. Отец поворачивается и гневно воздевает руки: «Сколько можно орать?». Идёт дальше. Сестрички переглядываются, зажимают ладошкам рты, смеются. Потом младшая подсказывает к отцу, показывает ему свои пальчики правой руки, один из которых, мизинчик, оттопырен. Да, так и мы в детстве сцеплялись мизинцами, трясли согласно руками и приговаривали: «Мирись, мирись, мирись, и больше не дерись». Отец гладит дочку по головке.

Снова я в своей келье. Уже вечер, скоро на молитву. Дни в монастыре идут совсем иначе, чем в обычной жизни. Они здесь и длиннее, и быстрее. Иду рано утром в Троицкий или Предтеченский храм, окна библиотеки уже светятся, студенты занимаются. У Преподобного молитва. Завтрак. Сочинения, проверка сочинений. Лекция, снова сочинения, обед. Пошёл сдавать книги, дверь захлопнул, ключ внутри. Это у меня, может, уже старческое. Выручил о. Всеволод. Пассия до ужина. Владыка ректор выговорил инспектору за ужином: студенты опаздывают на службу. Для меня службы здешние спасительные, а каково, если бы они изо дня в день. Я-то приехал и уехал, а студенты пашут.

Луна сияет во всё небо, во весь монастырь. А вечером из него уже и не выйдешь, ворота замыкаются в двадцать три ноль-ноль. Порядок. Да и правильно. Дисциплина всегда радовала меня, хоть я и не немец. Это и от семьи, и от службы в армии.

Звонил по телефону о визе. «Повторите фамилию.... Нет, пока нет. Звоните». Да, товарищи, эти девицы Виза и Муза явно не родня. Муза хоть иногда порадует, а Виза все нервы вытянет.

Эти дни вообще отвечает автомат. Это, думаю, дубликат девицы Визы. Поехал к ним вчера. Отстоял опять больше двух часов. Вначале сунулся: «Мне только спросить». «Всем только спросить». И что спросил? Почему автомат отвечает? «Всем автомат отвечает».

Как я люблю нашу академическую библиотеку, как много помогает она мне. И не только в подготовке лекций. Тут наугад можно взять с полки любую книгу, и она обязательно тебе пригодится.

Какие же молодцы наши студенты. Скажет мне кто, что легко монахам, студентам, семинаристам жить на всём готовом, наплевал бы тем в бесстыжие глаза. Либералы Академию нашу непрерывно подкусывают. Но от скалы не откусишь. А один того чище, ляпнул в статье (причём, наверное, был уверен, что говорит нам комплимент), что Духовная Академия – это русский Оксфорд. Вот как. Да Оксфорд это место, где сынки богатых обнюхиваются и снюхиваются на будущие обстрипывания бизнесов своих. И теннис там, и верховая езда. А поставить бы их в ряд с нашими студентами. И что?

Да, вспомнил, когда в начале 90-х были заигрывания с Западом, шестерили демократы ельцино-горбачёвые перед дядей Сэмом, тогда к нам постоянно навязывались посетители из Европы и из-за океана. Так вот, раз Владыка ректор меня благословил сопровождать одну делегацию. Идём по второму этажу. На стенах фотографии выпускников Академии, ставших архиереями. И меня специалист по России, спрашивает: «А почему они все с бородой»? Хоть стой, хоть падай. Он, естественно, гладко выбритый, дезодорантный. Приехал учить русских варваров. Дай ему волю, он бы и архиереев обрил. Бог ты мой, специалист по России!

Безполезно с ними общаться. Толку никакого.

Запомню я эту Ордынку

А уж, запомню. Опять звоню, отвечает живой человек, но результат тот же. Опять для меня всё безвизово.

И опять звонил. Видимо, надоел им. Пригласили для беседы. Хотя бы в очереди не пришлось стоять. «Цель поездки?» «Увидеть Святую Землю». «То есть паломничество?» «Так точно». «Но вы собираетесь писать о поездке?» «Хорошо бы. Но уж как получится». «Вы были редактором журнала, в нём затрагивались вопросы Ближнего Востока?» «Не помню. Скорее всего нет». «Почему же они вас приглашают?» «Думаю им из Союза писателей посоветовали». «А вы располагаете необходимой суммой для пребывания?» «Но они берут на себя моё пребывание». «А где гарантии?» «Мне только билет купить.» «И вы его уже купили?» «Как же я куплю без визы?» «Но у вас есть хотя бы тысяча долларов?» «У меня и сотни нет». «А как билет?» «Так я его на русские рубли куплю». «Значит, рубли есть?» «Поднатужусь». Ещё задавал вопросы на общие темы. «А вы занимались историей евреев?» «Постольку поскольку». «Ну не на уровне же еврейских анекдотов». «Евреи впереди планеты всей». «Издаётеся?» «Восхищаюсь. У них можно и нужно учиться». «Например, чему?» «Сплочённости», – отвечал я и рассказал анекдот: «У евреев: у Зямы дача, у Абрама дача, а у Лёвы нет дачи, давайте поможем. У русских: Петька сидел, Васька сидел, а Витька не сидел. Давайте посадим».

Он изволил улыбнуться. Я продолжил: «Русские и евреи – два Богоизбранных народа. Разница в том, что евреи ждут своего Мессию, а для русских Он уже приходил, и они ждут Его второго пришествия».

То есть разговор ни о чём. Но вроде он всё-таки не робот. Но что они тянут с визой?

В преподавательской, где мы обедаем, готовит обеды моя землячка, с которой разговор один: надо выслушивать её рассказы о её любимом сыночке – детсаднике. Он, конечно, её Санечка, самый-самый. А сегодня она вся в расстройстве. Вчера был день рождения Санечки. Она напекла по этому случаю много прекрасных масленичных блинов. И нам, преподавателям, досталось. Так вот, она проводила Санечку в садик, отдала ему для раздачи ребятам тарелку с блинами. А он вернулся слезах. Всем бы хватило, но самые нетерпеливые стали хватать по два, по три блина. И не смелым не хватило. «Получается, кто смел, тот и съел. Так? И он же виноват. Почему сам не раздавал, а выставил тарелку на стол. Его же и обвинили».

Да, воистину, дети это маленькие взрослые.

Слава Богу, сегодня причастился. Больше у меня ничего не осталось, только надежда на Бога. Умрёт ли кто: помяни, Господи, заболит ли кто: помоги, Господи, иду ли куда: Господи, благослови, вернусь: слава Тебе, Господи. Никак иначе. Это от мамы и от Церкви. И особенно укрепляемо Академией, студентами, Братскими молебнами у Преподобного.

И писать ничего не хочу и, если сажусь за стол, то больше по инерции – вожу рукой по бумаге, как вот сейчас, так уже пятьдесят лет вожу, вот рука и дёргается. Она и во сне дёргается. Но всё больше и чаще дёргается креститься – это главный итог жизни.

И опять болел. И вроде тяжело болел, но как-то радостно и безропотно. Жить лишь бы никому в тягость, самому бы доползая до плиты, до туалета, не опозориться бы ни в чём, умереть бы после покаяния, исповеди, Причастия, да упокоиться бы на родине – вот и все милости, которые прошу у Господа. И прошу, конечно, за родных и близких, за Россию.

Переживал состояние прощания не с жизнью своей, а с этим пространством: летит снег на яблони в саду, солнце посылает свет и тепло, дождь идёт, давно ожидаемый, цветы сменяют друг друга в цветении, река детства, море юности, друзья армии, института, взрослые дороги – вот с этим прощаюсь. Прощаться легко: благодатное одиночество приходит: мир писателей отторгает меня, к корпорации богословов опоздал, детям нужен очень иногда, осталась жена, нужная мне, но пекущаяся о стареющей матери, детях, отдающаяся вся работе. Одинокие дни, ночи и вечера не в тягость мне, спасибо Тебе, Господи.

Тяготит только, что быстро устаю, читаю и забываю, что прочёл. Теряю очки, ищу, а когда нахожу, думаю: зачем я их искал. Спасают святые Отцы, Евангелие, Послания, Псалтирь, Жития святых. Если бы не это, умер бы раньше смерти.

Ещё музыка. Вот сейчас лежал, на груди в приёмничке громада симфонического оркестра, дирижер, весь мокрый, машет на музыкантов, те старательно вырабатывают Пятую симфонию Чайковского. Жду и Бетховена, тоже Пятую. Снова снег.

Стою у окна. С запада на восток идут тучи. К Вятке идут. Вспоминаю всегда замечательное у Фета: «На родину тянется туча, чтоб только поплакать над ней». То есть над родиной. И за меня поплачь, прошу я тучу.

И чего взял ручку? Сижусь, слава Богу, в своём Никольском, грядки полил, цветы в доме полил, птичек накормил. Нынче больше синичек, чем воробьёв, а бывает наоборот. Вишня цветёт, сирени вот-вот, яблони тоже готовятся, пионы набухают, георгины зашевелились, любимые мои флоксы ещё не спешат, но водички просят. Жёлуди из Оптиной не проросли, а каштаны уже с мизинец. Скворец петать перестал, таскает скворчихе еду, ждут потомства. На кладбище поёт соловей. По радио аплодисменты. Выходил на крыльцо. Будет дождь. Зря поливал. Солнце прорвалось и тревожно посветлело. И оказывается давным-давно на плите кипит чайник.

Как только ни называют точки общепита: ресторан, кафе, кафетерий, столовая, чайхана, чебуречная, хинкальная, чайная, мак-дональдс какой-то, но как ни ухищрайся, а получится одно и то же – забегаловка или обжорка-обжираловка. В просторечии и того проще: чепок, шайба, стоячка, пивнушка. Искусство еды и наслаждение ею мне неведомо. Хотя «сиживал за столом, не беспокойтесь, сиживал».

Всё то же, всё так же

А с чего записал? Да всё с того же – тоска, визы пока нет. Нервомотатели в консульском отделе посольства ещё те. Не нравится им, что приглашает меня Союз писателей Палестины. «А как они на вас вышли? А почему они именно вас приглашают?» Но не виновата же Палестина, что нет у неё

посольства, она, якобы автономия Израиля. Какая автономия, она безправна. Номера на машинах разного цвета. Утешаюсь тем, что много читал о Святой Земле, представляю её, и не надо расстраиваться. И чем я евреям не угодил?

И вот я уже полдня в Никольском. И ходил в Балашиху за хлебом, и платил за дом. Ходил в валенках. Лежу и думаю: а ходил ли я? И тем же путём пройденным многократно? И это те же очки, которыми снабжаю устающие глаза? И та же машинка, которую понужаю, как уставшую лошадь, заставляя прокручивать страницы, которые никому не нужны? Увы мне! Оле страдания! Оле взыскание исчезающих сил!

Снег летит. Чудо какое – снег летит. Разгребаю дорожку, хожу по ней по поясу в снегу. Отхожу от дома. Сумерки, а окна жёлтые – свет зажжёт. Сердце тает от счастья – медовые окна таят уют, сейчас умоюсь снегом, вернусь в дом и буду читать о Святой Земле. И мысленно пойду там, «идеже стоясте нозе Его».

Ну не застрелюсь же я, если не поеду. О, не дай Бог не поехать.

Звонил в Вятку: солнце и мороз. Здесь распутица. Сто дней до Великолукского Крестного хода. Вот счастье жизни – Великолукский Вятский Крестный ход.

Утро. Всё ещё темень. А ночью вообще безпросветно. Электричество, тут это бывает постоянно, отключили. Непонятно, который час. И спички не нашарил. Вот урок – класть спички рядом со свечой. К окну на ощупь. Таращусь сквозь черноту стекла – звёзд нет, неба нет. И ночи даже нет. Будто вообще всё такое, что вообще ничего нет.

Академия. День, как сказали бы писатели, не задался. Опоздал к парадному обеду юбиляра, одного из ведущих богословов, не прибавил голоса к Многолетию, где-то посеял очки, потащился за новыми по воде в «Оптику», очки есть, но не хватило денег, и снова пёрся обратно, чтобы занять, и возвращался, хлюпая ступнями в размокших ботинках, а куда я без очков? Да ещё и долго не было ключа от кельи – вечная история. Опять за ключами по жидкому снегу.

Вот уже и ужин подошёл и прошёл, и сижу на кровати, и будильник тикает. Был на дневном Богослужении, даст Бог, пойду на вечернюю молитву.

Из посольства приглашают на беседу. «Когда?» «В удобное для вас время». Миленькая сказочка. Удобное! Это же надо приехать, записаться, отстоять очередь, которая обязательно заканчивается каждый раз на мне. Вчера дождался. Опять выпрашивали о журнале. Печатали ли я палестинских писателей. «Пока не успел. Вот поеду, договорюсь». «А вы знаете, что они могут исказить действительность?». Станный, однако, вопрос. Про визу ответили, что идёт проверка, а это не скоро. «Но разве я похож на шпиона?»

Под Сергиевским храмом кормят странников и бездомных, и просто бедных. Ещё приятное событие – нашёл в кармане гвоздик, а то не на чем было укрепить привезённую икону.

И вот – ходил цельный день по распутице, а ноги сухие.

На вечерних службах проповеди читают и семинаристы, и студенты Академии. Это всегда замечательно. Они очень готовятся. Читают наизусть.

Волнуются. Великая школа – выступить перед друзьями и преподавателями. И как всего протряхивает и прочищает, когда и хор вверху и молящиеся возглашают: «Господи, помилуй», «алиллуйя». «Аминь».

Незабываемый еженедельный Акафист среды. Иногда три хора. Да, когда записывал о визите иностранцев, о вопросе ко мне специалиста по России, почему архиереи с бородами, забыл записать, как они стояли на Акафисте. Они же важные вип-гости, велели к ним уважение показать. Правый хор потеснили, провели их на его место. Акафист час-полтора. Но разве они, такие умные выстоят такую вечность. Как они, бедняжки, маялись. С тех пор стали гостей ставить слева. Почему? Потому что там они стоят у выхода и быстро уходят.

Надо терпеть

Ну, вроде что-то с визой сдвинулось. Несколько раз даже не верилось, что будет. Но велика цель! Надо терпеть это издевательство. А как же наши паломники? Шли месяцами, плыли неделями. Благоговение было такое, что некоторые от пристани в Яффе ползли до Иерусалима на коленях. А это, если не ошибаюсь, 60 километров. А мне всего на метро доехать до Третьяковской, да пройти по Ордынке до храма святой Великомученицы Екатерины.

Беседа была тягостной и не очень для меня понятной. «А почему не пригласили и вашу жену?» «Не знаю. Видимо, для них дорого». «За них не беспокойтесь, деньги у них есть. А с кем вы будете там встречаться?» «С теми, кто приглашал». «Фамилии не помните?». «Нет. Но это же есть в приглашении, оно у вас. Но вы скажите, какие ко мне претензии, это же поездка в полном смысле миротворческая» «Так, да не очень. Вы знаете, что у израильтян и палестинцев непростые отношения?» «Но я и тех и других уважаю». «Тут вы лукавите». «Да в чём же?» «Вы явно берёте в рассуждение одну сторону.» «Из чего такое заключение?» «А вот! Что вы на это скажете?»

И он выложил на стол приготовленный, значит, заранее номер журнала, который я редактировал в начале 90-х. И открыл на странице, где были напечатаны материалы экспертизы союза независимых врачей. Об использовании израильтянами химического оружия против палестинцев. Вот оно что.

Мы посмотрели друг на друга. За его спиной была большая карта Израиля, она же и карта Палестины. Я смотрел на продолговатый овал моря, у которого три названия: Гениссаретское, Тивериадское и Галилейское и про себя молился.

– Послезавтра, – сказал он. И протянул руку. И тоже оглянулся на карту.

Не умею, не владею научной терминологией. «Онтологичность философии» – шо це таке?

Всё же проще: молитва и слёзы. Сегодня опять среда Акафиста. «Разделила риза моя себе и меташа жребий» – камни плачут.

Лекция в девять. Читаю дохристианскую педагогику. Индия, Китай, Египет, конечно, Иудея. Русская чётко читается в устном периоде литературы, в записанных позднее былинах, сказках, особенно, в обрядовой поэзии.

Неужели уже скоро войду в воды сразу трёх морей?

Луна ночью над монастырём ослепительно серебряная, а пошёл за стены к источнику, она бледно-жёлтая, обессиленной сваливается в голые речные

кусты. С востока солнце. Пока можно смотреть. Играет, отторгает от себя кольца света, сжимается, разжимается, отскакивают от него вспыхивающие красноватые вулканчики. Вскипают и испаряются. И так быстро несётся к нему земля, что даже пошатывает.

А сейчас вернулся в келью, уже на восток на солнце, в стене через бойницу, и не глянешь – ослепляет. Сверкают кресты церкви свв. Зосимы и Савватия, нашей Покровской.

На колокольню, Крест над которой вижу, вчера было моё восхождение. Глянул сверху окрест себя и душа моя восхищена стала, взгляд улетал в запредельные пределы. Глядел и в Вятскую сторону, видя дороги и тропинки Крестного хода, смотрел и в сторону Святой Земли, всю её легко представляя и уже считая своей.

С отцом Георгием ходили по дорожкам садика перед учебным корпусом. Как так понимать, спрашиваю: «Истина делает вас свободными?» «Да, но только если есть любовь. И любовь и истина постоянны, у них нет никакого прогресса. Прогресс – это главный обман сатаны. В сути человеку нет никакого прогресса. Как был Адам, так и все мужчины Адамы, как была Ева, так и все женщины Евы». «А идеология, русская идея?» «Также и идеология – это прикраса неправды. Русская идея – следование Заповедям Христа».

Ещё говорили на тему политики. О. Георгий улыбается: «Выдумывают, что Церковь вне политики. А как прикажешь батюшкам поступать? Перед выборами их все прихожане одолевают: “Батюшка, за кого голосовать?” А Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Иоанн Кронштадский, а Серафим Саровский, как он прогнал декабриста? Это не политика? Архимандрит Платон, а? Великий ум. Благодаря ему изгнали из России нехристей Дидро и Аламбера». «Но зараза от них, микробы их безбожия заразили потом Толстого, носил медальон с головой Дидро вместо крестика». «Бог ему судья». «Очень точно у Юрия Кузнецова: “Третья мировая началась до первой мировой”». «Конец 19-го века. Победоносцев: “Сейчас любая шпана за деньги может открыть газету и командовать”». «Да, у Лермонтова: “Наша публика привыкла верить печатному слову”». «Вот и верят. Отец Георгий, я в “Огоньке” печатался, и что скажу. Был в журнале редактор Сафронов, журнал был красный, а пришёл Коротич, журнал стал жёлтым, это Василий Белов заметил. Но что важно: коллектив журнала не изменился, один и тот же коллектив, что при Сафронове, что при Коротиче. А измена курса на 180 градусов. Это порода такая, журналисты? Что угодно будут впаривать, лишь бы самим жить хорошо».

Звонил друг Анатолий. «Записывай: Да мы бедны, но крепки нашим духом. И ты меня хоть расстреляй, хоть режь, не променяю русскую разруху на сытый охамевший зарубеж». Ещё. Сейчас что-то стало прихватывать сердечко, прямо мотает. Вот ещё экспромт: «Хоть мне далеко до могилы, мой вид предмогилен вполне. На лестницах ближе к перилам, на улице ближе к стене».

С грустью уезжаю из Лавры, оглядываюсь на неё с Блинной горки – сияет! Возвращаюсь, бегу от электрички, открывается после поворота – сияет!

Шлагбаум поднят

Ссть Бог, есть виза! Но виза, смешно сказать, полицейская. «А что это такое?» «Вы на особом контроле». «Вот спасибо. За что такая честь?»

Никто мне не ответил. Шлёпнули штамп в паспорт – лети своим 301-м рейсом! Того чиновника, с которым встретился взглядом, к сожалению, больше не видел. А ведь он мог и тормознуть меня. Что-то же шевельнулось в нём.

И только сейчас (это запись после возвращения из Святой Земли) разъяснили мне уже наши службы, что тянули мне оформление с визой именно по причине публикации статьи об использовании израильтянами химического оружия против палестинцев. Это была наглухо закрытая информация, а я статью напечатал. Это же правда, почему её скрывать, думал я. Принёс мне документы экспертизы независимых от политики врачей, английских и французских, неизвестный мне мужчина. Конечно, из КГБ. Ну и хорошо. Если есть государство, должна быть и служба его безопасности.

А что касается полицейской визы – милое дело. Все идут на выход с самолёта, теснятся, я никуда не тороплюсь, гляжу на окрестности. Иду отдельно, полиция навтыяжку, берёт под козырёк.

Да, тогда я (98-й год) увидел, как евреи, сходя с трапа самолёта, кидались на колени и целовали пока не землю Палестины, а асфальт аэродрома Бен Гурион. Я их понимаю.

Как ничтожны мои благодарности Господу за великую милость Его, разрешившему мне прикоснуться к местам Его земных подвигов. Я же потом ещё и в Египте был, куда уходило от царя Ирода Святое Семейство. Везде, везде искал стопы Его.

О, мой любимый, незабвенный Вифлеем! Храм Рождества! Как много раз был я в нём один-одинёшенек у Вифлеемской звезды, у места Рождения Царя Вселенной! Мне ли, грешнейшему из грешных, позволил Ты, Господи, следовать по следам Твоим! Видеть черепочки Вифлеемских младенцев, населивших рай и встречавших Тебя в Страстную пятницу Распятия. Восходить на Фавор, подниматься на Елеон к месту Вознесения, и на Хеврон к дубу Мамврийскому. Который я застал в последние годы его умирания, скованного металлическими полосами. А потом – счастье – увидеть молодые листья двух дубочков, названных именами Авраама и Сарры. И поднять на горе царя Ирода ветку с колючками. Как раз из таких веток сплели для Спасителя терновый венец.

Погружаться в источники Святой Земли – это чудо из чудес. Конечно, Иордан. И у Кинерета, и у храма 12-ти апостолов. И напротив храма Иоанна Предтечи, где Иордан узок, метров 15–20. Со стороны Иордании. У подножия горы Испытания матушка Иустиния попросила знакомого араба допустить нас погрузиться в поток, бегущий по его частному владению. Незабвенно навсегда погружение в источник Овчая купель. Она закрыта. Но мне, по секрету, показали, как можно её попасть. Надо оторваться от группы, которая, войдя на территорию источника, сворачивает направо. А я вперёд и налево. Там, подалее развалины, в них ступени. Вниз и вниз. Металлический забор, калитка закрытая цепью, а цепь замкнута замком. Надо набраться смелости и смело перелезть через ограду. Там ещё ступени и вот – вода. Один раз было

по грудь, в следующий приезд было по пояс, было и по щиколотку. Погружался лёжа. Как и в купель Силоамскую.

Причтём сюда Средиземное море, заплывы в него в Яффе, Хайфе, Акко.

Ликующее купание души в просторах Святой Земли, в её голубых небесах, в крестах православных храмов, в очередях перед святынями, в церковных службах и Причастиях в Горненском монастыре, в церкви Русской миссии, в подъёме на Сорокадневную гору. На Фавор. На Елеон. За две недели пройти места всех православных праздников.

Ну вот, милые мои, родные, как мог, так и рассказал о начале моих паломничеств в Святую Землю. Очень надеюсь, что и вы побываете Там, и вспомните отца кровного и крестного, дедушку и просто раба Божия Владимира. И затеплите свечечку у икон.



ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – член МГО СП России и Академии российской литературы. Автор четырнадцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов. Живёт в Москве.



Доверься тихим зовам сердца...

Время лёгких побед и свершений навеки умчалось,
Сколь себя мы дурманом тоски о былом ни травы,
Где когда-то без долгой науки у нас получалось
Наносить на листки заклинанья о вечной любви.

Можно видеть поэта в удачно рифмующем встречном,
И его уважать, не считаясь с хулящей молвой,
Но зачем говорить и писать о великом и вечном,
Если эти листки опадают осенней листвою.

Юность поиска дерзкого подвига, где же ты, где ж ты?
Но приставило время к седому виску пистолет,
И пока что доселе былые мечты и надежды
На листках заклинаний осели в рабочем столе.

И, в беззвучном сиянии молний, небесная даль
Не оставит усталой душе даже тени иного,
Чем святая и светлая духом, но всё же печаль
О решительной бренности милого сердцу земного.

«Бумеранг»

Когда спала во мне душа,
Я, равнодушием греша,
Врага и друга мог обидеть,
Не в силах смолоду предвидеть,

Что, то ли поздно, то ли рано,
 Ко мне со свистом бумеранга
 Вернутся старые обманы,
 И собирать обиды, раны,
 Как мной разбросанные камни,
 Судьба велит наверняка мне...
 И проведя меня над бездной,
 Одарит истиной железной,
 Что и тюремной жизни тьма
 Бывает светом для ума,
 И что темница и арест –
 Ещё не самый тяжкий крест.

Бойтесь тайных желаний...

Когда уходят молодые годы,
 Приходит час, и сразу как-то вдруг,
 Возникнув из нахлынувшей свободы,
 Поэзия нас тянет в общий круг.

Беда не в том, что ветры высоты
 С годами потихоньку забываются,
 Но в том, что наши тайные мечты
 Не так, как мы задумали, сбываются.

Мечтавшая про сказочного принца,
 Чтоб жить, любовь и радости деля,
 Уговорила на себе жениться
 Колбасного седого «короля»...

Мечтавший жить «за пазухой у Бога»
 Теперь совсем не в Бога стал богат:
 Живёт рабом у роскоши убого –
 Сварлив, высокомерен... и «рогат» ...

Но жизнь – турнир добра и окаянства
 Под общей отговоркой «се ля ви».
 А творчество – открытое пространство
 Сомнений, покаяний и любви...

Всё то, что мы сплетаем сами
 Из тёмных помыслов и дел,
 Бедой вернётся Небесами,
 Таков людской земной удел.

Когда ты сплетнями растоптан
 И на кресте хулы распят,
 Ни принуждение к работам,
 Ни труд врачей не исцелят.

Теперь тебе всего полезней
 Не процедуры и лучи:
 Как сам накликавал болезни,
 Так сам себя и излечи.

И как судьба ни сыплет перца,
 Толкая к скорби и слезам,
 Доверься тихим зовам сердца,
 Поверь себе и Небесам!

Бытийное

В крапиве земных буераков
 Растившим плантации роз,
 Видавшим зимующих раков
 Житейский мороз – не вопрос.
 В извечном людском обиходе
 С ломанием шапок и пик,
 Судьба, как река в половодье,
 Которой затор – не тупик.
 В любой из житейских коллизий
 Не думай, что выхода нет:
 Открой своё сердце для жизни,
 Иди не во тьму, а на свет.

День Победы

Свои у России приметы,
 Свой образ, и облик, и глас:
 Солдаты Победы бессмертны,
 Поскольку в России у нас
 Все главные площади в мае
 В любой стороне и краю
 Живые бойцы занимают
 С погибшими в общем строю...
 Мы им благодарны сердечно
 И чествуем их имена,
 И Красная площадь навечно
 Их кровью священной красна.
 И славой воистину вещей
 Гордится родная страна,
 Но помнит, какой сумасшедшей
 Была у победы цена!

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.*

Расул Гамзатов

Сквозь тучи лжи и тьму наветов
Известно людям разных стран,
Каких героев и поэтов
Растит российский Дагестан.

Известно нам не понаслышке,
Как худощавый мужичок
Сказал: «Работайте, братишки!»,
Бесстрашно глядя в злой «зрачок».

Как в битве с бандой бесноватой,
Боец «Героя» заслужил,
Когда, взорвав врагов гранатой,
За други голову сложил.

В горах мужчины с детства знают:
«За честь – без страха умирай»,
И журавлями улетают
С полей сражений в горный рай...

Ты блеском ярких самоцветов
Венцу России Богом дан
Страна героев и поэтов –
Благословенный Дагестан!

Вечера на хуторе...

Когда держали нас в плену у гадов –
Живым щитом для этих псов войны,
Они от рук российских спецотрядов
На гибель были все обречены.

И «бандермены» с пауками свастик
В момент спускали героинный пар,
Расслышав, как решающий ужастик,
Над головами клич: «Аллах акбар!»

Мы всех богов о помощи молили
И понимали, что спасает нас
Отряд великой Матушки России –
Чеченский сокрушительный спецназ.

Как ни прячь за спинами ножи,
Но враги вполне определимы,
Там, где хитрозадые ханжи
Дарят людоедам «джавелины».

Где, рабами для чужих затей,
Троглодиты в двадцать первом веке, –
Прячутся за спинами детей
Бандермены-недочеловеки.

Сколько бы врагов ни шло на Русь,
И о чём бы Небо ни просили,
Сколь бы ни мечтали: «Gotmituns!»
Бог не с ними, а в душе России!





ИНТЕРВЬЮ

Наталья РИТТИНА

Судьба династии

Опыт изучения истории одного рода

Наталья Юрьевна Риттина – известный детский писатель. Но в её библиографии есть издания, которые предназначены совсем не детям. В 2020 году вышло второе, дополненное издание «Российские Династии. Грязные. Грязново. Грязновы. Семейный альбом». Писательница собирала материал для издания много лет, работала с историческими документами в архивах России и Венеции, проводила генетические экспертизы. Её опыт в подготовке подобного издания уникален и бесценен. Об истории подготовки издания с Н. Риттиной побеседовала писатель и журналист Марина Замотина.

На меня книга действительно произвела впечатление. Я искренне уважаю писателей, которые не один год собирают материалы в архивах, несмотря на все сложности нынешнего времени. Ведь всегда возникают проблемы, причём самые разные – от ремонтов, начавшихся не вовремя, до пандемии, тоже, понятно, не ко времени на весь мир обрушившейся. Но, несмотря ни на что, Наталья Риттина свою многолетнюю работу завершила и выпустила уникальное издание. Изучать историю своего рода – безусловно, важно. В первую очередь необходимо не оставлять без внимания родственников, особенно возрастных. Ведь то, что они помнят и могут нам рассказать, мы больше ни от кого не услышим. Часто, как это случилось со мной, когда мы начинаем это понимать, становится поздно. Да и семейные архивы мы не всегда бережём. И, как правило, не изучаем их внимательно. А зря. Ведь из истории одной конкретной семьи складывается история рода. И далее – история нашего Отечества! И это не просто пафосные слова. Это наша жизнь. Это наш мир. Это наша история. Читателям, а точнее, всем, кто ценит и любит историю нашего Отечества, интересно (и совсем не бесполезно!) знать, как писательнице удалось создать такой колоссальный труд. А книга, кстати, большая и по формату, и по объёму



Наталья Юрьевна Риттина – член Союза писателей России, прозаик, публицист, автор книг для детей и исторических исследований. Живёт в Москве.



НАТАЛЬЯ РИТТИНА

информации. И невероятно интересная по содержанию. Спасибо Наталье Юрьевне Риттине за то, что она поделилась с нами своим опытом и знаниями.

– Когда и как возникла идея начать изучение истории своего рода?

– Знание истории своего рода – это культурная традиция, которая всегда существовала в российском обществе до 1917 года и практически была прервана в связи с изменившимися политическими взглядами.

Во всех православных семьях были Синодики – поминальные списки предков.

Семейный Синодик Грязновых, к примеру, насчитывает (по нашей ветке) более пятидесяти имён!

«По нашей ветке» – это необходимое уточнение, поскольку

род Грязново был достаточно разветвлённым, поэтому в каждом поколении становилось известно имя основателя непосредственно их ветви рода. В семье моей бабушки – Александры Семёновны Грязновой (в замужестве Риттиной) – все знали, что мы «от Никифора» (XVIII в.)

Представители крестьянского сословия, как правило, знали своих предков «до четвёртого колена». Именно благодаря этой традиции возникло большинство русских фамилий – от «дедичества» – крестильного имени или прозвища прадеда. В дворянских семьях было принято знать свою семейную историю, начиная от основателя династии.

У этой традиции были как морально-этические, социальные, так и экономические причины. Как известно, «удостоверением личности» и «свидетельством о рождении» дворянам служили их Родословные росписи и фамильные гербы.

Геральдика являлась строгим социальным кодексом, с множеством предписаний, ограничений, геральдических законов. Именно по гербу, на протяжении веков, определяли его обладателя и носителя, а не наоборот, – как теперь ошибочно думают, – искали по фамилии Герб!

«Экономические причины», по которым дворяне знали имена своих предков, были связаны с тем, что первые поколения за службу Отечеству получали не денежное вознаграждение, а участки земли. Эти земельные наделы передавались из поколения в поколение, и «по закону» – в равных долях – делились между потомками, а в отсутствии прямых потомков – передавались по наследству ближайшим родственникам.

До реформ Петра I и появления, в том числе, военных наград в виде орденов и медалей, дворянина за ратные подвиги награждали Иконой, которую



изготавливали по указу царя. Почитаемые Образы Богородицы и Святых, которые были пожалованы предку за службу Отечеству, становились семейными реликвиями – подлинными святынями рода. Их также передавали из поколения в поколение, и, таким образом, сохранялась семейная история, связанная с тем, как и при каких обстоятельствах та или иная Икона стала семейной реликвией.

– Как возникла мысль издать книгу?

– Мысль написать книгу о своих предках у меня, как ни странно, возникла после того, как я неожиданно столкнулась с поразившим меня явлением: самозванством и забвением исторической памяти о моих предках одновременно!

На просторах Инета внезапно, в начале 2000-х гг., возникло странное «движение» под лозунгом: «Все Грязновы – это потомки рода Грязново!» Чем руководствовались инициаторы – распространители такой странной идеи в соцсетях, остаётся только гадать... Не менее одиозные заявления начали распространять в Инете представители династии Ошаниных. Некий В. Ошанин опубликовал в Инете «Родословную Ошаниных», где первые поколения Династии Грязново записал с фамилией Грязновы-Ошанины, а последующие поколения указал с фамилией Ошанины. И появились комментарии, что «Род Грязново растворился в роду Ошаниных»!

Так что, издать книгу о Династии Грязново стало делом чести для меня, как бы пафосно это ни звучало. Совершенно необходимо было, чтобы прекратили сочинять фальшивые истории о моих предках, которыми я очень горжусь!

– О личном опыте. Что помогает в работе. Образование? Навыки исследовательской работы как учёного?

– Думаю, что опыт научной, исследовательской работы необходим. Как и в любой другой сфере деятельности, важен профессиональный подход. Невозможно приступить к написанию Родословной книги, посвящённой истории дворянской династии, без знания истории Отечества и семейной истории, хотя бы в общих чертах, не имея опыта исследовательской работы и, конкретно, – работы с научными документами, без знания законов Геральдики, не будучи лингвистом, генеалогом...

– Нужен ли литературный талант – умение создавать образы? Или необходимо следовать точно исторической основе?

– Создавать литературные образы в историческом повествовании, по моему мнению, антинаучно! Когда речь идёт о конкретных исторических личностях, «любование» или «личная неприязнь» к ним абсолютны неуместны! Я за Истину! За объективные – «сухие» – исторические факты.

– Если есть «белые пятна» в историческом повествовании, допустимо ли высказывать версии, предположения и гипотезы?

– Историческая наука – это сплошь предположения и гипотезы! Задача учёного – найти в архивах документы, которые позволили бы подтвердить (или опровергнуть) эти гипотезы.

– Архивы и библиотеки. Где и как Вы работали? Что было самым сложным, а что получалось легко?

– Все архивы, в которых есть информация по теме моей книги, я указала в разделе «Список литературы и архивных источников». Наиболее полная информация о представителях династии Грязново, включая родственные связи по женским линиям, хранится в фондах Государственного архива Тверской области.

– В каком архиве работать комфортно, а где – нет? Ваши личные впечатления о работе в архивах.

– Я под большим впечатлением от работы в архиве Национальной библиотеки Венеции (Библиотеки Марчиана), куда я ездила в Отдел древних манускриптов в 2011 и 2018 гг.

Ведь история династии Грязново начинается в Средневековой Венеции, а в Ростовском удельном княжестве середины XIV века – это «Русская Одиссея» потомков древнего венецианского рода Стено (Steno).

– Откуда Вы брали исторические фото? Библиотеки? Семейные архивы? Периодическая печать?

– Большая часть фотографий в моей книге – это наш семейный архив. Многие из них очень ветхие, но, по-моему, нам удалось неплохо их отреставрировать! Портреты князей Барятинских и графов Орловых – это общеизвестные портреты, они – в открытом доступе в Инете.

– В интернете есть смысл искать информацию? Или это ненадёжный источник?

– В Интернете есть надёжные источники информации! Это оцифрованные архивные материалы – Метрические книги, старинные фолианты... Очень ценно – иметь возможность «зайти» в архив, не выходя из дома.

– Генетическая экспертиза – уникальное исследование. Как пришла идея? Это современные новые методы? Насколько они действенны и необходимы в исследованиях учёных-историков (писателей)?

– НК-генеалогия – это самый надёжный способ доказать (или опровергнуть) своё биологическое родство! Надёжнее, чем архивная справка. К сожалению, не все родственные связи Грязновых мне удалось подтвердить с помощью архивных документов, поэтому и было принято решение использовать современные методы, которыми широко пользуется в наши дни генеалогия. Наша ДНК хранит информацию обо всех (!) наших предках, как по отцовской, так и по материнской линии.

– Кто из членов семьи помогал в работе над книгой?

– Я никого и близко бы не подпустила к своей рукописи! В этом нет никакого высокомерия! Просто я, очевидно, слишком трепетно отношусь к своему творчеству. Признаюсь, ни к одной из моих рукописей никогда не допускался редактор. Ни в одном издательстве – только корректорская правка. Но, конечно же, чтобы наполнить своё повествование «живыми» семейными историями, я попросила поделиться своими личными воспоминаниями всех «старейшин» в нашей семье и трепетно включила эти истории в свою книгу.

– Как бы Вы определили возрастную адресованность Вашей книги? Кому предназначено такое издание? Широкому кругу читателей? Узкой аудитории специалистов? Исключительно членам семьи (родственникам)?

– С самого начала я не планировала издавать книгу большим тиражом. Первое издание (2012) предназначалось только для членов семьи. Второе издание (2020) тоже вышло ограниченным тиражом – не для продажи. Крупные научные и публичные российские библиотеки имеют в своих фондах мою книгу, поэтому доступ к её содержанию открыт и для историков, и для любителей Отечественной истории.

– Считаете ли Вы, что история конкретной семьи должна быть доступна массовому читателю?

– История конкретной семьи – это частная история, не для публичного обсуждения! Именно так я и рассуждала, издавая свою книгу впервые.

Однако сотрудники издательства убедили меня в том, что история Династии Грязново не может быть «частной», поскольку в каждом поколении представители этой дворянской династии были непосредственными участниками грандиозных событий Российской истории, что содержание моей книги – это «национальное достояние».

Беседовала Марина Замотина



ПОЭЗИЯ

Аламахад ЕЛЬСАЕВ

Аламахад Абдул-Хамидович Ельсаев – прозаик, поэт и журналист, родился в 1967 г. в с. Мартан-Чу Урус-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. В 1995 г. окончил факультет журналистики Ростовского государственного университета. В 2005 г. в Северо-Кавказской Академии госслужбы защитил кандидатскую диссертацию по политологии. Руководил различными электронными СМИ республики. Депутат Парламента Чеченской Республики, председатель Комитета по межпарламентским связям, Национальной и информационной политике и взаимодействию с общественными организациями. С ноября 2021 г. – председатель Правления Союза писателей Чеченской Республики. Имеет правительственные награды. Автор сказок, стихов, песен, более двадцати рассказов и трактата «Стержень». Пишет на русском и чеченском языках.

Живёт в Грозном.



Да сохранит нас всех Аллах!..

Чечня моя

Когда иду домой с работы,
Любуюсь городом родным,
«Салам», что скажет мне прохожий,
Согреет души нам двоим.

Красив ты днём,
Красив ты ночью,
Мой город, что людей роднит.
Не о тебе ли песней звонкой
Неспешно Сунжа говорит?

Каким ты стал,
Мой город Грозный,
Весна завидует тебе.
Луна, повиснув надо мною,
С звездой о тебе молчит.

Люблю столицы я сиянье,
Люблю счастливый детский смех,
Знакомых улочек дыханье
Душе моей милее всех.

Здесь полумесяцем увенчана –
Мечеть-красавица стоит!
Сердце частицы и надежды
В ней время бережно хранит.

Чечня моя, Чечня родная,
Как дорог мне твой каждый вздох.
«Салам» прохожим возвращая,
Тобой люблюсь вновь и вновь.

Семья

Когда склонился день к исходу,
И все спешат к себе домой,
Прервав любимую работу,
И я иду к семье родной.

Как мне приятно знать, что скоро
Услышу ваши голоса.
Я так соскучился, как будто
Не видел вас уже года.

И вот встречаясь на пороге,
С улыбкой доброй на устах,
Ласкаем взглядом тех, кто дорог...
Да сохранит нас всех Аллах!

Люблю я каждого, и знаю,
Что каждый любит и меня.
Как хорошо, что нам Всевышним
Была дарована семья!!!

Всадники Чечни

Весенним днём вблизи столицы
Гарцуют всадники Чечни.
Под каждым конь – огонь и пламя –
Рвёт удила. Только пусти...

В цвету деревья, зеленеют
В низинах травами луга.
И украшают гор вершины,
Седой Кавказ, твои снега.

Я здесь родился, здесь я вырос,
И это Родина моя.
Я за неё теперь в ответе,
А эта рать – мои друзья!

Нам пережить пришлось немало,
Хлебнули горя мы сполна.
Да, путь наш к цели был нелёгким...
Как мир к лицу тебе, Чечня!

В тебе поля хлебами зреют
И хорошеют города.
Их украшают минареты,
Маня к себе наши сердца.

О, мой народ, силён ты духом,
Рабом ты не был никогда,
Пусть обойдут тебя все беды,
Пусть будет жизнь твоя легка!

Белее белых облаков...

Мечеть воздвигли – Дом Аллаха,
Белее белых облаков.
Она как долгая молитва
На протяжении веков.

Она – для глаз и душ отрада,
Она – как скрытая мечта,
Как добрый сон, сердец услада,
Она – как матери дуа.

Мечеть – любимица народа,
Теперь ты гордость мусульман.
Твоё открытие нам снова
Явило лидера иман.

Собой украсив даже небо,
Как символ тихой доброты,
Пророка именем согрета,
Ты светишь миру изнутри.

Грозный

Этот город, словно сказка,
В ярком мире грёз,
Млечный путь из звёзд и счастья,
Вместо моря слёз.

Он, как новая надежда,
Сон из красных роз.
О тебе такой мечтаю,
Каждый жил и рос.

О тебе поют фонтаны,
Милый Грозный мой,
Не найти на свете краше
Город под луной.

И теперь в твоём сиянье
Шепчем мы дуа.
Это наше воздаянье
За тебя, Чечня.

А ведь было время, помнишь?
Стали вдруг твердить,
Что оправиться не сможешь,
Грозному не быть.

Только: «Нет! – сказали хором
И отец, и сын, –
Грозный будет! Будет краше,
Встанет из руин...»

Возрождённая столица –
Символ красоты,
Как же мы тобой гордимся –
Остров доброты.

Здесь особенно поётся,
Любишь от души.
О тебе слагает солнце
Для луны стихи.

Мама

Солнце встаёт и тебе улыбается,
Дождичек летний купает тебя.
Звёзды на небе для тебя зажигаются,
Если с тобой рядом Мама твоя.

Радуга ради тебя простирается,
Ради тебя зеленеет трава,
Ради тебя цветы раскрываются,
Если с тобой рядом Мама твоя.

Даже родник для тебя пробивается,
Звонко поёт для тебя соловей,
И для тебя облака наряжаются,
Если с тобой рядом Мама твоя.

Весь этот мир для тебя просыпается,
Счастье на свете живёт для тебя,
Ночь для тебя луной освещается,
Если с тобой рядом Мама твоя.



Адам Абдурахманович Ахматукаев – родился в 1961 г. в с. Алхан-Юрт Урус-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. Поэт. Автор пяти книг стихов и поэм. В 2013 г. вышел сборник стихов «Неправильный мир», выпущенный совместно с книгой московского поэта Юрия Гладкевича «Кровоточины» под общим названием «Опыт общей беды» на двух языках (чеченском и русском). Также произведения А. Ахматукаева публиковались в республиканских, региональных и центральных печатных изданиях: «Орга», «Вайнах», «Нана», «Дон и Кубань» (г. Ростов-на-Дону), «Окраина» (г. Ростов-на-Дону), «Литературная Россия» (г. Москва) и др. Член творческих союзов писателей и журналистов. Пишет на чеченском и русском языках.

Живёт в Грозном.



Я снова стою у заветных отцовских ворот...

Мои башни

«Прозреете, когда меня не будет!» –
Твердил, как завещание, отец,
Наверное, предчувствуя конец...
А я тогда Творца молил о чуде,

Чтоб башни не обрушились мои,
На чьих плечах живу на белом свете.
Да, без отцов взрослеют быстро дети,
Печаль в душе навеки затаив...

Коль рухнул мир родного очага,
Прозрений горьких долгие дороги
Когда научат отличать в итоге
Добро от зла и друга от врага?

Как много лжи несут по свету люди!
И потому пока я, видит Бог,
От слов отцовских всё ещё далёк –
«Прозреете, когда меня не будет» ...

Дома

К родимым воротам пришёл я сегодня опять.
 Нетронутым снегом встречает подворье меня.
 Проплачет охрипший звонок: мол, пора открывать.
 Металл его сердца ржавеет в холодных сенях.

Оконную занавесь в сторону мать отведёт.
 Потом отзовется, прокашлявшись, старый отец.
 Дороге, что честно вела до скрипучих ворот,
 За эту дверь придёт долгожданный конец.

Запляшет огонь в сердцевине печной веселей,
 Чтоб чайник скорей замурлыкал на жаркой плите.
 Затеет беседу отец об учёбе моей.
 Нет места в ней спешке, и мыслей, и чувств суете.

Всё тот же ковёр за отцовской спиной на стене.
 Уютно подушка свернулась под левой рукой.
 На чётках болезням, что тлеют пока в глубине,
 Отец счёт ведёт и о милости просит святой

Для нас: для меня и для той, что хранит наш очаг,
 Для той, без которой бы стал сиротой этот дом.
 Не каждый ли вздох материнский, не каждый ли шаг
 Во имя семьи стали вечным, заветным трудом!

Гордятся родители сыном! Я нынче обрёл
 Их вновь и родимого дома уют и тепло!
 Мать ставит то-берам* с припасом чурека на стол.
 Отец приосанился: стал их птенец на крыло!

От зависти вьюга всю ночь будет выть у стены
 И в окна стучаться, и в дверь – видно, норов таков, –
 Покуда мы, радостью встречи желанной полны,
 Смакуем ту встречу до утренних до петухов.

О, снов золотых нескончаемый круговорот!
 Душою владеешь, дорогой далёкой маня!
 ...Я снова стою у заветных отцовских ворот.
 Но некому встретить в родительском доме меня...

* То-берам – чеченское национальное блюдо из творога со сметаной.

Земля Отчизны

Закрыла горы коршуньячья стая,
 И каждой жилкой жаждал я ответа:
 Неужто жизнь сиротская, пустая –
 Лишь подаяние от бела света?

Хрипела гордость в непокорной песне,
 Упрямо отвергая злую долю.
 И верил я: моя Чечня воскреснет
 И даст мне счастье на отцовском поле!

Я не бросал в мороз дечиг-пондара*,
 Натягивая солнечные струны.
 Наперекор угрозам смертной кары,
 Они звенели песней, вечно юной!

Нет злобы в сердце, в нём рубец навеки
 Оставлен горьким временем разбоя.
 Горжусь судьбой остаться человеком –
 Не подаянья ждущим сиротою!

Напевы гор не выжжены пожаром,
 И потому всегда во имя жизни
 Откликнется душа дечиг-пондаром
 На зов моей несломленной Отчизны!

* Дечиг-пондар – древний национальный щипковый музыкальный инструмент

Перевод Юрия ЩЕРБАКОВА





ПОЭЗИЯ

Асет ХАЛИКОВА

АСЕТ ХАЛИКОВА



Асет Хусейновна Халикова – родилась в 1985 г. в селе Новый Шарой Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. Поэт. Окончила филологический факультет Чеченского государственного университета. Работала в Министерстве по делам молодежи ЧР, в телерадиокомпании «Дайможк» и преподавателем кафедры чеченской литературы и фольклора ЧГУ. В настоящее время является куратором творческого объединения молодых литераторов «Синмаршо» (при Союзе писателей Чеченской Республики). Автор сборника стихов и рассказов. Член Союза писателей России, член Клуба писателей Кавказа. Награждена медалью им. А.П. Чехова, медалью им. М.Ю. Лермонтова «За личный вклад в установление мира и благополучия на Северном Кавказе». Пишет на чеченском языке.



Всё, что я написала, мне будет последней отрадой...

В тонкой книжице жизни, исписанной лёгкой рукой,
Даже буквы одной не найдёшь, не замеченной мной.
Карандаш – моё сердце, бумага – долина моя,
Где дороги судьбы заждались моего бытия.

В этой тонкой тетради, исписанной жизнью моей,
Души тысяч и тысяч живущих со мною людей.
Всё, что я написала, мне будет последней отрадой,
Слово доброе станет в могиле надёжной наградой.

Ты прочти! Но никто не решается это читать.
Верю сердцем моим – не исчезнет бесследно тетрадь...

Перевод Асламбека ТУГУЗОВА

Одних обходит счастье стороной,
Других – объятьем радости встречает.
Бывает, что судьба благоволит,
Иные весь свой век живут в печали.

И мрак крошечный горестей и бед,
И свет чудесный искренней любви –
В душе одних глубокий выжгут след,
Других не тронут, сколько ни живи.

Жизнь – мельница, а люди, словно зёрна,
Меж жерновов её вращаются внутри,
Не замечают, что кому-то больно,
Стремясь друг друга в чём-то превзойти.

От этих жерновов на сердце – раны,
Ум полыхает – хоть пожар туши,
На части рвут обиды и обманы,
Облегчит боль лишь доброта души.

Всё, что имеешь, то – твоё по праву,
Присуще то же было и другим.
Лови успех, удачу, счастье, славу –
Всё суждено, пока живём, творим.

В свой час приходит каждый в этот мир.
Пусть кто-то раньше, кто-то – много позже.
Не вечна жизнь: всего лишь – только миг,
Продлится всё без нас, но так похоже.

Забудется имя, иные придут,
Когда твоих лет пожелтеет листва,
И юность на старость изменит маршрут,
В улыбке твоей поселится тоска.

Весна в неизменном наряде своём
Настанет, как прежде, но не для тебя.
Забудешь навеки про счастье вдвоём,
А дети умчатся вослед голубям.

И годы твои с журавлями весной
Уже никогда не вернуться назад.
Судьба не подарит желанный покой –
Обиды, долги, всё, в чём сам виноват.

Лишь вера, рождённая в сердце твоём,
Душевные силы поддержит огнём.

Перевод Тамары ПОТЁМКИНОЙ



ПОЭЗИЯ

Петимат ПЕТИРОВА

Петимат Руслановна Петирова – родилась в 1982 г. в селе Элистанжи Веденского района Чечено-Ингушской АССР. Поэт, прозаик и переводчик. Окончила русско-вайнахское отделение филологического факультета Чеченского государственного университета. Печатается в республиканских литературно-художественных изданиях и коллективных сборниках молодых писателей. В 2009 г. вышел сборник стихов «Цвет надежды». Главный редактор журнала художественных переводов «Гоч» («Перевод»). Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Пишет на чеченском языке.

Живёт в Грозном.



Быть ли мне когда-нибудь счастливой?..

Ещё надеюсь...

В жизни не обласкана судьбою,
К горечи привыкла голова.
Мне б не стусеваться перед болью
И иметь бы на добро права.

Я всегда боялась лишь позора,
И лукавить точно не по мне.
К благодати стремилась я с задором
С призрачной удачей наравне.

О судьба, не будь такой жестокой,
Счастье подари хотя б на миг!
Почему одних караешь строго,
Ласками приветствуешь других?

Печальные думы

Мои думы тяжелее камня,
Опускаю голову тоскливо...
Сердце растревожилось и память:
Буду я несчастной иль счастливой?

День грядущий – солнечный и ясный
Слёзы вдруг мне принесёт глумливо?
Я устала от надежд напрасных:
Быть ли мне когда-нибудь счастливой?



Жду привета я от синей птицы,
На судьбу надеюсь боязливо...
А душа в сомнениях томится:
Буду я несчастной иль счастливой?

Чтоб по тебе я реже тосковала,
Ты вместо ласок даришь стылый лёд.
Но я теперь навязчивою стала –
Мечты мои продолжают свой полёт.

Сродни тому, как путь искать в тумане,
Твои мне сложно думы разгадать.
Наверно, нам (судьбу ведь не обманешь)
На пару не придётся станцевать.

А кто-то вновь и вновь улыбки дарит,
Он каждый раз при встрече ловит взгляд.
И что-то там из лирики читает –
Стихи меня невольно тормозят...

Остановилась. Главный перекрёсток.
Стою и не решаюсь перейти.
Непросто это... это так непросто,
Тебя оставить здесь на полпути.

О счастье светлом думаю-гадаю,
Но не смогу я сделать этот шаг.
Да, не смела... Тебя, я знаю точно,
Из сердца мне не выкинуть никак!

Перевод Хожбауди БОРХАДЖИЕВА





ПОЭЗИЯ

Инга ХАЯУРИ

ИНГА ХАЯУРИ



Инга Аликовна Хаяури – родилась в 1980 г. в с. Бамут Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. Поэт и переводчик. Финалистка республиканского литературного конкурса «Дебют». Член Союза писателей России. Стихотворения опубликованы в литературно-художественных альманахах «Дебют» и «Паровозъ», в журналах «Литературная Ингушетия», «Гоч» и других местных литературно-художественных изданиях. Успешно занимается художественными переводами произведений чеченских поэтов на русский язык. Автор текстов популярных песен. Пишет на русском и чеченском языках. Живёт в Грозном.



Где-то там далеко, где война все крушила мосты,
Птицы гнёзда бросали в поисках тихого места.
На снегу опалённом растаяли наши следы,
Там осталось навек босоное, рыжее детство.
Там осталась садов, узких улиц моих тишина,
Дом родительский – он не сравнится с другими домами.
А на детских висках ранним снегом легла седина,
Повзрослели мы вмиг не выдавшими жизни сердцами.
Там остались мечты в пыль разбитым о пол хрусталём,
И по колким осколкам прошли мы босыми ногами.
Мы, весны не познав, надышались сухим сентябрём,
Не согретые солнцем, промокли насквозь под дождями.
Нам обрезали крылья, лишая своих облаков,
И лишили того, что по праву могло быть лишь нашим,
И сегодня, вкушая ядро самых значимых слов,
Мы сквозь память идём по листве той весною опавшей.

Пью глотками скудные стихи...

Ты знаешь, как больно... ты знаешь, как больно терять?
Назад оглянувшись, увидеть бескрайнюю бездну,
В гортани иссохшей истошный крик-плач удержать,
И видеть, как падают самые яркие звёзды?
Ты знаешь, как трудно минуты считать в тишине,
И слившись с холодной мглой, сидеть безучастно.
Стук сердца, беспечный ход стрелок часов на стене
Не счастьем считать, а каким-то абсурдным несчастьем.
Ты знаешь, как страшно рассвет одиноко встречать,
И видеть, что ночь начинает как жизнь растворяться,
Смотреть без конца на пустую небесную гладь...
Как взрыва земли своего же дыханья бояться.
Ты знаешь, как больно...
Ты знаешь, как страшно терять?

Я с тобой расстанусь без надежды на новую встречу,
Ветер сносит мечты – опустевшие ветхие избы.
Во мне тысяча слов, но судьбе я молчаньем отвечаю,
Словно тень, мне вдогонку твой взгляд побежит, и мне лишь бы
Удержать дикий крик, что привязан к гортани цепями,
Не глядеть бы назад, лучше в это беспечное небо.
Разрыдаться готовы и грузные тучи над нами,
И срывает листву с тополей непогода свирепо.
Снова ляжет на сердце мне грузом безмолвия ропот,
Ветер стихнет слегка, и, конечно же, это неплохо.
Принесёт он тебе на ладонях дрожащий мой шёпот:
– Ты останешься болью моей до последнего вздоха...

Посмотри, врата ещё открыты!
В небе ясном сотни млечных звёзд,
Для тебя сверкают как софиты,
Ждут из мира обветшалых грёз.
Коль душа изрядно истощала,
Ты её добротой накорми,
Опусти железное забрало...
Чуешь ветер? Скоро заштормит...
Брось в дороге хилые надежды,
Им рассвета не дано узреть,
Босы, сиры, рваные одежды –
Не пой ты родником их впредь!
Не жалея откормленную тушу,
Пусть узнает про пустынный жар,
А свою измученную душу
Пригласи, как гостя, на ифтар.
Я стою сейчас на кромке света,
Пью глотками скудные стихи...
Звёзд не слышно в тишине рассвета –
Глотку надрывают петухи.

Вянут розы в саду, впереди сероглазая осень,
Ливни смоят всю пыль с тротуаров и узких аллей.
На пожухлой траве утром ляжет задумчиво проседь,
И исчезнет вдали дымкой тающей клин журавлей.
Облаков череда – взбитых сливок воздушная пена,
Собираясь в гурьбу, перекрасится в пепельный цвет.
Листопад закружит чуть взволнованно в вальсе Шопена,
Мысли лягут в строку, образуя осенний сонет.
Засучив рукава, разгребу урожай листопада,
И смету я в костры всё, что тянет жестоко ко дну.
С гибкой ветки сорву ароматную кисть винограда,
Вздохом слышным едва ни за что не спугну тишину.
Эту лёгкость души и покой не нарушит былое,
Холодов не боюсь, не боюсь я давно нищеты.
Усмирила тоску, на луну обречённо не вою,
И с бедовой судьбой перешла дружелюбно на Ты.
Здравствуй, осень! Опять мы сошлись на тропе моей жизни,
Не похвастаюсь я... Не богат, извини, мой улов.
Понимаю теперь, что не много осталось до тризны,
Знай, мне дорог весь путь, долгий путь жизни в сорок шагов.



Деревянные куклы

Рассказ

Раздавшийся неподалеку хлесткий звук разбудил Дени, он увидел падающий в окно лунный свет, в соседней комнате слабо заплакал ребёнок. Дени понял, что это за шум, когда тишину опять нарушил грохот выстрелов, вспомнил, что живёт в суверенной стране и поэтому не может быть несчастлив.

Когда ребёнок заплакал вновь, Дени перешёл в ту комнату и, откинув полог с колыбели, прочёл «Шахадат» – ребёнок плакал во сне. Он вспомнил слова матери: ребёнок плачет во сне, когда ангелы ему говорят, что родители его умерли. Какая жестокая шутка для маленького, незащитного человека, пришедшего откуда-то из вечности на эту холодную, жестокую, полную угроз землю, не имея никого, кроме родителей! А может, ангелы не шутят? Может, они готовят маленького человека к этой жизни, заранее давая ему познать горечь беды?

Земля – своеобразный ад, созданный для испытания человеческих душ. Испытание начинается с момента рождения. Жизнь – тоска, жизнь – боль, редко, раз в десять лет, душа обретает покой.

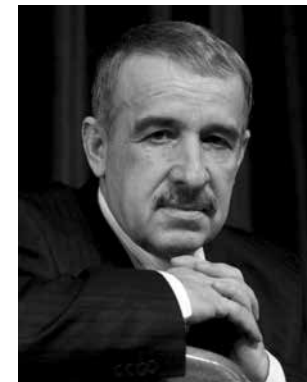
Проснувшаяся мать извиняется:

– Кажется, я задремала.

Колыбель, ритмично раскачивающаяся под её рукой, просеивает плач ребёнка, как сито просеивает кукурузную муку, рассыпает его по миру, пока он не исчезнет.

Он идёт в свою комнату и садится за стол. Вырезанные им из дерева образы, стоящие на столе, в свете луны кажутся призраками удивительных животных, живущих в непроходимой чаще леса.

Дени освоил это ремесло – вырезать из дерева человеческие образы – ещё в детстве, когда отец взял его в горы пасти овец. Отец не одобрил увлечения сына: бесполезное занятие, кроме того, изображать людей запрещено религией. Но вошедшая в кровь привычка гнала эти мысли прочь.



Муса Магомедович Ахмадов – родился в 1956 г. в Киргизской ССР. Прозаик, поэт, драматург и публицист. Член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Чеченской Республики, Народный писатель Чеченской Республики (2006), кавалер ордена Кадырова, Почётный президент Клуба писателей Кавказа, лауреат премии Интеллектуального центра ЧР «Серебряная сова» (2006). Автор более 10 книг. В настоящее время работает литературным консультантом Союза писателей Чеченской Республики. Автор научно-просветительской работы «Чеченская традиционная культура и этика», ставшей школьным учебником. Его произведения переведены на ряд европейских и японский языки. Пьесы М. Ахмадова за последние годы были поставлены во многих театрах нашей страны. Пишет на чеченском языке.

Живёт в Грозном.

А когда на его скульптурную композицию «Зимний день в горном ауле» – на доске (метр на полметра) он изобразил основные события, которые происходят в ауле в течение одного зимнего дня (в углу стояла высокая башня; вокруг беспорядочно разбросаны дома; там с горки на санках катаются дети; тут, на центральной площади аула, собрались мужчины; мимо них, погоняя двух волов, запряжённых в сани, идёт старик по дрова либо за сеном; чуть поодаль, у родника, стоят юноша и девушка; гонит с водопооя овец мальчик, а рядом с ним большая мохнатая собака), – обратили внимание на выставке в Москве, у него не осталось сомнений в том, что он на верном пути.

И тогда весь дом заполнили деревянные скульптуры, и чем больше их становилось, тем больше росло недовольство отца: «Мой в тридцать лет играет в куклы, а чужие сыновья давно уже начали жить самостоятельно», – ворчал он.

А однажды зимним утром, когда мать никак не могла растопить печь, отец взял самую крупную из его скульптур, разрубил на мелкие сухие деревяшки и положил в печь. Дени молча глядел на огонь, который мать растопила из его скульптуры, и тихо оплакивал в душе своё творение. Увидев огорчение сына, отец, казалось, тоже был огорчён: «Ты что приуныл, как на похоронах самого дорогого человека? Вырежешь новые деревянные куклы – тут во дворе жерди, привезённые мной, возьми какую хочешь, хочешь бук, хочешь липу. Закончатся они – так в лесу ещё немало деревьев».

Он промолчал, хотя сразу же простил отца, промолчал и за завтраком, когда отец попытался шутить (не хотел молчать, но бес попутал), промолчал и позже, когда отец запряг коня в сани и пошёл на лесную поляну за сеном, оставляя следы на свежеевыпавшем снеге. Досада на самого себя, возникшая у него в тот день, когда он торопливо, часто дыша, шёл по следу саней за задержавшимся отцом, год за годом в душе тяжелела и росла, заставляя сердце биться всё слабее и слабее. Когда посреди заметённой снегом поляны, на санях, полных сена, он увидел снежную пыль на холодном лице внезапно умершего отца, эта жестокая досада, разбив, как стекло, на мелкие осколки его сердце, попыталась вырваться и уйти в тёмные высоты, туда, в холодную пустоту, где скитаются беды и печали других людей. Поначалу его сознание согласилось с этим, но, вспомнив долг перед матерью и младшими братьями и сёстрами, он удержал в себе эту досаду, жгущую ему сердце расплавленным свинцом.

Пламя творчества, вспыхнувшее в нём в детстве, слабело с годами, но он не сдавался, трудился день и ночь. «Ты почти уничтожил весь лес вокруг нашего села», – шутили соседи. Так проходил день за днём; сначала наступала зима, потом весна, потом лето, потом осень, а после всё повторялось вновь; молодые выросли, взрослые старели, а старые, глядя усталыми глазами на оставляемый ими мир, умирали. Только он один застыл, не взрослая и не меняясь.

Он изменился неожиданно, когда в гости приехала сестра, моложе его на десять лет. Сын и дочь сестры играли во дворе с сыновьями брата, который был на два года младше сестры, и во время игры кто-то из «хозяев» обидел девочку, та заревела, и Дени пришлось их мирить. Вот тогда и возникла мысль: «Чем я занимаюсь?.. У людей семьи, у них какие-то цели в жизни: построить дом, купить машину, устроить детей в школу, одеть их, обуть...». Только у него нет никаких таких дел. Его забота – вырезать из дерева куклы, но, как бы тщательно он над ними ни трудился, они никогда не улыбаются, никогда

не разговаривают, не плачут, как племянники, они холодны, и этот холод пронзает его сердце. Потом, не имея сил работать, он до глубокой ночи сидел, опустив руки, а когда прилёг на жёсткую деревянную кровать без матраса и одеяла, так и не смог заснуть до самой зари.

Когда он открыл глаза, то увидел, как в окно щедро бьют лучи летнего солнца. Во дворе играли дети, кудахтали куры. Мать, возившаяся под навесом, увидев, что он проснулся, крикнула ему, чтобы он шёл завтракать.

Позже, когда он сидел за круглым низким столом, обмакивая лепёшку в сметану и запивая её сладким чаем, неожиданно возникла мысль: надо уехать в город, там оценят его творчество, во всём виновато село, в городе на него обратят внимание.

Он окончательно потерял интерес к селу, когда мать, вопреки его воле, пошла к живущей на краю села Бекисат засватать её внучку. Та обошлась с ней очень невежливо, и мать, проклиная её на чём свет стоит, вернулась домой, швырнула шаль и в сердцах сказала: «Во всём виновата я, что пошла к неблагодарным людям». Мать обиделась не на отказ Бекисат, а на слова, сказанные ею в адрес сына: «Только этого, играющего в куклы, нам и не хватало». Дени тоже сильно задел эти слова, ему показалась очень жестокой насмешка над его трудом, которому он предавался с таким усердием, как праведный мусульманин молитве. Но, прислушавшись к сельчанам, он понял, что не одна Бекисат так о нём отзывается. И однажды, взяв у матери около ста рублей, вырученных ею от продажи фасоли, он утренним автобусом уехал в город. А через несколько месяцев почувствовал себя ещё более несчастным, чем в селе. В домике, снятом им на городской окраине, было холодно и одиноко. В селе согревала хотя бы мысль уехать когда-нибудь в город и стать известным. Сейчас и этого не было. Но всё равно, как бы ни душил холод обиды, он, беззвучно рыдая, резал дерево.

Казалось, куклы получались лучше, чем раньше. Состояние его души перешло к дереву, поэтому в глазах скульптур навсегда застыли его печаль и его ожидание. Каждого деревянного «ребёнка» сразу же по рождению он выставлял на продажу в магазин художников, но покупателей всё равно не находилось, хотя цена была и невысокой. Он каждый день навещался в магазин, где продавцы каждый раз милосердно улыбались ему:

– Как красивы твои скульптуры! Только никто не покупает...

Но однажды перед его композицией «Зимний день в горном ауле» остановилась девушка. Она долго рассматривала её, потом подошла к кассе и заплатила. Две продавщицы переглянулись и как-то странно улыбнулись.

– Что же ты не купишь ещё одну? – спросила одна из них, подмигнув Дени, стоящему у окна.

– Как-нибудь в другой раз куплю, – сказала девушка.

Когда она вышла, он направился следом за ней, слыша за спиной смех продавщиц.

Через несколько дней в магазине не осталось ни одной из его скульптур: некоторые купила та девушка, другие он ей подарил. Позже они вместе на блюдали, как с деревьев на городских улицах, желтея и краснея, падает листва. Потом, подобно этой листве, в воздухе начали кружиться снежинки. И их, оторванных от земли любовью, не чувствующих крепнущих морозов, подобно двум снежинкам, кружил ветер жизни. Эти дни, вечера и ночи были удивительны и сладки, но один вечер, со снегопадом и ветром, был не похож на другие. Они вдвоём стояли под высоким навесом у железной дороги

и слушали скрип раскачиваемых ветром деревянных деталей. Неизвестно почему (может быть, зимняя стужа одолела, и тепла их любви не хватило, чтоб растопить её, а может, судьба послала ему какой-то сигнал), но вся его жизнь – до этого момента и то, что будет в будущем, – показалась ему похожей на этот навес в метели. Нет, не в силах Марима превратить этот навес в дом, не в силах приручить его одичавшую душу. Неужели не в силах? Если она не сможет, то кто же? Ему захотелось обмануться: кто знает, может, этой девушке удастся защитить его от ветра одиночества, пронизывающего его тело, словно сито.

Без шума, тихо, в студёную зиму привел он Мариму в арендованный им дом. Чем меньше людского внимания, тем лучше – казалось ему. Марима, оказывается, думала иначе. Позже, через полгода, она призналась ему, что ей хотелось шумной, со звонкими песнями свадьбы.

А когда началась совместная жизнь, груз обязанностей с каждым днём становился всё тяжелее, тяжелее и тяжелее, и, чтоб не пасть под его тяжестью, он, просыпаясь среди ночи, садился за рабочий стол и до утра занимался резьбой. Изредка Марима намекала, что надо бы как-нибудь заработать денег, купить жильё, кое-какую обстановку, а потом спокойно заняться творческой деятельностью. Эти нравоучения он отметал от себя, мотая головой, как конь, отгоняющий назойливых мух.

А однажды ночью, после вечеринки с друзьями, придя домой слегка навеселе, он стал кричать: «Я великий художник! Я презираю тех, кто богатеет на торговле тряпками. Моё имя будет жить в веках! Кто подобен мне? А?»

Марима в ту ночь не сказала ни слова, а это было тяжелее всего. Ему казалось, что, как только он перейдёт на крик, жена тут же возразит и начнёт перечислять ему всё, что не сделано, и всё, что необходимо по дому, а он, доказывая, что всё это малозначительно, будет настаивать на своём... Без лишних слов он легко получил победу, и она не принесла ему радости. Наоборот, горьким комом застыла в горле, не растворяясь даже после нескольких стаканов воды. А утром, сидя за завтраком, состоящим из хлеба и чая, он подумал: «Я, конечно, великий художник, но где-то заработать денег всё равно надо».

В конце холодной, влажной весны в их дом пришла маленькая гостья и через неполных два месяца научилась виновато улыбаться родителям. «Мы ждали мальчика и уже придумали ему имя, как будто не могла родиться девочка. А она пришла, хотя её никто не ждал, поэтому чувствует свою вину за наше обманутое ожидание», – подумал отец. Эта мысль показалась ему безбожной и опасной для ребёнка: никто не приходит в этот мир вместо другого, каждый идёт со своей судьбой, со своим смыслом, по воле Бога, поэтому нельзя так думать, даже в шутку...

Груз ответственности стал ещё тяжелее и походил на каток, выравнивающий асфальт. Эта тяжесть раскатала его в лепёшку со всем его творчеством и смешала с асфальтом. Но, как травинка, тянущаяся к солнцу сквозь толщу асфальта, какая-то надежда тянулась в нём к жизни. Этой надеждой была композиция, которую он задумал создать на большом деревянном блюде.

Часто эта композиция снилась ему. Вокруг большого подноса, наполненного варёным сушёным мясом и галушками из кукурузной муки, ужинает семья. Рядом стоит сноха, и старая женщина часто обращается к ней: «Садись, Аянт, садись. Отдохни немного». «Сяду, нана», – отвечает сноха, но традиций не нарушает. Она беременна, поэтому и переживает так свекровь. Сытная пища – это благодать Бога в ответ на честный труд. Ужин заканчивается.

Сноха убирает посуду. Потом, когда, очистив поднос, она берёт его в руки, чтобы поставить на место, выбивая окна и двери, в дом врывается чуждый ветер. Этот ветер сметает всё в кучу, бросает людей оземь лицом вниз, леденит души, выгоняет людей из жилищ, опустошая горные аулы, и собирает их в Нашха, чтобы оттуда бросить далеко, в безжизненные земли («Куда? Куда? Куда?» – кричат застывшие от горя лица, но никто не отвечает), в Судный день, в ад. О Нашха, прародина чеченцев! Как переживёшь ты тяжкое горе, которое несут с собою эти люди в твой благодатный Хайбах? Почему не расколется земля? Настолько тяжело оно, это Большое Горе, состоящее из печалей каждой души! У Аянт, шедшей с тем же подносом в руках, на окраине села Хайбах начались схватки. Женщины окружают её. Круг расширяется, округляется, уплотняется. В центре этого круга на белом снегу постелена чёрная бурка, а на ней Аянт, кусая губы, сдерживает стоны, чтоб о её муках не узнали растерянные от горя люди, чья гордость, храбрость и мужество растоптаны. «Аянт, не мучайся! Стони, кричи», – умоляет свекровь, а женщины, толпящиеся вокруг, начинают громко восхвалять Бога, чтобы заглушить ее стоны:

– Лаилахаиллаллаху, Лаилахаиллаллаху.

Молитва женщин продолжается почти до рассвета. А на рассвете в мир, ополчившийся против него холодом, жестокостью и горем, приходит человек, с криком приходит в холодную, обездоленную страну.

– Девочка! Девочка... Бедная! Как не вовремя ты родилась! Ведь девочка и без этого несчастна обездолена...

– Да пошлёт тебе Бог счастья... Аминь! – распространяется вокруг шёпот.

– Её будут звать Фатима, как дочь пророка, – говорит свекровь.

Круг уплотняется, желая защитить от снега, ветра и метели это нежное человеческое существо, пришедшее в заснеженный мир, но печаль в сердце каждой женщины вместо тепла, так необходимого ребёнку, создаёт стылый холод. Женщины всё равно сбиваются в плотную кучу, чтобы пламенем своих душ, своим дыханием сберечь эту жизнь, пытаясь дать столь нужное ей тепло. Но вокруг этого круга стоит ещё один круг – круг вооружённых, чужих людей. Круг людей, пришедших, чтобы обездолить, уничтожить их родину. Выше них круг образуют горы. Выше гор – круг, созданный туманами и тучами, а выше них – круги, образованные небом, звёздами, пустотой, холодом и мраком...

И этот маленький человек должен жить, испытывая тяжесть всех этих кругов. И освободиться от них невозможно, пока живёшь, – только душа после смерти разорвёт кольца горя, печалей и обязанностей.

На рассвете распространяется слух, чтобы все, кто не сможет идти пешком, собирались в конюшне, их потом вывезут самолётами... «Куда? Куда? Куда?» На этот вопрос никто не отвечает.

– Возьмите в конюшню сено, чтобы подложить под себя.

Аянт, которой показалась подозрительной эта забота, уговаривает свекровь уйти вместе с родственниками. Но свекровь не соглашается – и ей, и девочке нужен хоть небольшой отдых... Когда они вдвоём решили остаться, в конюшню направились ещё девятнадцать родственников со стороны отца и матери, не пожелавших с ними расстаться и не подозревавших, что сложенная из тяжёлых каменных плит конюшня с крышей из брёвен, присыпанных землёй и лежащих на больших гладких камнях, на следующий день станет адом, где они будут гореть в огне и задыхаться в дыму.

Когда *это* начнётся, ослепшие и потерявшие от гнева рассудок люди после бесполезных попыток разрушить каменные стены, ударяясь о них тугими волнами, не сумеют уйти под землю и не сумеют подняться в небеса сквозь крышу (позже, когда тела сгорят, их души уйдут сквозь эту крышу в тёмные глубины небес), ринутся к воротам и снесут их. Первые ряды смогут вырваться из конюшни, но тотчас же упадут под пулями. Вскоре из людских тел в воротах образуется завал, и, не найдя больше выхода, беспомощные люди, около семисот человек, сгорят, и души их будут долго бродить в долине реки Гехи, пока обгоревшие кости не похоронят те, кто скрывается в горах, оторвавшись от своего народа.

Какое тяжкое испытание выпало на долю маленького человека, пришедшего в этот мир всего на двое суток – так мало времени ей было отпущено под солнцем, и за это время ей пришлось пережить ад, сгорев в огне.

Можно ли передать с помощью дерева этот Судный день, этот крик ребёнка, которому два дня от роду, её протянутые к Богу ручонки, её мольбу без слов, обращённую к Богу?..

Чтобы показать случившееся в тот день в Хайбахе, нужны ноты, слова и краски. А он владеет только деревом и ножом, но всё равно верит, что дерево в его руках и, не умея говорить, очень многое скажет людям...

Всё же было бы лучше, если бы его куклы разговаривали и исполняли музыку. Тогда он смог бы по-настоящему показать весь этот ужас.

Дени долго мучился, не зная, какую часть жестокой картины воссоздать... Наконец у него возникла мысль: зачем изображать весь этот ад – об этом достаточно рассказать. Лучше он изобразит круг милосердия и тепла, образованный женщинами в тот холодный, ненастный вечер вокруг только что родившегося человека. Сначала он вырежет поднос, тот самый поднос, который в тот день был на руках у Аянт. А в центре этого подноса наполовину укутанная чёрной буркой будет лежать Аянт со своим ребёнком. Деревянные облики женщин, окружая их, разместятся по краю подноса. Этот круг, круг людей, круг гор, туманов и туч, а выше – круг, образованный звёздами...

Не в его власти краски, звуки, цвета... В его власти только дерево и нож. Но он верит: в сознании людей, рассматривающих его работы из дерева, воскреснут былые картины, цвета, звуки, запахи...

Услышав, как в соседней комнате опять заплакал ребёнок, он вспомнил, что у него режутся зубки и как один врач говорил, что боль, которую переносит в это время ребёнок, была бы непосильна для взрослого человека. Так болезненно начало жизни...

Он вспомнил, как весной на деревьях набухают почки, они разрываются, и по ветвям стекают слёзы деревьев. Они плачут от боли, которую причиняют им рождающиеся листья. Вот так же, разрывая дёсны, сквозь открытые раны появляются белые бусинки зубов и у детей.

Дени поднялся и встал на пороге соседней комнаты. «Эсет, когда ты вырастешь настолько, что научишься ходить, твой отец повезёт тебя в село, в гости к бабушке. Он расскажет тебе, какой была твоя бабушка, в молодости известная во многих сёлах своим благородством и воспитанностью. Потом он расскажет, как твой дедушка женился на твоей бабушке. Это было время, когда люди уже собрали осенний урожай, подмели сады и дворы. Твоя бабушка вышла из дома около полуночи, чтобы выйти за дедушку. Провожающая пожелала ей: “Пусть Бог даст тебе счастья”. После свадьбы твоя пратёта, поздравляя твою бабушку, подарила ей медный кувшин. Через три месяца

после свадьбы, когда она оставила недопечённый чурек в очаге (“Я боюсь, что на мне грех того чурека, оставшегося в очаге”, – часто повторяла она), жестокий вихрь бросил её на чужую землю, лишив родины. А Фатиме из Нашха, которая была моложе тебя на девять месяцев, не дали времени даже на то, чтобы прорезались зубки...

Да, тебе отец расскажет про твою бабушку, когда ты начнёшь ходить и научишься говорить... И однажды в пору, когда люди будут пахать землю и сеять, вы вдвоём поедете в село, лежащее в горах, среди леса, и отец расскажет тебе, как твои дедушка и бабушка, похоронив половину из четырнадцати детей, остальных воспитали так, что они не нуждались ни в чём и выросли благородными людьми... Он расскажет тебе, как, вернувшись через тринадцать лет домой, твоя бабушка нашла сковороду, которую она в тот день положила в очаг вместе с чуреком. Как сестра твоей бабушки издалека, из села Саади-Котар, пришла в гости и привела крупную рыжую корову. Ухаживая за этой коровой и очистив заросшее бурьяном поле, засеяв его, уже в третий раз начала жить твоя бабушка... Да, отец о многом тебе расскажет, Эсет, когда ты вырастешь».

Ребёнок, испугавшийся звука, раздавшегося за дверью, ещё сильнее заплакал. Очень скоро в дверь громко постучали.

– Кто там? – спросил Дени, подбегая к дверям.

За дверью послышались стоны: «Воды, дайте... воды...». «Человек ранен, нужно помочь». Он распахнул дверь и сразу пожалел об этом: в его беззащитный дом тут же ворвался мрак жестокости. Мрак вошёл и запер дверь изнутри, чтоб снаружи не могла прийти помощь. Внутри мрак разделился на три части! Их было трое, с горящими, как у крыс, глазами, у одного – автомат, у других – пистолеты, на поясах – длинные ножи. Одеты они в форму, оставшуюся от Советской Армии.

– Кто ты такой? – закричал один.

– Кто вы такие?

– А ты не видишь нас?

– Вижу... Потому и спрашиваю.

– Бойцы национальной гвардии!

– Кто вам дал право врывать в дом к людям посреди ночи?

– Что он сказал? Право? Какое право тебе нужно?

– Похоже, это противник революции.

– Не зная, что обманываюсь, я действительно писал для таких, как вы, обращения...

– А-а-а... Значит, ты виноват в этом бардаке! Мы из оппозиции.

– Но я быстро понял...

– А-а-а, ты понял? Так ты против власти думаешь выступить?

– Будь проклята ваша власть!

– Ты смотри! Обнаружил себя. Мы не из оппозиции!

– Откуда бы вы ни были, вон отсюда! – прокричал Дени больше для того, чтоб услышала жена в соседней комнате. Несколько недель назад, когда прошёл первый слух о появлении людей, которые врываются в дома, убивают хозяев и грабят, он как бы в шутку сказал ей: «Если такие волки ворвутся к нам, открой окно в своей комнате и беги к соседям. Ахмсолта – благородный мужчина, и у него есть оружие, он поможет».

В короткой тишине, наступившей после его крика, раздался скрип открываемого окна. Чтобы его не услышали грабители, он опять закричал:

– Выйдите отсюда вон, грязные твари!

Но, заставляя проглотить последнее слово, огромная рука, царапнув глаз, заткнула ему рот. Потом та же рука отшвырнула его в угол.

– Ты что орёшь?! Ты знаешь, кто ты для нас? Ты ничто... – оглядываясь вокруг, непрощеный гость стал искать какую-нибудь безделушку для сравнения. Наконец его взгляд останавливается на столе: – Ты для нас деревянная кукла.

– Все мы перед Богом куклы, а вы – Богом проклятые.

– Вот ты точно кукла передо мной! – проорал бородатый, сметая со стола вместе с подносом все его куклы. А одну из них, скульптуру Фатимы, только что родившейся на снегу, он взял в руки и со словами: «Если мы захотим, то вот так жеотрежем тебе голову», – выхватил с пояса нож, отрезал куклке голову и отшвырнул прочь.

«За что?! За что родившуюся в первый раз через двое суток сожгли, а теперь родившейся во второй раз отрезали голову?.. Дважды. За что? Что за грех совершил этот ангел, чтоб дважды познать такую жестокость?» – от этих вопросов в его сердце вспыхнуло адское пламя и он, потеряв рассудок, вцепился в горло бородача. Увидев в нём источник всех зол мира, – если не в нём, обезглавившем ребёнка, то где он? – Дени испытал непреодолимое желание этот источник уничтожить. Возможно, он и достиг бы своей цели, если бы не двое других, с женскими чулками на головах, которые до тех пор переворачивали в доме всё вверх дном, ища несуществующие деньги и драгоценности.

Когда эти двое вцепились ему в руки, у Дени возникла мысль: «Не сегодня-завтра, сняв чулки, они собираются стать добропорядочными людьми. А бородач и лица-то не спрятал, ему безразлично, что о нём будут думать люди, или его борода тоже накладная? Вот оно, наше несчастье, – двуличность, двоедушие: на глазах – один, за спиной – другой, говорит одно – думает другое».

Те двое так и не смогли отнять его руки. Все вместе они упали на пол, и бородач оказался снизу, так удобнее было душиТЬ.

– Что бы с ним сделать? Он же убивает его!

– Уж я-то знаю, что с ним делать...

В тот же момент Дени почувствовал холодок около своего уха. «Великий Боже...» – это его последняя мысль. Всё: и сознание, и зрение, и слух – обрвалось...

Потом, спустя время, он услышал дружное щебетание разных птиц. Понял, что оно не из мира живых: «Значит, он всё-таки убил меня... Что же стало с женой и ребёнком?»

Наконец к нему вернулось зрение. Среди белых маленьких гор, с хребтами, будто вырезанными ножом, лежат небесно-голубые озера. Прямо посреди них к бело-светлому горизонту тянется светло-зелёная дорога.

– Это твой путь. С этой поры будешь идти по нему. На земле же твой путь завершён, – слышит он голос.

«Что же с ними случилось?» – думает он.

– Посмотри вниз – увидишь.

Внизу он видит, как Марима с дочерью Эсет на руках стучится в дверь Ахмсолты, как Ахмсолта и четверо его вооружённых сыновей врываются в их двор и связывают грабителей; потом он видит родное село, свои похороны; видит мать, братьев и сестёр, видит, как закапывают его труп; его могила оказывается на красивом месте, куда падают первые лучи солнца.

– Пошли теперь... – слышит он голос и начинает удаляться от Земли.

Оттуда, со звёздной высоты, он видит укутанную густым мраком планету. Среди этого мрака местами виден слабо мерцающий свет.

– Если эти огоньки света поглотит тьма, то Земля упадёт в бездонную пропасть, где нет ни времени, ни пространства, ни размера, ни возраста... От неё не останется ничего, даже воспоминаний.

– Что это за свет? И почему этих огоньков так мало?

– Это свет людей, искренне молящихся Богу... Хочешь увидеть свой свет? Видишь вон тот, похожий на огонь от костра?

– Э тот?..

– Да, да... Знаю, что у тебя на сердце... Ты говоришь, что не успел должным образом поклоняться Богу... Скульптуры, которые ты вырезал из дерева, были твоими мольбами... В них было твоё доброе сердце, твоё милосердие к людям, близким и чужим...

Дени опять смотрит на Землю, обёрнутую в несколько слоёв мрака и похожую на щепку, которую в его детстве девочки, изображая куклу, оборачивали тряпками. И вдруг он узнаёт огоньки, которые немного рассеивают мрак. Вон тот – бездомный, безымянный бродяга-певец, второй – исследователь, воспевающий красоту природы, третий – одинокая старуха, каждую ночь обращаясь к Богу с мольбой о милости для всей Земли, четвёртый...

Он идёт по светло-зелёной дороге мимо белых, с ровными хребтами гор, иногда останавливаясь, чтобы выпить воды из небесно-голубых озёр. Если захотеть, можно вырезать из этих белых гор скульптуры людей и животных... Они не будут похожи на деревянные куклы, вырезанные им на Земле, у них будет свой голос, цвет, походка. Но он уже не испытывает внутренней потребности в этом – то, что казалось важным на Земле, здесь теряет свою ценность. Он просто хочет идти мимо белых гор к светлому горизонту, тоскуя по тем, кто остался на Земле, и молясь за них Богу.

«Где же те родственные души, пришедшие сюда раньше меня?» Вместе с этой мыслью перед ним появляется девушка. Она вся создана из чистоты и поэто му белая, как снег на вершине Башлама, а волосы – жёлто-золотые. Кажется, он её где-то видел.

– Да, да, это я, чей образ ты создал из дерева, сожжённая в Хайбахе Фатима.

– Но тебе же было всего несколько дней. А здесь ты взрослая!

– Да, здесь вечно один возраст у души...

– А остальные? Мой отец, братья, сёстры?

– Иди по этой дороге, – и девушка исчезает.

Он идет по светло-зелёной дороге...

1992 г.

Перевод Микаила ЭДЬДИЕВА





Бессильный голос издалека

Рассказ

Порой выходило, что всё, что ты делал, оказывалось пустым. Все твои деяния, поступки, все твои дела – всё оказывалось пустым и напрасным, бесполезным, как и вся твоя жизнь. Или, точнее сказать, – тщетным. Иногда, столкнувшись с жестокими нравами нашего безумного века, кто-то издавал грозный рык, словно пытаешься подвергнуть себя испытанию, постигая свою сущность. Другой, ошалев, обезумев от неожиданного подарка судьбы, не осознавая, какую цену за него впоследствии придётся заплатить, кричал от радости, или просто издавал звуки, какие-то звуки, звуки отчаяния или ликования. И в тоже время слышались горестные причитания женщины: «Бог мой! Что же теперь делать? Почему это так, почему это с нами? За что?!». Или голос ребёнка, ангела или души без тела, который плачет по матери. Или же слабое повизгивание беспомощного маленького щенка... Тогда твою душу охватывала смутная тоска по чему-то, чувство глубокого сожаления, сердце начинало ныть или же в него закрадывалось сомнение. Или новая боль, мысль. Мысль. Закрадывалась мысль-сожаление, о своём бессилии к взывающему о помощи, бессилии помочь хотя бы один раз...

Возможности помочь всегда не оказывалось, каждый раз что-то мешало. Все твои добрые помыслы оставались тщетны. У тебя и не было ничего, кроме добрых намерений и желаний... Сердце снова начинало ныть... Ты понимал, насколько ты слаб и беспомощен. Понимал, что у тебя нет сил что-либо изменить. Что ты всего лишь человек. Человек, который был некогда сотворён и явлен в этот мир. Тысячи или же десятки тысяч лет назад. Сотворён настолько давно, что ты, потомок первого человека, забыл свои корни. И сколько ты ни задумывался о них, о своих корнях, не мог их постичь. Память не сохранила воспоминания о той бесконечной цепочке, ведущей к твоим корням.



Шамсудинов Бувайсар Шамильевич – поэт, журналист. Родился в 1972 г. в селе (ныне город) Шали Чечено-Ингушской АССР. Окончил Чеченский государственный университет. Работает главным редактором Республиканской газеты «Дайможк» («Отчизна»). Автор нескольких поэтических сборников. Пишет на чеченском языке. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Общественной палаты Чеченской Республики.
Живёт в Грозном.



Всё забылось, пропало. Всё пропало, твои желания, мысли – всё, вплоть до цели твоего существования на земле и обязанностей, которые при твоём сотворении возложил на тебя Бог. Если хорошо вздуматься, от твоей сущности осталось одно название. Название – человек. Затем вспоминались твои пути-дороги. Вспоминались земли, которые ты открывал и познавал, реки и моря, которые ты покорял в беспощадной борьбе со стихией, небеса, которые тебе удалось обуздать... А потом – горы! Горы – эх! Как же много их было тогда, тысячи лет назад! Ты и их покорил, гордясь своей силой, не задумываясь о последствиях. Но тебе, бедняге, и этого показалось мало!

Тебе не хватало простора, ты не довольствовался тем, что уже имеешь. Наконец, ты задумался. Задумался, когда уже покорил всю землю. И тогда ты закричал. Закричал так, что от твоего крика оглохли небеса: «Эй, кто же я есть? Что мне ещё сделать? Есть ли что-нибудь, что мне не под силу?». И на всей земле ответить тебе было некому. Ты всех ошеломил своими делами. От тебя сбежала твоя душа, которую ты не успел ещё вконец сгубить. Потом на твой вопрос-крик ответил голос. Он доносился издалека – тонкий, приятный для слуха, мелодичный. Это был голос сатаны. Сатаны, проклятого Богом. «Ты человек! – возвещал он. – Смотри, не отступай! В этом мире нет никого, кто был бы сильнее тебя! Ты – подлинный властелин всей земли! Уничтожай без жалости всё и всех, кого встретишь на своем пути! Ты один достоин править миром, властвовать на этом троне, только лишь ты один! Не забудь и про то, что находится под землёй! Обрати свой взор и на небеса! Не довольствуйся ничем! Твоя сила безмерна!..»

Ты поверил этому голосу. Поверил в себя, в себя одного. Тебя обманули. Поверил потому, что захотел поверить. Ты опять приступил к своим делам – грязным, жестоким. Начал крушить горы. Могучие каменные горы. Ты добыл руду. Сначала ты не знал, зачем она тебе. Возникла мысль: «О Бог, что мне делать с этими камнями, рудой, которыми полон мир?». Ответ тебе незамедлительно нашептал все тот же сатана. Ты всё понял.

Ты понял, что делать дальше с этой рудой. Позже из неё же ты получил оружие. Оружие дало тебе новую силу, усилило твою жестокость. Да, ты сам создал его. С помощью сатаны, прислушавшись к его советам. Создал на свою беду, на свою гибель... От твоих деяний застонала земля. Ты уже ни в ком не нуждался, кроме себя. Ты начал уничтожать, крушить, изводить всё лишнее, ненужное тебе. От тебя отшатнулись все. И ты остался один-одинёшенек на земле... Затем ты, через короткое время, окреп, стал большим, огромным. Победил весь свет... Или же проиграл...

Вернее, тебе показалось, что ты всех покорил. Ведь ты победил! Впервые победил. Или же проиграл... Это было твоё поражение. Ты впервые проиграл. Впервые за тысячи лет. Затем закрылся от всего мира, прикрывшись оружием.

Через несколько столетий у тебя родился наследник. Похожий на тебя каждой клеткой души и тела. Он тоже захотел оказаться победителем. Ему захотелось, как некогда тебе, оказаться единовластным хозяином всего мира... Земля же, к сожалению, была только одна. А вас – двое, ты и твой сын. По прошествии некоторого времени, и после долгих размышлений, твой повзрослевший и окрепший сын решил, что ты лишний... Ты только тогда понял, что в тот день, когда ты впервые решил, что одержал победу, на самом деле ты проиграл. Понял, но было поздно. Твоё оружие сын повернул против тебя. Ты проиграл. С того дня, как он, который был плотью от плоти твоей,

убил тебя, он стал полновластным хозяином всего мира. Потом его сын, затем – внук... сотни и тысячи твоих потомков...

Как-то солнечным весенним утром земля задрожала. Небо разрывалось. Его куски падали на землю, которую ты столько лет зря топтал. Все живущие были потрясены происходящим, они взывали к Богу. Взывали к Его милости.

Ты же вновь спрятался от этого грохота, от этого гнева Всевышнего. Ты теперь научился не проигрывать, не смиряться, лицемерить. Ты скрылся, чтобы не слышать этот гул. Слилс с землёй. Или с камнем. Чтобы ничего не слышать, ничего не видеть. Или же, чтобы не прислушиваться к зову несчастной земли, которой ты не даёшь покоя с тех самых пор, как появился на свет. Такое могло прийти на ум только сатане. Или же только с наущения сатаны. Ты затаился, желая слышать только себя. Ты вновь победил. Или... Или же проиграл, как и десять-пятнадцать тысяч лет назад, опять впервые проиграл... Ты так ничего и не понял.

Через некоторое время начало светать. Тогда ты покинул своё укрытие, в которое тебе уже не хотелось возвращаться. Так и остался стоять. Прошёл день, за ним и ночь. Начался дождь, а вскоре с неба на землю полетели миллиарды снежинок. Тобой вновь овладели лукавые мысли. Вновь донёсся крик сатаны, его голос, далёкий голос, которым он хотел совратить человека, созданного Богом с определённым предназначением, достиг твоего слуха...

Ты поспешил прислушаться к совету дьявола, – того самого, что всегда, везде нашёптывает тебе следующий ход твоих деяний. Теперь тебе было значительно легче, ты за короткое время воздвиг дворец. Первый дворец на этой земле! Или же гору, каменную гору. Это гора была создана не Богом, а воздвигнута тобой, человеком. Ты стал жить в этом доме. И очень быстро вжился в новый образ. И тогда ты погиб – эта гора обрушилась на тебя. Ты сгинул бесследно. После твоей гибели твой сын понял, как нужно воздвигнуть гору, чтобы она не обрушилась. Он построил дворец, укрепив его опорами, чтобы он не рухнул. И зажил после этого, как новый человек на этой земле, как её новый хозяин...

Жизнь текла своим чередом. И мир стоял, как и прежде. Ты задумываешься. Ты изменился, стал не такой, как прежде. Или остался таким же, каким тебя некогда создал Бог. Каждый называет тебя так, как ему хочется. Тебя же это несколько не волнует. Все люди уже такие. Вас сегодня много в этом мире. Очень много. С каждым годом, всё больше плодясь, вы расходитесь по всей земле.

Чем вас больше, тем выше сознание. По крайней мере, вам так кажется. Однако, вы не хотите понимать происходящего, не желаете оглянуться назад. У вас нет времени, чтобы оценить своё прошлое, подвести итоги... У каждого есть свой край, город, село, имя... Через какое-то время тебе начинает нравиться другой город. Он большой, красивый. Он тебе очень нравится. Ты не можешь жить без него. Ночами не спишь, думая о нём. Тебе лень трудиться, чтобы выстроить для себя такой же. То, что работать не обязательно, ты осознал для себя давно. Город принадлежит тому, кто его завоеует. Его и нужно завоевать, уничтожив тысячи несчастных людей, предав огню их жалкие жилища, завоевать с помощью оружия, которое ты накопил с давних времён. У тебя сейчас много этого оружия – огонь, молнии, железо, свинец... Его хватит для того, чтобы разрушить весь этот мир. Ты вновь оглашаешь воздух криком, тебе нужна помощь, совет. Ты не знаешь, что делать. Или же знаешь, научился уже. Тебе сейчас всё равно, какой ценой будет достигнуто

желаемое. Всё равно, день сейчас или ночь, ясная погода или ураган. Пусть вся земля встанет дыбом, пусть низвергнутся небеса, но ты должен получить то, что желаешь. Это должно принадлежать тебе...

... Ты переселяешься на другой берег океана, или твоё лицо переселяется туда, или голос без языка, или глаза без лица, далеко, чтобы оттуда, издалека смотреть на другой берег и решать, кому жить и кому умереть на другом берегу...

...Ты видишь бесчисленные глаза, устремлённые на себя, слёзы, слышишь стоны, причитания: «Что я тебе сделал, кто тебе дал право разрушить наш покой, убить мою семью?..»

...Тебе давно уже надоели подобные крики и причитания, которыми полон весь мир, надоели обвинения, слёзы. Постепенно эти слёзы превращаются в холодные потоки горного родника, которые тушат пожар, вспыхнувший в твоей груди от огромного вороха грехов. Эти слёзы лишь придают тебе уверенности в своей силе, могуществе. Затем от жалости к тебе плачут небеса. Ты же воспринимаешь эти небесные слёзы как благодать, которая орошает твою жизнь. Как бы обильно они ни лились, воспринимаешь их как дождь. И тут всё вокруг на миг успокаивается, застывает неподвижно. Ты выходишь победителем. Но это не значит, что ты одержал победу над миром. Наоборот – что бы тебе на время ни причудилось, это твоё поражение. Ты вновь проигрываешь. Проигрываешь, как и сто, тысячу лет назад. Ты прислушиваешься. Доносится крик, такой же, как и раньше. Ты, как много раз прежде, весь обращаешься в слух. Слушаешь. Задумываешься. Или же – нет. Тебе кажется, что ты задумываешься. Веришь этому...

Со всех сторон взывают о помощи, доносятся крики: «Не убивайте наших детей, дайте нам жить! Дайте нам спокойно жить!». Небеса опять плачут, дни наступают пасмурные. Ты не слышишь эти крики, не видишь ни небо, ни день, ни ночь. Когда тебе угодно, ты рассеиваешь ночную тьму, окутываешь дни мраком. Разгоняешь тучи, как будто это ты их создал, когда, вопреки твоему желанию, они собираются полить землю дождём. Опять доносится крик: «Неужели ты не боишься Бога? Оставь меня в покое, не трогай мою семью! Чего ты добиваешься?»

Это крик матери этой земли. Или же твоей матери, что родила тебя. Матери, которую ты даже знать не знаешь. Которой ты никогда не видел, но которая всегда в своих молитвах просит за тебя. Просит Бога очистить тебя от грехов, просит вселить в твоё сердце любовь к Богу, просит внушить тебе мысль о покаянии. И тут оказывается, что вода, которую ты пил, принимая за родниковую – это были её слезы, которые она проливали из безграничной жалости и любви к тебе...

До тебя доносится ещё один крик. Нет, на этот раз не издалека. Он теперь раздался рядом с тобой. Этот голос уже ничего не советует тебе, ни к чему не призывает. Ни к сражениям, ни к войне... Это просто голос, печальный, слабый, в котором слышится мольба, просьба: «О Всевышний, для чего Ты сотворил меня на этой земле, для какой цели, в чем было моё предназначение? Почему моя власть столь безжалостна, каждое моё слово – столь жестоко, сердце – глухо... душа... Сегодня, через сто, тысячи лет после того, как Ты сотворил меня, я стал для этой земли самым великим Несчастьем, Бедой, Горем, я принёс в этот мир одни бедствия...».

Крик не утихает. Сначала ты вслушиваешься в него внимательно. Потом он начинает надоедать. Или же нет. Он пугает тебя. Ты нигде не можешь

скрыться от этого голоса. Да, этот голос вырывается из твоей груди, из глубин души, из потоков крови, что течёт по твоим жилам. Каждая часть твоего тела, каждая волосинка обращается к тебе с вопросами, обвинениями, перечисляя все твои грехи. И неожиданно ты ощущаешь животный ужас. Ты начинаешь понимать, что произойдёт, если ты продолжишь слушать этот голос. Ты отходишь назад. И начинаешь кричать, оглушая весь мир. Тогда этот таинственный голос перестаёт звучать в твоих ушах. Голос убегает. Или нет. Это ты убегаешь от него, далеко, в неизвестность, не представляя даже, куда бежишь, чего достигнешь...

июль 1998 г.

Перевод с чеченского Сулимана МУСАЕВА



ПОЭЗИЯ

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.



Что-то стали чудить времена...

Гляжу на мартовские тени
В лесу на солнечных снегах:
Доколе мы не в дружбе с теми,
Кто на Днепровских берегах?
Доколе русские шаги
В истории за мир в ответе,
Доколе мы для всех «враги»,
Как будто Каиновы дети?
С какой страницы ни начнём:
С войны двадцать второго года
Или Суворовских времён,
Или Афганского похода,
Доколе русские шаги
Всегда в истории в ответе,
Доколе мы для всех «враги»,
Хотя не Каиновы дети?

Сводкам генштабистов верим.
На войне, как на войне.
Что ж, случаются потери.
И всё чаще по весне.

И всё чаще на Донбассе,
И не всё среди солдат.
Здесь по-прежнему опасен
Для дончан свинцовый град.

А в Москве на танцплощадке
С ветеранами труда
Смех и пляски. Всё в порядке
В нашем парке, как всегда.

Во имя мира и спокойствия
Потуже пояс затяну,
Соседа ставя на довольствие
На всю гражданскую войну.

России

Везёт, везёт тебе, родная,
На сыновей тебе везёт,
Пока судьба их фронтовая
Им шанс на мужество даёт.

Пока сверяет сорок пятый
Характер твоего бойца,
Пока отсчёт от этой даты
Ведёшь от первого лица.

Пока забывшимся Иванам
И всем, не помнящим родства,
Не рукоплещешь по майданам,
Тусуясь там из озорства.

Смажем густо наши автоматы,
Котелок и фляжку – старшине.
Если бы всегда в запас солдаты
Уходили, не служив войне.

Если бы всегда на марше роты,
Где шагали рядовыми мы,
Нашим песням на слова пехоты
Не служила музыка войны.

Если бы всегда могли солдаты
Верить сопредельной тишине
На границе, смазав автоматы
И навечно сдав их старшине.

У тишины особенные ноты,
Когда лучом прожектора волну
Ночами пеленают пароходы
На рейде, охраняя тишину.

Что-то стали чудить времена.
Вот, теперешняя война
Срока лучшего не нашла,
По весне почему-то пришла.
Нет бы, чтобы наоборот:
Сорок пятый, к примеру, год
В мае к радости русских берёз
Эшелон победителей вёз.
А сейчас, если слухи не врут,
Постоянно прописана тут
На гражданских правах война.
Неужели на все времена?
И на завтра и на вчера,
По утрам ли, по вечерам,
И сегодняшним днём, когда
Мы, московские «господа»,
В парках отдыха, как всегда.
О, лукавые времена!
Променады...
И ты, война,
Похоронками не бедна.
Ни покрывки, тебе, ни дна.

Гляжу на мартовские тени
На накрахмаленных снегах
Морозным днём и всё ж весенним,
И всё же в солнечных лучах.

Стыдно, Господи, стыдно мне.
Вот уж Троицын день угас,
А исправиться по весне
Не случилось, зато сейчас,
Слава Богу, Господь помог
Страх пред Господом обрести.
Стыдно, Господи, что не смог
Обещаний своих нести.



«Это был Баярд мысли, рыцарь без страха и упрёка»

Штрихи к портрету
Тимофея Грановского

В начале лихих 90-х годов, когда рухнул Советский Союз, новая власть весьма рьяно взялась за переименование улиц, площадей, проспектов и бульваров... Ну, не нравились так называемым «демократам» всякого рода коммунистические и революционные названия!

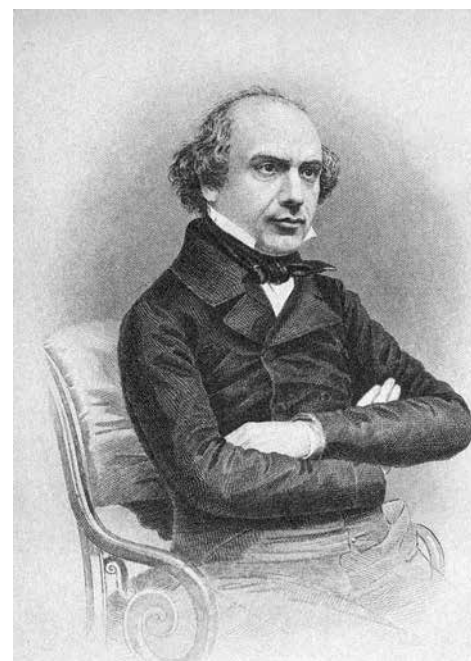
Особенно преуспели в борьбе с «проклятым» советским прошлым свежееиспечённые столичные чиновники и депутаты. В демократическом угаре они умудрились в одночасье сменить даже названия улиц, носивших имена людей, никакого отношения к советскому строю не имевших... В результате не стало улиц писателя Александра Герцена, поэта Николая Огарёва, литературного критика Виссариона Белинского, философа-просветителя Николая Станкевича... Исчезло из «подземки» имя станции метро «Лермонтовская», названной в честь поэта Михаила Лермонтова. Зато аж шестнадцать Парковых улиц остались нетронутыми, словно старые девы...

В «чёрный» список тогдашнего московского градоначальника Гавриила Попова (кстати, выходца из профессуры) угодил и Тимофей Николаевич Грановский. Улица его имени тоже скоропостижно канула в лету. А ведь в середине XIX века этот человек был одним из самых уважаемых профессоров Московского университета, любимцем студентов, на лекции «Пушкина русской истории», как окрестили Грановского современники, съезжался весь цвет тогдашнего общества...

Тимофей Николаевич Грановский родился 9 марта 1813 года в старинном городе Орле в небогатой дворянской семье. Отец его Николай Тимофеевич занимал в городе место советника соляного управления. Ещё в молодых годах Николай Тимофеевич женился на дочери богатого



Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин» и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Государственной премии РФ им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Живёт в Москве.



малороссийского помещика Анне Васильевне Чарныш, и от этого брака имел двух дочерей и трёх сыновей. Старшим из детей был сын Тимофей.

До 1826 года Тимофей воспитывался и обучался дома. Его домашнее образование в основном было направлено на изучение французского и английского языков. Когда мальчику исполнилось 13 лет, родители отправили его в Московский частный пансион Ф.И. Кистера. После окончания пансиона, где он получил неплохое образование, юноша некоторое время жил в Орле, потом служил в Департаменте иностранных дел в Санкт-Петербурге. В 1832 году Тимофей вновь сел за парту, став студентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Окончив университет в 1835 году

со степенью кандидата, он поступил на службу в Главный морской штаб.

Грановский, в сущности, был доволен своей жизнью. Он занимал место секретаря 1-го отделения гидрографического департамента Главного морского штаба. Кроме того, молодой чиновник подрабатывал себе на жизнь переводами и статьями, которые публиковал в «Журнале Министерства народного просвещения». Так и остался бы он чиновником, если бы не познакомился с другом Станкевича – Януарием Неверовым, служившим в Министерстве народного просвещения.

Неверов обратил внимание попечителя Московского учебного округа графа С.Г. Строганова на подающего надежды молодого учёного. Граф, в годы правления которого значительно вырос авторитет Московского университета, как раз искал для него свежие научные и преподавательские кадры. К слову сказать, Строганов всячески радел за науку, думал о завтрашнем дне университета. Друг студентов и враг учёных болванов, он и предложил Грановскому отправиться за казённый счет в Германию «за золотым руном европейской науки», с тем, чтобы, возвратившись, занять кафедру зарубежной истории Московского университета.

Понятно, такая перспектива показалась небогатому дворянину Грановскому чудом, воплощением несбыточной мечты, и он без раздумий согласился. Приехав в Москву по делам будущей заграничной командировки, Грановский с рекомендательным письмом Неверова явился к Станкевичу. Тот должен был провести его по нужным кабинетам и познакомить с московской профессурой.

В своих воспоминаниях о Грановском Неверов писал: «С Станкевичем познакомил я Грановского таким образом: будучи соединён ещё в бытность мою в Московском университете узами самой тесной и нежнейшей дружбы и питая к нему самую восторженную и благоговейную привязанность, я, разумеется, всегда с энтузиазмом говорил о нём не только моим друзьям, но и знакомым. Кроме того, имя Станкевича было тогда всеобщее известно в

литературных кругах по поэтическим его произведениям, печатавшимся в современных периодических изданиях, а также и по отдельно изданной им трагедии «Скопин-Шуйский» («Василий Шуйский». – Н.К.).

Грановский по окончании курса в Петербурге собирался ехать в Орёл и, разумеется, должен был проезжать чрез Москву. Я дал ему письмо к Станкевичу. Тут они впервые познакомились... Грановский возвратился ревностным почитателем Станкевича».

Новый знакомый сразу понравился Станкевичу. Его малороссийское лицо, обрамлённое длинными чёрными волосами, было одухотворено неутомимой жаждой деятельности, а тёмные, глубоко смотрящие глаза словно отыскивали истину и добро. Вспыхнувшая с первой встречи между ними симпатия превратилась вскоре в глубокую идейную и духовную близость.

Станкевич и Грановский были ровесниками. «Благодарю тебя за знакомство с Т.Н. Грановским, – писал Станкевич Неверову. – Это милый, добрый молодой человек, и на нём нет печати Петербурга... Мы подружались с Грановским, как люди не дружатся иногда целую жизнь».

Весьма точно описал этого замечательного человека и учёного И.С. Тургенев: «Чуждый педантизма, исполненный пленительно добродушия, он уже тогда внушал то невольное уважение к себе, которое столь многие потом испытали. От него веяло чем-то возвышенно-чистым; ему было дано (редкое и благодатное свойство) не убеждениями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное в душе другого; он был идеалист в лучшем смысле этого слова, – идеалист не в одиночку. Он имел точно право сказать: “ничто человеческое мне не чуждо”, и потому и его не чуждалось ничто человеческое... Станкевич имел величайшее влияние на Грановского, и часть его духа перешла на него...»

Грановский был профессор превосходный... несмотря на его несколько замедленную речь, он владел тайною истинного красноречия; но всё-таки иные, судя о нём по литературным его трудам, зная также, что на звание специалиста, учёного в строгом смысле слова, он не имел притязания, – дивятся как бы непонятной тайне, силе и обширности влияния его на людей.

Проникнутый весь наукой, посвятив себя всего делу просвещения и образования, – он считал самого себя как бы общественным достоянием, как бы принадлежностью всякого, кто хотел образоваться и просветиться... К нему, как к роднику близ дороги, всякий подходил свободно и черпал живительную влагу изучения, которая струилась тем чище, чем сам преподаватель меньше прибавлял в неё своего. Он передавал науку, которую уважал глубоко и в которую честно верил...».

В жизни Грановского Станкевич сыграл огромную роль. Принимая самое искреннее участие в судьбе Грановского, он внимательно следил за духовным становлением своего друга, стараясь направить его на единственно правильный путь. Был в жизни Грановского такой момент, когда он, сильно перегрузившись научной работой, начал разочаровываться в избранном для себя деле. Рядом с ним в то время оказался Станкевич, сумевший поддержать молодого учёного и убедить в правильности выбора:

«Мужество, твёрдость, Грановский! Не бойся этих формул, этих костей, которые облекутся плотью и возродятся духом по глаголу Божию, по глаголу души твоей. Твой предмет – жизнь человечества: ищи же в этом человечестве образа Божия; но прежде приготовься к трудным

испытаниям, – займись философиею! Занимайся тем и другим: эти переходы из отвлечённой к конкретной жизни и снова углубление в себя – наслаждение! Тысячу раз бросишь ты книги, тысячу раз отчаешься и снова исполнишься надежды; но верь, верь – и иди путём своим».

В другом письме Станкевич, не поучая Грановского, вновь старается убедить друга в том, что ему ни в коем случае нельзя оставлять занятия наукой:

«...Ты недоволен собою? Поблагодари за это Бога. Ты сомневаешься в себе, в своих силах, ты хочешь дать отчёт в самых чистых твоих намерениях, проверяешь свои потребности? Ты начал прекрасно, как не может начать иначе никто, достойный имени человека... Больше простора душе, мой милый Грановский (Теперь ты занимаешься историею: люби же её как поэзию, прежде нежели ты свяжешь её с идеею; как картину разнообразной и причудливой жизни человечества; как задачу, которой решение не в ней, а в тебе и которое вызовется строгим мышлением, проведённым в науку. Поэзия и философия – вот душа сущего. Это жизнь, любовь; вне их всё мертво».

Безусловно, Станкевич многое сделал для формирования воззрений Грановского, который глубоко впитывал его идеи. К этим идеям следует, прежде всего, отнести взгляд Станкевича на мир, на род человеческий, как на единое, на историю человечества, как на единый процесс и на науку о ней, как на монистическую теорию.

«Никому на свете, – писал Грановский, – не был я так обязан: его влияние на меня было бесконечно и благотворно. Этого, может быть, кроме меня никто не знает».

Эти слова Грановский скажет после смерти Станкевича. Но ещё при его жизни он выражался не менее искренне: «Я не легко и, признаюсь, не охотно поддаюсь чуждому влиянию, но Станкевич имел на меня большое, более, чем кто-нибудь после моей матери... Из всех людей, с которыми я сходил в жизни, – а между ними есть много отличных во всех отношениях, – Станкевич самый замечательный. В нём соединяются высшие качества ума и сердца».

Первый биограф Станкевича П.В. Анненков, основательно исследовавший взаимоотношения наших героев, написал о роли Станкевича в судьбе Грановского следующее: «Грановский называл себя учеником Станкевича, конечно, не в смысле добытой от него эрудиции: в этом, по общему приговору, он был сам богат и в помощи товарищей не нуждался; но учеником Станкевича был он в доблестной науке сбережения души, воспитания воли, неослабного бодрствования в благих помыслах. Если бы мы не имели сознания самого Грановского, то могли бы угадать тесную связь, соединявшую его с другом молодости. Никто так полно не сохранил на себе нравственного сходства со Станкевичем в поступках, направлении, отчасти даже в способах выражения своих мыслей, как Грановский. Станкевич отпечатал на нём неизгладимо лучшую часть души своей, духовный образ свой».

Не менее высоко оценил значение Станкевича для Грановского и известный русский мыслитель, автор книги «Молодая Россия» М.О. Гершензон: «В прямом смысле слова ученик и продолжатель Станкевича, он (Грановский. – Н.К.) поднял нить, обронённую Станкевичем: он стал одним из тех учителей (рядом с ним Белинский), которые уяснили русскому обществу 40-х годов общественный смысл идеала, иначе говоря, ход и цель исторического воспитания человечества».

Историко-философская схема Грановского кажется нам и узкою, и искусственной, многие из её посылок – фикциями, но навших в честном бою не судят. Эти идеи сделали своё дело. В них новый идеал, которому суждено было надолго стать скрытым двигателем всей нашей духовной жизни, – эта высокая мечта Станкевича и его друзей о разумной и прекрасной жизни, о совершенном человеке, – был перенесён (правда, в довольно грубом виде) на социальную почву и выражен на социальном языке. Этим был дан могучий толчок зарождению у нас общественного идеализма, и если ближайший период русской истории, с конца 50-х годов, был ознаменован громадным идеалистическим движением, плодом которого явились реформы Александра II, то немалая доля заслуги в этом принадлежит и Грановскому. Не будет парадоксом сказать, что он был одним из передаточных органов, которым нравственная энергия, заключённая в одинокой думе Станкевича, претворилась в благое общественное деяние...».

Дружба Станкевича и Грановского была исключительно чистой и плодотворной. Особенно она окрепла в Берлине, куда сначала приехали Неверов с Грановским, а затем, в 1837 году, к ним присоединился и Станкевич. «Таким образом, – свидетельствовал Неверов, – образовался наш тройственный союз: Станкевич, Грановский и я».

Станкевич поселился в том же доме на Кирхенштрассе, где жили приятели. Он обосновался в бельэтаже, где у него было две комнаты. А Неверов с Грановским проживали в трёх комнатах на первом этаже. Как писал Н.Г. Фролов, один из многих находившихся в Берлине русских, «в Берлине Станкевич соединился с друзьями своими Я.М. Неверовым и Т.Н. Грановским; с ними по-братски, в тесном союзе и живом обмене мыслей и чувствований провёл он с лишком полтора года».

В 30-х годах в Берлин стекались, словно паломники к святым местам, молодые философы из разных уголков Европы и России. И всё благодаря университету, который являлся средоточием разработки и преподавания гегелевской философии. Это учебное заведение привлекало молодые умы, так как конец тридцатых годов был порою наибольшей популярности гегелианства в России.

«Я с удовольствием расположился здесь, – писал Станкевич из Берлина, – и вместе с Грановским начертал план наших занятий... Нынешний семестр профессор Вердер и проф. Ранке, преимущественно, займут нас с Грановским. Вердер читает логику и метафизику (так называют популярно Гегелевскую логику) по утрам, а после обеда – историю философии с Декарта. Ранке – новейшую историю, начиная с XVIII столетия... Вердер и Ранке – два таких сокровища, над которыми нам придётся работать до кровавого пота, потому что заниматься не значит ходить только на лекции. Представьте, что нам придётся думать над логикой, читать Декарта, Лейбница, Фихте и проч. А над новой историей, читать источники – безделица?.. Философия и современный мир – вот два господствующия занятия на нынешний семестр».

Своё пребывание в Берлине описывает и Грановский: «...Нам некогда скушать: утром ученье, потом обед, потом читаем, в шесть часов театр, в девять возвращение домой, болтаем и смеёмся, как сумасшедшие, пока Неверов, благоразумнейший из нас троих, потому что ему будет скоро 26 лет, не прогонит нас спать. Эта история возобновляется каждый день. Только когда не отправляемся в театр, – читаем, или один из моих

товарищей занимает нас музыкой». Один из этих товарищей музыкантов – Станкевич. Тогда же ироничный Станкевич посвятил своему другу и стихи. И вряд ли Грановский мог обидеться на его послание:

*Профессор будущий! преследуем судьбою,
Скажи, что предпринять намерен ты с собою?
Принял ли рвотное? Что чувствовал потом?
Что с грудью деется? Как можешь животом?
Чем занимаешься? Идёт ли в ум ученье?
И долго ли ещё пробудешь в заточенье?
Доволен ли судьбой? Глаголешь ли хулу?
Или блаженствуешь, простершись на полу?*

Овладение науками – это то, чем в основном с утра до вечера был занят Грановский. Однако времени хватало и на другие занятия. Едва ли не каждый вечер он отправлялся с друзьями в один из берлинских театров – Оперный или Кенигштадский. Особенно любил посещать оперу. Тогда там соперничали две певицы: Лове и Фассманн... Грановский был поклонником Лове, высокой и красивой брюнетки, Станкевич предпочитал Фассманн, блондинку.

Осенью 1839 года Грановский, окончив курс обучения, возвратился в Москву и начал читать на кафедре всеобщей истории курс лекций по истории западноевропейского Средневековья, в дальнейшем – древней истории и истории Нового времени.

Вот портрет Грановского того периода, написанный известным литератором И.И. Панаевым:

«Грановскому было тогда лет около тридцати. Черты лица его были крупны и неправильны: нос и губы толстые – лицо это не имело той вульгарной, внешней красоты, которая поражает с первого раза; но его большие, глубокие, тёмные глаза с меланхолическим оттенком, с надвинутыми густыми и широкими бровями, его открытый лоб, почти чёрные волосы, зачёсанные назад и доходившие до плеч, его грустная, добродушная, кроткая улыбка – всё это вместе поражало той внутренней красотой, в которую чем более глядываешься, тем более она кажется привлекательною... В его движениях, взглядах, голосе, манере говорить (он несколько пришепётывал, что несколько не портило его) было что-то неотразимо симпатичное. Все женщины были от него в восторге; все мужчины, даже враждебные его убеждениям, не могли не питать к нему личной симпатии».

Буквально с первых лекций Тимофей Николаевич стал самым популярным преподавателем в университете, на его лекции собирались студенты всех факультетов.

Как вспоминал современник, во время лекции проходы в аудитории были заставлены стульями; слушатели сидели даже на ступеньках кафедры. И это несмотря на то, что у Грановского был слабый голос и прескверная дикция. Огромные симпатии студентов Грановский приобрёл благодаря тому, что его выступления отличались системностью в изложении фактов, дополнялись поэтичностью слога, образностью сравнений и метафор. Причём Грановский никогда не ограничивал своего общения со студенческой молодёжью только кафедрой, стенами университета, и это являлось его принципиальной позицией.

Приведу свидетельство Б.Н. Чичерина, одного из его учеников:

«Всё преподавание Грановского насквозь было пропитано гуманностью, оценкой в человеке всего человеческого, к какой бы партии он ни принадлежал,

в какую бы сторону ни смотрел. Те высокие нравственные начала, которые в чистоте своей выражались в изложении общего хода человеческого развития, вносились и в изображение отдельных лиц и частных явлений. И всё это получало, наконец, особенную поэтическую прелесть от удивительного изящества и благородства речи преподавателя. Никто не умел говорить таким благородным языком, как Грановский. Эта способность, ныне совершенно утратившаяся, являлась в нём, как естественный дар, как принадлежность возвышенной и поэтической его натуры. Это не было красноречие, бьющее ключом и своим пылом увлекающее слушателей. Речь была тихая и сдержанная, но свободная, а с тем вместе удивительно изящная, всегда проникнутая чувством, способная пленять свою форму и своим содержанием затрагивать самые глубокие струны человеческой души».

Кроме университетских курсов, Грановского прославили публичные лекции, на которые собирался весь цвет московского общества. В то время мода на публичные лекции была в России новым явлением. Читал Тимофей Николаевич их три раза: в 1843–44 годах курс по истории средних веков; в 1845–46 годах – сравнительную историю Англии и Франции; в 1851 году – знаменитые четыре характеристики (Тамерлан, Александр Великий (Македонский), Людовик IX, Бекон). Публичные лекции Грановского неизменно заканчивались овациями.

«Я всегда был убеждён, что он прекрасно будет читать, но, признаюсь, он превзошёл мои ожидания, – с восторгом писал о лекциях Грановского А.И. Герцен. – Что за благородство языка, что за живое изучение предмета! Ну, брат, и Москва отличилась: просто давка. За четверть часа места нельзя достать, множество дам *di haut rang* (высшего слоя)... Вторая лекция была поразительно хороша, и на третьей он был встречен единодушным рукоплесканием... Какой широкий взгляд и какая гуманность, это – художественный, полный энергии и любви рассказ».

А вот дополнение И.И. Панаева:

«Успех этих лекций был колоссальный. По окончании последней лекции энтузиазм выразился, как обыкновенно, хлопаньями, криками, пожатиями руки профессора и чуть не бросанием на воздух чепцов со стороны барынь... Все теснились около профессора, изъявляя ему свой восторг, своё участие... Грановский был глубоко тронут. Ему даже не дали досказать заключительных, благодарственных слов. На крыльце его ожидали студенты и вынесли его на руках на улицу».

Грановский часто выступал на страницах периодических изданий. Его научные и публицистические работы печатали популярные в те годы журналы «Отечественные записки» и «Современник». Но наиболее серьёзными научными трудами Грановского стали диссертации учёного: магистерская – «Волин, Иомсбург и Винета», защищённая в 1845 году, и докторская – «Аббат Сугерий. Об общинах во Франции», защищённая в 1849 году.

Пятнадцать лет Тимофей Николаевич занимал кафедру Всеобщей истории в Московском университете. Нескольким поколениям студентов привил он любовь к истории, воспитал их настоящими патриотами Отечества. «Все мы, более или менее, – ученики Грановского», – признавал полвека спустя именитый историк В.О. Ключевский.

Достаточно сказать, что в числе его слушателей были знаменитый впоследствии историк, ректор Московского университета С.М. Соловьёв, один из

основоположников конституционного права в России Б.Н. Чичерин, известный русский экономист И.К. Бабст и многие другие.

В мае 1855 года Грановский был избран деканом историко-филологического факультета университета. Примечательно, за него проголосовали не только единомышленники, но и профессора, имевшие другие взгляды на те или иные исторические события. А в июне, с начала каникул, Тимофей Николаевич посетил Воронежскую губернию, а именно Удеревку, где прошло детство и где был похоронен его друг Станкевич.

«Пишу тебе из Удеревки, друг Кетчер...». Так начинается письмо Грановского к бывшему члену кружка Станкевича, посланное им 14 июля 1855 года. «Сюда, – сообщал он тем же летом из Удеревки издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому, – занесла меня страсть к бродяжничеству и зубная боль. Последняя, впрочем, удержала, а не занесла».

В Удеревке Грановский много трудился. На земле своего друга он закончил работу над разделом учебника, посвящённым истории Древнего Востока. Кроме того, в Удеревке им была составлена для Министерства народного просвещения записка «Ослабление классического образования в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены».

По воспоминаниям Александра, брата Станкевича, Грановский в свободные часы «любил ходить среди засеянных полей, гулял в лесу, купался в реке и иногда сидел с удочкой над водою или отдыхал, валяясь на траве. Он говорил, что мирный характер окружавшей его природы производил на него успокоительное влияние, и после отдыха принимался за труд с освежёнными силами».

Также Станкевич-младший рассказывает о посещении Грановским могилы своего рано умершего сверстника и духовного наставника:

«Уже стемнело, когда он вместе с женой отправился через деревню в церковь, возле которой был похоронен Станкевич. Историк шёл молча, долго оставался на могиле и в молчаливом раздумье возвратился домой... В это лето мысли и воспоминания Грановского часто обращались к лицу умершего друга, ко времени, прожитому с ним, к разным, даже мелким событиям их жизни. Вообще личные воспоминания тогда постоянно и живо воскресали в нём. Он часто говорил о своём детстве, о своей юности, о студенческих годах, о времени, проведённом в Берлине, времени своего профессорства, и в этих воспоминаниях как бы вновь переживал всё своё минувшее. Он как бы удивлялся этим частым воспоминаниям. Никогда я так много не говорил, замечал он».

Пребывание в деревне, надеялся Грановский, прибавит ему здоровья, которого у него к тому времени уже было мало. В одну из августовских ночей ему стало плохо. Вызванный из уезда врач поставил диагноз: лихорадка. Высокая температура, озноб, слабость, головная боль – эти неприятные для организма симптомы преследовали Тимофея Николаевича почти неделю. Врач беспрестанно находился рядом, выхаживая больного.

На поправку Грановский пошёл лишь в конце августа. И тогда же он выехал в Москву. У него было много планов. В частности, Тимофей Николаевич собирался открыть новое печатное издание «Исторический сборник». Но 4 октября 1855 года Грановский в возрасте 42 лет скоропостижно скончался. По некоторым данным, смерть наступила в результате инфаркта.

О том, каким он остался в памяти людей, его знавших, запечатлел в своих стихах Н.А. Некрасов:

Перед рядами многих поколений
 Прошёл твой светлый образ, чистых впечатлений
 И добрых знаний много сеял ты,
 Друг Истины, Добра и Красоты!
 Пытлив ты был: искусство и природа,
 Наука, жизнь – ты всё познать желал,
 И в новом творчестве ты силы почерпал,
 И в гении угасшего народа...
 И всем делиться с нами ты хотел!
 Не диво, что тебя мы горячо любили:
 Терпимость и любовь тобой руководили.
 Ты настоящее оплакивать умел
 И брата узнавал в рабе иноплемённом,
 От нас веками отдалённом!
 Готовил родине ты честных сыновей,
 Провидя луч зари за непроглядной далью.
 Как ты любил её! Как ты скорбел о ней!
 Как рано умер ты, терзаемый печалью!
 Когда над бедной русской землёй
 Заря надежды медленно встала,
 Созрел недуг, посеянный тоской,
 Которая всю жизнь тебя крушила...
 Да, славной смертью, смертью роковой
 Грановский умер...

На его похороны пришла многотысячная студенческая масса. Гроб с телом своего учителя и наставника студенты несли на руках через всю Москву – от университета до Пятницкого кладбища. Традиция собираться в этот день (6 октября) на Пятницком кладбище у могилы Т.Н. Грановского сохранялась в студенческой среде вплоть до начала XX века.

«Боже мой, какое горе, – писал профессор Санкт-Петербургского университета А.В. Никитенко – какая потеря для науки, для мысли, для всего высокого и прекрасного: Грановский умер! Это был в нашем учёном сословии человек, которого можно было уважать, в правоту ума и сердца которого можно было верить безусловно; он был чист, как луч солнца, от всякой скверны нашей общественности. Это был Баярд мысли, рыцарь без страха и упрёка».

Этой цитатой я собирался завершить свой рассказ о Тимофее Николаевиче Грановском. Однако остановила меня это сделать многотысячная толпа студентов. Узнав о переименовании улицы своего учителя и наставника, студенты пришли из далекого XIX века прямо к зданию нынешнего столичного правительства. Перепуганные чиновники, увидев из окон дружину молодых людей, тут же отменили своё решение. А вышедший навстречу студентам градоначальник Гавриил Попов самолично прикрепил на фасад дома под номером один табличку «Улица Тимофея Грановского». Но, увы! Это всего лишь фантазия...



ПОЭЗИЯ

Инна ВАРВАРИЦА

Инна Петровна Варварица – родилась в Свердловске. В 1948 г. семья переехала в Москву. Окончила фармацевтический факультет 1-го Московского Медицинского института им. Сеченова. Более 40 лет работала химиком-аналитиком. Много путешествовала по Европе от Скандинавии до Кипра, побывала в США, Египте, Японии. Автор восьми поэтических сборников, книги стихов и прозы, двух детских книг. Член МГО СПР.

Живёт в Москве.



Былого далёкое эхо

Прости, одуванчик!

Май зарос изумрудной травой,
 Закудрявился цветом вишни.
 Я, любясь его красотой,
 На борьбу с ней сегодня вышла:
 Одуванчик в зелёной траве –
 Так красиво на дачной лужайке!
 Но неделя пройдёт или две –
 Полетят «парашютиков» стайки.
 И соседи меня не поймут,
 И лужайку оценят вряд ли,
 Если крошечный парашют
 К ним во двор полетит на грядки.

Ты прости меня, золотой
 Брат подсолнуха, солнца потомок,
 Что косилка железной рукой
 Красоту срезает под корень!
 Я же знаю, ты стойкий, дружок.
 У меня на тебя и зла нет,
 Если ты найдёшь уголок,
 Где косилка тебя не достанет!
 И в округе немало мест,
 Где и солнца полно, и свободы.
 Я приду к тебе в поле и в лес –
 Мы же оба дети природы!

В сорок первом всех бед не счесть!..
 Свадьба двадцать второго июня...
 Но нагрязнула чёрная весть
 На страну, никого не минуя.
 Разгорался зловещий закат,
 Чёрной тучей нахмурился вечер,
 Будто знал, что прощался солдат
 Навсегда, без надежды на встречу.
 Эшелон растворился вдали...
 Вместо писем пришла похоронка...
 Рос, вырослел без отцовской любви
 На солдата похожий мальчонка...
 Только фото отца на стене
 Смотрит добрым, внимательным взглядом,
 Да рассказы о нём, о войне –
 Память мамина с болью рядом.

Годы шли... Полк Бессмертный стеной
 Встал, как встал в сорок первом когда-то!
 Сын с глазами отца, седой,
 Нёс портрет молодого солдата!

Только эхо...

В тот вечер, далёкий, метельный,
 В засыпанном снегом краю
 Вокзальные ветры пропели
 Прощальную песню свою.
 Отчаянье близкой разлуки,
 Метель, сквозняки, фонари...
 Друг друга холодные руки
 Никак отпустить не могли.
 Какая небесная сила,
 Забыв обещанья свои,
 Колдуньей-метелью кружила
 Слова о прощанье любви?..
 В какие бескрайние дали
 Размечет нас ветром судьбы,
 Ещё мы в тот вечер не знали,
 Событий слепые рабы...

...Давно этот поезд уехал.
 За ним – то метель, то листва.
 И только упрямое эхо
 Доносит всё те же слова.

Фонарь – словно памяти вежа,
 Вокруг рой снежинок снуёт,
 Сквозь время из прошлого эхо
 Метельную песню поёт.
 И годы ему не помеха!
 В нём боль расставанья жива.
 Былого далёкое эхо
 Любви повторяет слова...

Активное долголетие

Свет всю ночь горит в квартире,
 Где живут Сова и Филин.
 Филин бродит в интернете,
 В курсе он всего на свете.
 А Сове гораздо ближе
 Книга или телевизор.
 Сон к утру сморит их всё же.
 Мало спать не каждый может,
 А у Филинов и Сов
 На четыре-пять часов
 День окажется длинней!
 Их умножь на много дней –
 За год месяца на два
 Больше бодрствует Сова!
 Как шесть лет опять пройдёт,
 Набегает лишний год!
 Сколько лет во сне теряет
 Тот, кто рано засыпает!





Русская француженка В.В. Маяковского

(Татьяна Алексеевна Яковлева)

Представьте себе высокую, стройную, красивую блондинку 22 лет в элегантном чёрном платье, в надетой чуть набекрень небольшой чёрной шляпке, украшенной слегка вздёрнутым маленьким бантиком в тон, к тому же обладающую очень красивыми ногами. Позднее сама Марлен Дитрих, общаясь с американским корреспондентом, в ответ на его вопрос, правда ли, что её ноги считаются самыми прекрасными в мире, скажет: «Так говорят, но у Татьяны Яковлевой лучше».

Представьте, что вы, только что познакомившись с этой молодой, благоухающей духами девушкой в Париже, случайно узнали, что эта рослая, загорелая золотоволосая красавица с безупречной фигурой – не француженка, а чистокровная русская... У неё красивая, без акцента, правильная русская речь, она хорошо знает и любит русскую поэзию (особенно женскую – Ахматовой, Цветаевой), русскую живопись, музыку, оперу, балет. Вы узнали её как интереснейшую собеседницу, в своём юном возрасте много пережившую как на родине в России, так и к 1928 году во Франции.

А теперь вообразите, что в Париже напротив красавицы стоит незаурядный, уникальный русский поэт, которого зовут Владимир Владимирович Маяковский. Разве можно было сразу, с первого же взгляда и первых фраз при общении не влюбиться в такую даму?

Первая встреча Татьяны Алексеевны Яковлевой с Маяковским произошла случайно, в приёмной у доктора. Татьяна обратилась к врачу в связи с обострением хронического бронхита, а Маяковский банально простудился. В приёмной они общались очень недолго. Владимир Владимирович галантно пропустил Татьяну вперёд, но попросил подождать его после приёма. Выйдя от врача,



Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.



Маяковский остановил такси и пообещал проводить Татьяну по домашнему адресу. В такси, почти ничего не зная о только что встреченной и очень понравившейся ему русской девушке, он признался ей в любви... Произошло это 25 октября.

А биография русской француженки была достаточно интересной.

Татьяна Алексеевна Яковлева родилась в России в Санкт-Петербурге 7 апреля 1906 года. Её отец, Алексей Евгеньевич Яковлев, был известным инженером и архитектором. Мать, Любовь Николаевна Аистова, была женщиной утончённой красоты, она свободно владела четырьмя языками и отличалась изысканным вкусом. Дед Татьяны Алексеевны – Евгений Яковлев – был морским офицером, а бабушка – Софья Кузмина – одной из первых женщин, окончивших Петербургский университет, да к тому же далее получившая степень бакалавра философии в Германии, в Берлине.

По линии отца Татьяна была в родстве с крупнейшими купеческими семьями и знатными дворянскими родами России. По линии матери она была близка к искусству. Дед Николай Аистов был прославленным танцовщиком и режиссёром Мариинского театра. Брат отца – Александр Евгеньевич – стал известным художником. Сестра отца – Александра Евгеньевна, Татьяна родная тётка, которую в семье называли Сандрой, – была солисткой Мариинской оперы и, в конце концов, стала любимой сценической партнёршей Фёдора Ивановича Шаляпина.

Двумя годами позднее Татьяны, в 1908 году, появилась младшая дочь, которой дали имя Людмила, но в семейном окружении звали Лилей.

Девочки росли и развивались с помощью гувернанток и домашних учителей. Таня с детства пристрастилась к книгам, много читала и, обладая прекрасной памятью, прочитанное помнила наизусть. Особенно она любила поэзию: несколько сотен стихотворений легко запоминались и как бы сами собой сохранялись в голове. В девичестве она запоем читала романы, пробовала писать собственные стихи, но быстро поняла, что в поэзии женщины, за малым исключением, не соперники мужчинам.

Жизнь в Петербурге была интересной и яркой, потому что в семье любили театр, оперу, балет, музыку, посещали музеи, выставки, концерты, слушали не только отечественных, но и зарубежных исполнителей.

Через некоторое время Яковлевы переехали из Петербурга в Вологду и определённое время жили там, так как Алексей Евгеньевич возглавил в этом городе строительство городского театра.

Следующим местом переезда семьи Яковлевых стала Пенза. В ней глава семьи по собственному проекту начал строить Зимний театр. Этот тихий, расположенный на горах зелёный город пришёлся по душе Алексею Евгеньевичу, и Яковлевы приняли решение окончательно осесть в нём.

Но началась Первая мировая война. Алексея Яковлевича призвали в армию.

Как квалифицированный инженер он не был на фронте, но пропал без вести. В 1916 году его направили в США для закупки вооружения. А что с ним случилось далее, какие испытания приготовила ему судьба, где подстерегла его смерть, – никаких сведений семья не получила. И с этого времени дела семьи покатились вниз, все её представители подверглись очень нелёгким испытаниям. Произошедшие в 1917 году Февральская и Октябрьская революции ещё сильнее ударили по семье Яковлевых. Сначала семья кое-как перебивалась заработками Любови Николаевны. Она давала уроки музыки и иностранных языков. Но когда желающие учиться разбежались в связи с дороговизной жизни и отсутствием средств на учёбу у частных учителей-преподавателей, Яковлевы впали чуть ли не в нищету. Пришлось распродавать имущество, выпрашивать и выменивать за платья и другую одежду промёрзшую картошку на рынках и по деревням, отапливать выстуженные комнаты старинной мебелью, альбомами, книгами, картонными коробками из-под платьев, обуви и шляп. Татьяна часами пропадала в госпиталях, читая раненым стихи. Те, в свою очередь, восхищаясь мастерством худящей от хронического недоедания девушки, протягивали ей в благодарность кусочки хлеба из собственного армейского пайка. Так семья жила несколько лет. У Татьяны развился множественный фурункулёз, она непрерывно кашляла, испытывала боли в грудной клетке, у неё даже подозревали туберкулёз.

Между тем Софья Петровна (бабушка Татьяны) и Любовь Николаевна (мать) уже давно перебрались к сыну-художнику в Париж. Александр Евгеньевич Яковлев жил за границей с 1916 года. Письма из России вызывали тревогу за жизнь внучек Татьяны и Людмилы. Особенно беспокоило довольно опасное состояние здоровья Тани.

Получить разрешение на выезд за границу из Советской России даже на лечение оказалось весьма непростым делом. Александр Евгеньевич Яковлев занялся этим делом сам, а когда понял, что ничего не получается, обратился за помощью к владельцу фирмы «Ситроен», с которым сотрудничал как известный модный художник. Лишь к середине 1925 года удалось получить разрешение и оформить все необходимые документы.

И вот 19-летняя Татьяна Яковлева, больная, одинокая и раздавленная всеми трудностями жизни в России после Первой мировой и Гражданской войн, в 1925 году оказывается во Франции, в Париже.

В семье сразу поняли, как ей нужно помочь прийти в себя, подлечиться, привыкнуть к незнакомой буржуазной стране и стилю жизни в ней. Татьяну отправили на юг Франции, где она отсыпалась, лечилась, отдыхала, отъедалась и постепенно возвращалась к условиям нормальной жизни. Когда девушка вернулась в Париж, она быстро влилась в его жизнь. Дело в том, что её дядя-художник был успешен и известен в Париже как в кругах артистической богемы, так и среди эмигрантов из России. Конечно, это облегчило для

Татьяны знакомство с ними. Но и сама девушка была чудо как хороша внешне и очень интересной, знающей и воспитанной собеседницей.

Итак, Маяковский познакомился с ней в Париже, когда она прожила в нём уже три года. С 25 октября до 2 декабря, до самого дня отъезда Маяковского в Россию, все эти 38 дней они встречались ежедневно втайне от семьи Татьяны, справедливо опасаясь, что Яковлевым не понравятся встречи их с таким трудом вытасченной из России родственницы с главным большевистским поэтом. Маяковский и Татьяна ходили по музеям и кинотеатрам, обедали в дешёвых бистро, где было меньше риска встретить кого-нибудь из уважаемых Яковлевых.

Художник Василий Шухаев, в доме которого часто бывали Татьяна и Маяковский, в своих записках вспоминал: «Это была замечательная пара. Маяковский очень красивый, большой. Таня тоже красавица – высокая, стройная, под стать ему».

Уезжая, Маяковский оставил заказ в цветочном магазине. Каждое воскресенье Татьяна получала из него букет роз и каждый раз – новое короткое стихотворение поэта. Она потом признавалась матери: «Это первый человек, сумевший оставить в моей душе след...»

Вернувшись в Москву, Маяковский мог думать только о Татьяне. Он посылал ей телеграммы, книги, хлопотал о её семье, оставшейся в Пензе, помогал организовать выезд в Париж её сестре Людмиле. Правда, она сможет уехать за границу только в 1930 году.

В 1929 году Маяковский снова приезжает во Францию и оказывается в Париже 22 февраля. Знакомые тут же ему в подробностях рассказали обо всех реальных и мнимых поклонниках Татьяны, пересказали все сплетни и слухи на её счёт. Но Маяковский был настолько влюблён, что даже собирался жениться на Татьяне и перевезти её в Москву. А если Татьяна на это не согласится, поэт был готов остаться в Париже – лишь бы быть рядом с нею! Страдания Владимира Владимировича от ревности были невыносимы. Он уговаривал Татьяну выйти за него замуж. Но чем более настойчиво Маяковский упрашивал её, тем больше она сомневалась. Да и правда: зачем возвращаться в страну, из которой она с таким трудом уехала, из которой с такой радостью и надеждой на лучшую жизнь сбежала?

А внешне пара выглядела очень счастливой. В течение двух месяцев они каждый день встречались, ездили к морю, не расставаясь ни на минуту. «Он был абсолютный джентльмен ко мне, – писала Татьяна матери. – Это была сама нежность, сама любовь, само внимание. Это было что-то невероятное. Я такого никогда не видела».

В Россию Маяковский уезжал в конце апреля, но все понимали, что он скоро вернётся. Возвращение планировалось в октябре этого года. И тогда же Маяковский и Татьяна договорились окончательно решить вопрос о совместной жизни.

В Москве на Маяковского обрушилась масса дел. Проходят премьеры его пьес, огромное время занимает подготовка к персональной выставке, обширной и очень серьёзной работой оказывается издание собрания сочинений. Но каждый прожитый день начинается и заканчивается переживанием огромной любви к Татьяне. Письма ей в Париж уходят из Москвы каждый день.

А ходатайство об очередной визе во Францию оказалось отвергнутым. Маяковский отнёсся к этому как к помехе, но временной. Однако в этой ситуации он начал нервничать.

В это время Брики знакомят его с актрисой Московского Художественного Театра и женой Михаила Яншина красавицей Вероникой Полонской. От тоски, неуверенности и одиночества Маяковский начинает ухаживать за ней.

В один из дней октября Лиля Брик как бы случайно читает при Маяковском письмо своей сестры Эльзы Триоле, присланное из Парижа. Эльза пишет, что «Яковлева, с которой Володя познакомился в Париже и в которую ещё был по инерции влюблён, выходит замуж за какого-то, кажется, виконта, что венчается с ним в Париже, в белом платье с флердоранжем, что она вне себя от беспокойства, как бы Володя не узнал об этом и не учинил бы скандал, который ей может навредить и даже расстроить брак». Письмо было неправдой, потому что виконт в нём не назван, о свадьбе, да ещё с упоминанием виконта дю Плесси, о том, как свадьба будет обставлена, и о свадебном наряде Татьяны в начале октября ещё и речи не было.

Но Маяковский раздавлен. Больше он в Париж не пишет. А 14 апреля 1930 года он покончил с собой. По уверению одного из друзей Маяковского, «Таня несомненно явилась одним из слагаемых общей суммы назревавшей трагедии. Это мне было известно от Володи...».

Внезапное и категорическое прекращение переписки с октября 1929 года заставило Татьяну сделать вывод, что поэт её оставил и теперь уже никогда не вернётся к ней.

Но за Татьяной Алексеевной Яковлевой настойчиво ухаживал виконт Бертран дю Плесси, младший сын графа, представитель хотя и обедневшей, но весьма знатной семьи. Это был красивый, блестяще образованный и обаятельный молодой человек. Обе семьи весьма благосклонно смотрели на возможный союз дю Плесси и Татьяны Яковлевой. Правда, дю Плесси требовали, чтобы Татьяна перешла в католическую веру. Но когда Бертран во второй половине октября в очередной раз сделал предложение руки и сердца, Татьяна дала согласие и на брак, и на смену религии. Бертран не стал тянуть. 23 октября 1929 года молодые обвенчались.

Медовый месяц Бертран и Татьяна провели в Италии, откуда выехали в Польшу, в Варшаву, где Бертран получил пост торгового атташе во французском посольстве. В положенное время Татьяна родила дочь, которой дали пышное имя Франсин Людмила Полин Анна-Мари. Впрочем, Татьяна с любовью к малышке чаще звала её дома на русский манер Фроськой.

В Варшаве жизнь молодой семьи вертелась вокруг французского посольства. Часто бывая в нём на дипломатических, торговых и светских мероприятиях, Татьяна с удовольствием помогала жене французского посла, когда в этом возникала необходимость. В процессе тесного общения Паулина Ларош дала Татьяне немало бесценных уроков этикета и светского поведения. Паулина и Татьяна сдружились. Безупречный светский лоск, приобретённый Татьяной в Варшаве, служил ей хорошей службой до самых последних дней.

Впрочем, в Варшаве Бертран и Татьяна дю Плесси пробыли недолго – всего год, а далее возвратились в Париж. Причина происшествия неясна до сих пор. Кое-кто считает, что Бертран оказался виновным в растрате каких-то сумм, принадлежавших посольству. По другой версии, Бертран, запутавшись в каком-то финансовом вопросе, решил воспользоваться дружбой своей жены с супругой посла, чтобы исправить положение и не получить наказание. Однако Татьяна, считая такой поступок потерей чести, отказала Бертрану. Наконец, по третьей версии, Татьяна ненавидела жизнь вдали от Парижа, в том числе в Варшаве. Узнав о проступке мужа, Татьяна сразу поняла, что его

дипломатическая карьера прервётся и возвращение в Париж неизбежно. Отказаться от возвращения в Париж Татьяна не могла. Последней версии придерживается и Франсин, дочь своих родителей, та самая Фроська, которая в своей взрослой жизни стала известной писательницей и призналась, что на многие произведения её вдохновила мать – Татьяна Алексеевна Яковлева.

По возвращении в Париж супруги охладели друг к другу. Точнее, между ними установилось какое-то безразличие. Франсин считала, что все последующие годы отец своим поведением мстил Татьяне за разрушенную карьеру.

Как бы то ни было, по возвращении в Париж супруги живут, почти не общаясь. Бертран занялся журналистикой, а Татьяна прямо в своём доме открыла шляпный салон. Мастерская была устроена рядом со спальней, а за казниц Татьяна принимала в семейной гостиной. Она никогда не делала рисунков будущих моделей шляп. Восемь часов в день и триста шестьдесят дней в году она сидела перед большим овальным зеркалом и делала шляпки, глядя на своё отражение. На большом столе в гостиной были размещены солидного размера паровой пресс, а вокруг него лежали все необходимые для создания шляп составляющие: рулоны фетра, шёлка, парчи, шёлковых шнуров, лент, перья павлина и белых цапель, шёлковые цветы, соломка.

Татьяна ухаживала за собой тщательно, для поддержания своей красоты она использовала внушительную батарею бутылочек и баночек и целых четырнадцать серебряных расчёсок разного калибра.

Татьяна была поглощена и светской жизнью, которая имела для неё большое значение. В поисках новых клиенток она посещала сотни модных приёмов. Круг её общения составляли представители французской знати, богемы и русские эмигранты. Её окружали толпы мужчин, жаждущих её внимания, расположения и любви, но неизменно отвергаемые Татьяной. Однако за безупречный вкус и светские таланты она везде пользовалась огромным уважением.

К занятиям супруги Бертран относился весьма равнодушно, а круг её клиенток казался ему смешным. В их личных взаимоотношениях давно угасли огонь и прежняя страсть. Муж стал изменять ей налево и направо. Однажды Татьяна вернулась с прогулки на лыжах раньше времени. И что же она увидела дома? Да просто застала супруга в постели с другой. Татьяна была ошарашена. Такого она и представить себе не могла. Однако, поостыв и поразмыслив, Татьяна не стала подавать на развод. Ради дочери она решила сохранить полную семью, принадлежность дочери к знати. Но с этого момента Татьяна посчитала себя свободной от брачных клятв.

Когда в 1939 году началась война, Татьяна узнала, что самолёт, в котором летел Бертран, был сбит над Гибралтаром. Дочери она решилась сообщить об этом только через год.

А за три года до начала войны, в 1936 году, Татьяна попала в страшную аварию. Полицейские сочли её погибшей и отправили в морг. И только там врачи случайно установили, что она жива. Яковлева перенесла около тридцати пластических операций. Врачи сделали всё, что могли, чтобы вернуть ей прежнюю красоту. На память об аварии осталась искорёженная, но сохранившая подвижность кисть правой руки и выраженно хриплый голос из-за повреждений гортани.

В 1938 году, отдыхая во Франции на Лазурном берегу, Татьяна познакомилась с Алексом Либерманом – журналистом и редактором одного из крупнейших французских журналов, сыном «совспеца» Семёна Либермана,

бывшего российского лесопромышленника, а затем экономического советника самого товарища Ленина. Через много лет Алекс вспоминал: «Когда Татьяна протянула мне руку, у меня буквально потемнело в глазах – настолько она показалась мне ослепительной... Когда наши пальца соприкоснулись, нас будто ударило током». В Париж они вернулись вместе. Алекс Либерман стал постоянным гостем в доме дю Плесси, всюду появляясь вместе с Татьяной. Конечно, это вызвало немалое неудовольствие Бертрана.

В начале 1941 года Алекс Либерман, Татьяна и Франсин перебираются в США. И вся дальнейшая жизнь Татьяны Алексеевны Яковлевой протекала в этой стране.

В 1981 году Яковлева серьёзно заболела. Врачи запретили длительные поездки. Вся её светская жизнь перенеслась в коннектикутское поместье Либерманов. Их русские друзья прозвали это поместье Либерманией.

Татьяна Алексеевна Яковлева скончалась 28 апреля 1991 года на 86-м году жизни. Её дочь Франсин вышла замуж за художника Клима Грея и родила двух сыновей. Творчество сделало её известной писательницей.



ПОЭЗИЯ

Евгений ХАВАНОВ

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года служил во флоте. Затем работал в областной газете «Волжская коммуна», где заведовал отделом культуры. Окончил Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, в аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнес-управления (США). Профессор Московского городского педуниверситета. Автор книг и статей по проблемам молодёжи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. В поэзии – со времени военной службы. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.



Славься, родимая РУ

*Ни за что на свете я не хотел бы
переменить Отечество.*

А. Пушкин. П.Я. Чаадаеву. 1836.

Русь, куда несёшься ты?

Н. Гоголь. «Мёртвые души». 1852.

Нам силу даёт наша верность Отчизне

**С. Михалков. Государственный гимн
Российской Федерации. 2000.**

1. Моей гитары струна

Вечными РУ и Русь –
Были б – за дело берусь.
Честь моему перу –
Служить вам. Хаванов.РУ.
Не корифей, не гуру?
Не знаешь примет века?
И эту простую игру?
Тогда приоткрой веко.
Стоит на столе – не твой и не мой
Раб или промоутер?
Серый как день, глухой и немой
И чёрный как ночь компьютер.
Ничто ему не балласт.
Ему ничего не трудно.
Он книгу твою передаст

Другу за долю секунды.
 Нужен лишь адрес – RU –
 Код – он всегда в иске.
 Такое правило у гуру,
 Язык у него английский.
 Но наша тема – не он.
 Идём мы, меры не зная.
 У нас иной камертон –
 Наша страна родная.
 Моя страна – как гитары струна –
 Гудящая, разноокая,
 Да, вот такая наша страна –
 Просторная и широкая.
 Остановлю струну –
 Открою свою страну.

2. Какая ты, RU – Русь?

Кто же моя семья?
 Тебя и себя спроси я.
 Ты и, конечно же, я,
 И наша страна Россия,
 Какой бы бинокль ни дали,
 Смотрим в самые дали.
 Реки, леса, горы,
 Просторы, просторы, просторы.
 Где-то весенние розы,
 А где-то трещат морозы.
 А здесь вот потоки снега.
 Откуда? Да с самого неба.
 Пляжи на плёсах Волги.
 А где-то серые волки.
 Лежишь перед нами безбрежная,
 И новая ты, и прежняя.
 Наполовину нежная
 И во всю ширь снежная.
 И травяная, и лиственная,
 Разная и единственная.
 Живём мы, резвясь и играя,
 Не зная конца и края.
 Редкие облака.
 Речушка не столь глубока.
 А в этих местах мелее.
 Но мне и такая милее.

3. РУ – это все мы

Но главное в РУ – люд,
 Демос, народ, труд.
 Не норма, зачёт и квота,
 А творческая работа.
 Вписались в климат московский
 И Пушкин, и Маяковский.

Квартиры у нас – двушки.
 И, значит, равны мы друг дружке.
 Каждый живой живот
 Жизнью своей живёт.
 Риски, задачи, проблемы,
 Загадки, разгадки и темы.
 Красиво и, кажется, точненько,
 Но из какого источника?
 Пот, и надулись щёки –
 Значит, что ты в шоке.
 Доброй марку держи.
 Честь твоя это. Держи!
 Ты ль это или не то?
 А то вообще никто.
 Не знаем мы, какой ты,
 И говорим: какой-то.
 Запутано, многообразно,
 Порою и небезобразно.
 Вопросов – всегда громада.
 Решать? А может, не надо?
 Чем невнятно мычать,
 Может, лучше молчать?
 Замахивался на вечность,
 А сам-то – неужто в вещьность?
 Если ты в безмолвии,
 То и я без молнии.
 Если ко мне подлез,
 Чувствую, что подлец.
 Такая, представь, корысть:
 Кого-то за что-то грызть.
 Дуб ваш – это рыцарь истый:
 Столь веков – попробуй, выстой.
 Шёл дождик и будет ещё?
 И что-то не есть хорошо,
 Не так, не олайт, ни гут –
 Кому что не так – бегут.
 Родные презрев арки,
 Куда-то бегут олигархи.
 Да, им в какой-нибудь Англии
 Сидеть да читать Евангелие.

Тихо стоят мужики,
 Молча скребут котелки.
 В обычном таком настрое
 Лучше – когда трое.
 Но кто притащил четвёртого?
 Задача почти чёртова.
 А утром болит голова.
 Лекарство – одни слова.
 Доктор сказал: «Невроз».
 А ты подумал: «Не врешь?»
 Для деда важны – усы.
 Для маленькой девочки – бусы.
 Для взрослого внука – трусы,
 Ну и, конечно, бутсы.
 У первоклашки Коли
 Проблема уже в школе:
 Вот Юля, а вот косица,
 И как на неё не коситься?
 У дяди с каких-то пор
 С начальством извечный спор:
 – Болван, ты не симулируй!
 – А ты меня простимулируй!
 Светская дама-львица.
 Но может сама ловиться.
 Что заставляет отдаваться?
 Бывает – куда же деваться?
 И если теперь я не с ней,
 То многое стало ясней.
 Куда вообще ни пойдёшь,
 Везде, везде молодёжь,
 Охочие до эротики
 Свои пораскрыли ротки.
 А вот и другой пример –
 И в вечер, и днём, и утром
 Сверх всяких и норм, и мер
 С другом своим – компьютером.
 Как видишь, живёт страна
 В скором, уверенном ритме.
 Умеренна быстрина
 И заразительны рифмы.
 Слово рвётся в строку,
 Но я его стерегу.
 Поэт! Ну тряхни стариной,
 Яви себя и вокалом
 Яростной РУ-весной
 Над Волгой и над Байкалом.
 В творчестве нет паузе!
 Пройдись-ка лучше по Яузе!

Но ищет он что-то примерное,
 Не зная, что надо, наверное.
 Пусть даже совсем неверное,
 Но чтобы такое нервное.
 Какой-то странный хорей...
 Поэтик, ты сам не хирей.
 Хоть и зовётся троп,
 Но в общем – обычный трёп.
 За всем, что пишется, слежу,
 И что понравится – слижу.
 Светлое время детство.
 Его ощущается действо.
 Игры – кто икс, кто игрек.
 И я в этих добрых играх –
 Не в первых и не в последних.
 И главный в них – РУ посредник.
 А в садике детвору
 Учю я песням про РУ.
 Благоговейно, пристрастно
 Вхожу я в это пространство.
 Куда же, коль что, бегство?
 В собственное детство.

4. А кто и откуда РУ?

Что выше эпох и эр?
 Мы все из СССР –
 И в сокращенье и без
 Советский Союз – два С.
 Проще – Страна Советов.
 Теперь не подходит и это.
 Иль в чьём-то неясном блефе я
 Смутно услышал «РФ-ия».
 Власть – и добро, и зло.
 Нам где-то не повезло.
 Мудрые наши правители
 Увы, не всегда провидели.
 Но от одного не гуру
 Вдруг вырвались звуки RU.
 И кто же их к нам припутал?
 Наверное, сам компьютер.
 И ныне без всякого зова
 Пронзает вот это слово
 Россия – то РО, то РУ.
 А с ним я и сам гуру.
 И что же за ним высится?
 Годы – целая тысяча.

От Волги до Колымы –
Просторы, куда мы метили.
РУ – это вместе мы
В нём – XXI столетии.

Средь новых скал и утёсов.
У русских здесь нет вопросов.

5. А они – это кто?

Родная моя сторона.
Бескрайна как мир она.
Но в мире мы не одни.
Рядом с нами – они.
Где небо бывает жестокое,
Где меж цунами лишь тишь,
Оттуда – от самого Токио,
Дотуда, где тихий Париж.
А рядом – туманное лоно.
Выродки старых тори,
Занявшие серый Лондон,
Считают – творят историю.
А Украина бурлит,
Порядок – как в древнем Содоме.
Но враг не на Даунинг-стрит,
Скорей, где-то в Белом доме.
Там старый старик на нас
Ставит точку,
В десятый и в сотый раз
Катит бочку.
Какой у хозяина крен?
Знай, что ты там разовый.
И не трепись, старый хрен,
А поскорей завязывай.
Пусть властвуют мир и труд.
Всё остальное – на убыль.
И жизнью своей живут
Одесса и Мариуполь.
Помню, как как-то в Брюсселе
Без радости и без скорби
Выпить за стол сели
Водки с названием «Горби».
Не вспоминая даты
И без какого-то трёпа –
Как наши деды когда-то –

Тост – за мир, за Европу.
Помню музей в Арденнах.
Повспоминали гены:
Спокойно, но с неким глянцем
На танках сквозь горы и лес
Врезали американцам
Мальчишки из «Югенд-СС»
Как шутка какая-то чёртова
Зимою 44-го.
Теперь вот и ахи, и вздохи.
Но... шутки с юнцами плохи.
Сегодня – иной взгляд.
Что им на Украине надо?
А с «Горби» – ну как хотят,
Пусть пьют у себя в НАТО.

6. А мы – это мы

А мы – полагаем к добру –
Творческий труд важен –
В России – в родной РУ –
Мудро судьбу свою вяжем.
Где крутится кругом Земля,
Прямо в центре,
От Думы и от Кремля
В километре.
Где русская наша ольха,
Там и моя квартира –
С окнами на ВДНХ –
В центре мира.
С супругою на балкон
Если выйдем,
Что близко и что далеко –
Всё мы видим.
Есть и свои соловьи,
Кому не мила держава,
Хоть вроде бы и свои,
Но пакостно им и ржаво.
Мы против бросаем клич:
Опасны нам эти урки,
Когда-то назвал их Ильич –
То внутренние турки.
Проблем – и у нас с тобой.
Они нам не конкуренты,
Даём каждый день им бой –

Я сам и мои студенты.
 Нам с вами всё по плечу –
 Стоит лишь только взяться.
 Хотя порой и ворчу:
 Старый – куда деваться?
 Бывает порой – рычу.
 А временами кричу.
 А то и просто ору.
 Но всё за тебя, за РУ.
 Всё нам, как народу, к добру.
 Готовы к нему не сейчас ли вы?
 В нашей родной РУ
 Будьте, ребята, счастливы!
 РУ – это наш пост –
 Вчера и сегодня, и завтра.
 И наш с вами тост –
 За РУ, за народ – её автора.



Прокурорская кровь

Умер Серёга Хрунов.

Об этом мне сообщил мой однокашник по юрфаку Леонов, позвонив по телефону.

– Ёлки... зелёные, – невольно вырвалось у меня, и связь неожиданно прервалась.

С Серёгой я виделся последний раз лет десять назад, когда приезжал в Н-ск в командировку. Встретились мы мельком, перекинулись несколькими словами. И я обратил внимание, что он не по возрасту сед. Это не было странным. Он всегда вел напряжённую жизнь человека, пытающегося всех вокруг выстроить под некий идеал. Потому не дружил с коллегами, бодался с начальниками. При всём этом он оставался милиционером, был опером угрозыска, и опером хорошим.

Мы были знакомы с детства. А детство наше прошло в маленьком сибирском городе на тридцать тысяч жителей с названием Черноводск.

Когда мне было семь лет и я готовился идти в школу, мои родители переехали к новому месту жительства. Так я оказался в некоем посёлке, сейчас его назвали бы микрорайоном, где жили работники маслозавода. Хотя сам маслозавод был уже за городом, поскольку его поглотил построенный молкомбинат. В пятидесятые прошлого века, как писали передовицы газет, «полным ходом шла реализация программы развития мясомолочной промышленности».

С мальчишками маслозавода я ещё не познакомился, хотя знал, что они в контрах с кодлой ребятишек с соседней улицы – Рыбхозовской. Хотя, смешно сказать, рыбзавод тоже перенесли за город, и на территории «рыбхозовских» остался только рыбхозовский магазин.

Была макушка лета – июль. Стояла невероятная жара. Но до двенадцати дня на улице было вполне терпимо. Мать отправила меня в магазин за постным маслом, объяснив, что рыбхозовский магазин ближе, чем другие. Она понятия не имела, что ходить в этот магазин маслозаводским ребятишкам было заказано.



Сергей Александрович Трахимёнок – родился в 1950 г. в городе Карасук, Новосибирской области. В 1977 г. окончил Свердловский юридический институт. Доктор юридических наук, профессор. Член союзов писателей России и Беларуси. Печатался в журналах «Неман», «Родник», «Немига», «Авантюрист», «Личная жизнь», «Белорусская думка», «Сибирские огни», «Роман-журнал XXI век», «Наш современник», «Дон», «Подъём», «Простор», «Роман-газета» и др. Автор сорока шести книг, издававшихся в Минске, Москве и Санкт-Петербурге, пятнадцати сценариев кино и видеофильмов.

Живёт в Минске.



Из магазина я вышел, прижимая одной рукой к туловищу бутылку с маслом, горлышко которой было заткнуто газетой, другая рука у меня была занята сдачей.

Неприятное чувство вдруг охватило меня. Это было чувство опасности. И я не ошибся. Из-за угла магазина, как горох, высыпало с десятков разновозрастных ребятишек. Все они, в соответствие с сезоном, были в разноцветных, издавших виды майках и одинаковых чёрных сатиновых трусах. Правда, и то и другое было настолько выгоревшим, что больше походило на серое.

На лицах их была неопишуемая радость, какая бывает у охотников, в ловушку которых попался тот, для которого эту ловушка готовилась.

Но бить противника просто так было нельзя в соответствие с некими правилами уличного жития. Правильные пацаны не могли опуститься до такой низости. И один из них сказал.

– Я знаю его, он из маслозаводских.

– Ну и что? – возразил другой, которого я мысленно назвал Толстиком, потому что он был толст и имел карие глаза навывкате, – он к кому-нибудь лез?

– Он ко мне лез, – не унимался первый, тогда...

Это «тогда» имело глубокий смысл, оно связывало моих противников некоей обидой, нанесённой им маслозаводскими. И именно она позволяла не «впадлу» нанести первый удар. А дальше в этой стае просыпался некий инстинкт молотить противника так, чтобы потом никто не мог сказать, что ты делал это плохо или, не дай бог, боялся бить. При всём при том, действие это называлось весьма нейтрально – помолотом.

– Он не мог к тебе лезть тогда, потому что только приехал, – сказал Толстик.

– А ты откуда знаешь? – спросил его кто-то.

– Я всё знаю, – ответил ему Толстик.

– Лез, лез, – настаивал первый.

– Не мог он к тебе лезть, – возражал Толстик, – докажи.

– Фуля тут доказывать, – ерепенился первый, – лез и всё.

– Хватит базарить, у вас чего, рук нет? – вмешался ещё кто-то, озвучив уличный афоризм, услышанный, видимо, от старших пацанов.

– Последнее дело, – сказал Толстик, – пацанов ни за что бить... Тем более что у него руки заняты...

Слова его возымели действие, и толпа расступилась, давая мне с бутылкой постного масла уйти невредимым на свою территорию.

Осенью мы пошли в школу, точнее, в школы. Рыбхозовские попали в восьмикласску, а большинство маслозаводских по территории – сразу в среднюю. Это ещё более усилило наше разделение.

Так продолжалось два года. Пока судьба снова не переместила нас. Мои родители и родители Толстика построили наконец дома на новой улице. И мы оказались соседями. И только там я узнал его фамилию и имя.

У Толстика, тьфу, Серёги Хрунова были два старших брата, и это, с одной стороны, позволяло ему иметь защиту от чужаков, но это же постоянно подвергало его неким притеснениям внутри семейного клана со стороны более взрослых сородичей. А потому характер его формировался своеобразно. Наверное, потому он и стал правдолюбом и хранителем норм мальчишеского существования, которые сводились к ряду истин. Таких как: бить ни за что – нельзя. Врать, чтобы избежать помолота – тоже, и так далее.

После окончания школы мы оба были призваны в армию, но я служил в Москве, а Серёга в Н-ске, в милбате, как говорили в Черноводске – «в огородах».

Отслужив, он поступил в школу милиции, окончил её и стал работать в одном из левобережных отделов. Я к тому времени окончил юрфак и несколько лет работал адвокатом в н-ской адвокатуре.

В восемьдесят восьмом, когда все ждали прихода социализма с человеческим лицом, Серёга разыскал меня.

Был он в милицейской форме, с погонами капитана, сказал, что у него возникла проблема.

– Излагай, – сказал я ему.

– Сведи меня с Леоновым, – произнёс он.

С Леоновым мы когда-то учились в одной группе. Он работал в городской прокуратуре.

– Для ча? – спросил я его.

– Дело есть, – ответил он.

– А ты откуда знаешь его возможности?

– Я всё знаю, – ответил Серёга так же уверенно и безапелляционно, как тридцать лет назад во время нашей первой встречи в Черноводске.

– И всё же?

– Ладно, тебе скажу, козла одного из прокуратуры наказать надо, совсем совесть потерял.

Мы поехали к Леонову.

Там Серёга рассказал, что к нему коллега из соседнего отдела привёл парня, с которого вымогал взятку за прекращение уголовного дела помпрокурора района.

– Статья? – деловито поинтересовался мой одноклассник Леонов.

– Сто семнадцатая.

– Ну, батенька, это же частно-публичное обвинение. Такие дела возбуждаются по заявлению потерпевшей. Такое заявление есть?

– Есть, – сказал Серёга, – ваш коллега принудил мнимую потерпевшую такое заявление написать.

– Ну, если вы уверены в этом, то ваши начальники должны получить санкцию прокурора города на проведение операции, а всё остальное – дело вашей милицейской техники, – сказал Леонов.

– Мои начальники бояться идти за санкцией, – сказал Серёга.

– А я при чём? – спросил Леонов.

– Я скажу им, что консультировался у вас.

– Ну, я ещё не прокурор города, – ответил Леонов и продолжил, – и вряд ли им буду в обозримые пятьдесят лет.

– У вас репутация порядочного профессионала. А это действует.

А надо сказать, что Леонов, несмотря на свою молодость, тоже был правдолюбом и, наверное, это было известно Серёге.

– Ну, если это подействует, тогда свирепствуйте, – сказал Леонов.

И Серёга с коллегой снова пошёл к начальству. Но начальство не хотело ссоры с прокуратурой. Однако Серёга дипломатично намекнул, что он уже консультировался с сотрудниками прокуратуры, и назвал фамилию Леонова.

– И что сказал Леонов? – поинтересовался начальник райотдела.

– Он сказал, что это обычное дело и прокурор города заинтересован в том, чтобы оборотней в погонах было как можно меньше, в том числе и прокурорских.

Намёк на то, что Серёга консультировался с Леоновым, возымел действие. Начальству ничего не оставалось делать, как идти за санкцией на операцию к прокурору города.

Но там вышла неожиданная заминка. Прокурор потребовал предоставить сотрудников, которые...

– Которые... хотят провести операцию, – попытался продолжить начальник райотдела.

– Да, – сказал прокурор города, – которые возжелали прокурорской крови.

На этой стадии дрогнул Серёгин коллега, который собственно и был инициатором вывести взяточника на чистую воду. Он отказался от участия в операции, понимая, что любая промашка может стоить ему не только карьеры, но и службы.

И Серёга поехал к прокурору города один. Точнее со своим начальником. В кабинете прокурора города он изложил последнему ситуацию.

– Ваш сотрудник, – сказал он, – вымогает взятку.

Но прокурор города не был бы прокурором, если бы не выяснил всех деталей, и Серёга, был подвергнут квалифицированному допросу.

– Как вы узнали об этом? – спросил прокурор.

– Мне рассказал об этом коллега.

– А почему этого не сделал сам коллега?

– Он не верит в то, что ситуация разрешится в соответствии с законом.

Серёга выбрал правильную тактику, если бы он сказал что-либо о справедливости, то прокурор вряд ли понял бы его. Справедливость – не прокурорская категория.

– А вы, значит, верите?

– Безусловно, – сказал Серёга.

– Взяточник назначил срок?

– Да, но мы тянем, говорим, что ещё не собрали денег.

– Вы – это вы и возможный потерпевший?

– Да.

– А скажите, мне... капитан, инициатива проведения операции исходила от вас или... от потерпевшего.

– Потерпевший обратился за помощью к нам, – дипломатично ответил Серёга.

– Как вы собираетесь проводить операцию?

– Тривиально, – ответил Серёга, – мы вручаем потерпевшему меченые купюры, а потом задерживаем с поличным, изымаем купюры и фиксируем их процессуально.

– Процессуально, – повторил прокурор, поднялся из-за стола и подошёл к окну, – процессуально..

Он некоторое время смотрел в окно, а потом сказал Серёге:

– Вы, капитан, свободны.

Серёга вышел из кабинета. Был субботний день, в приёмной прокурора города никого не было. Серёга закрыл внутреннюю дверь кабинета, но внешнюю дверь тамбура оставил открытой.

– Проводите мероприятие, – сказал начальнику райотдела прокурор города, – и готовьте документы на увольнение этого правдолюбца. Если ситуация сфабрикована или операция провалится... в тот же день представление о его увольнении мне на стол.

– Возможно, он откажется... – начал начальник отдела

– Это уже ваши проблемы, – ответил прокурор.

Продолжение разговора было уже в кабинете начальника отдела, куда Серёга переместился на общественном транспорте, поскольку начальник в машину его не взял.

– Прокурор сказал, что тебя нужно увольнять, если ты не откажешься, – сказал ему начальник.

– Основания? – спросил Серёга.

– Дискредитация надзорных органов, – заявил начальник.

– Я не знаю такого основания, – ответил Серёга, – разрешите приступить к операции.

– Приступай, – сказал начальник, а потом добавил, – те...

С человеком, который уже одной ногой вне системы, всегда нужно говорить вежливо и официально.

Серёга не знал, что начальник уже отдал распоряжение и потерпевшего «с собаками» ищут коллеги, дабы убедить отказаться от участия в операции. Но Хрунов не был бы Хруновым, если бы не предусмотрел подобных действий со стороны коллег. Он ещё до посещения прокурора города спрятал потерпевшего у старшего брата на квартире.

Разумеется, шансов на то, что операция закончится удачно при таком мощном противодействии у Серёги было мало, но помпрокурора настолько уверовал в свою безнаказанность, что не почувствовал подвоха и попался в расставленную Хруновым ловушку.

Серёгу не уволили, но и героем того времени он почему-то не стал.

Хотя, одно время его за глаза называли «ловцом прокуроров», а рассказ о нём для молодых милиционеров в отделах на левом берегу начинался словами:

– Тут было один наш сотрудник «возжелал прокурорской крови»...

Единственным дивидендом Серёги после той операции стала дружба с Леоновым...

Телефон вновь зазвонил...

– Ты чего трубку бросаешь? – спросил Леонов.

– Это не я, это связь такая.

– Ты понял, о чём я говорил?

– Да, – ответил я, – жалко Серёгу, а где он работал последнее время?

– Там же, – сказал мой одноклассник, – на левом берегу.

– Слушай, – спросил я, – в каком звании он был в последние годы?

– В капитанском, – ответил Леонов, – в каком ему ещё звании быть.





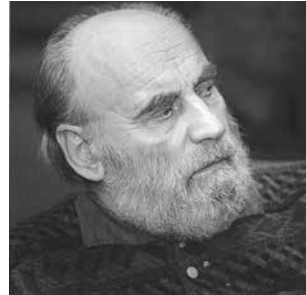
ПОЭЗИЯ

Юрий БОГДАНОВ

ЮРИЙ БОГДАНОВ



Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклянуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встанька», «Пётр и Февронья», трагедий «Джунглетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.



Живёт в Москве.

Родина – начало всех начал

Из цикла сонетов

Сонет 40

Над рощей вечерней сиреневый свет,
Холодным дождём окропило дорогу.
Торжественность красок, осенняя строгость
Оставят в природе немеркнувший след.

Рябины дразнящий и режущий цвет
Вдруг душу охватит неясной тревогой.
Привидится: лето тропинкой пологой
Спускается к осени – в нём уже нет

Ни крика грачей, ни громов бормотанья,
Ни свеч тополей, ни любви, ни признанья...
А может быть, враки? И осени миг

Всю зиму живёт, как улыбка на лицах,
Чтоб в капле весны синевой раствориться,
Услышав гусей возвратившихся крик.

Сонет 41

Держать сужденья честные в узде
И от врагов оттачивать их скрытно
Иль выйти смело и сказать открыто,
Что человек подлец и лицедей?

Найдётся ли смельчак такой и где?
В лицо плюют, а честь его забыта:
Пожмёт плечами... Личное корыто
Дороже всяких пламенных речей.

И всё как прежде: снова в рожу плюй –
Спасибо скажет нравственный холуй...
Платком утрётся – вроде не злодей.

Сонет 44

Ни злая, ни хвалебная молва
Мне не нужны. Они, как два потока:
То вдруг сольются буйно и широко,
То врозь текут заметными едва.

От шума их кружится голова.
Вздор, смех... Но если бы к истокам
Мы обращались, не было б мороки
От перехвал и мелочного зла.

Искусство не арена для сражений,
Для доказательств и ниспровержений...

Но если в нём живого чувства нет,
То как ни раздувай огонь в речах
Певец, художник, музыкант, поэт –
Не разгорится искорка в сердцах.

Сонет 45

Что сегодня туманно, как утро,
Завтра может уверенность влить
В моё сердце. Захочется мудро
Жизнь свою от начала прожить.

И забраться в заоблачность круто:
Вдруг получится? Как оценить
Свои силы, когда мы уютно
Тянем жизни пуховую нить?

Из неё вяжет нам рукавички
Наша мама, а младшей сестричке
В день рожденья подарит платок.

Вдруг почувствуешь: крепче, чем дети
Нету нити суровой на свете,
Что нам дал возлюбивший нас Бог.

Сонет 47

И в том бою меня могло убить,
В котором жизнь и смерть не разминулись
Среди полей... Солдаты не вернулись,
А им бы жить... А им бы только жить.

Не бронзовыми в холод лютый стыть
На перекрёстках европейских улиц...
Они смогли летящие в нас пули
На подступах к Москве остановить.

Ну, а потом сожжённая земля
Взяла тела сынов своих суровых,
Голубоглазых, ясных, белобровых....

Их отпевали вьюжные поля.
А им бы жить... А им бы только жить.
И в том бою меня могло убить.

Сонет 48

В полях бескрайних обретаем крылья:
Идём с поклоном к ягодам, грибам,
Становится живое ближе нам
Наедине с лугами, полем милым.

И наши сны не отделить от были –
Всё связано... Но как уразуметь,
Что в колосках мы до рожденья жили
И будем жить. Когда наступит смерть,

Что колыбель земная нас качает
В космической тревожной тишине,
Что после смерти, как в далёком сне,

О нас, возможно, кто-то вспоминает...
И льнёт волна к погашенной волне –
Миллиарды лет их бег не исчезает.

Сонет 49

Весну неожиданно вьюга закружила –
На лужах лёд, застыли ручейки,
Как будто на дорогах вздулись жилы
И голоса не стало у реки.

Замёрзли птицы, жмутся что есть силы
Они друг к дружке – пёрышки легки...
Что гнало их? В тепле бы дольше жили,
Но их поля родимые влекли.

Я раньше удивлялся постоянству
Моих друзей, а после перестал...
И не однажды мысленно пространство

Я от чужбины к дому пролетал.
Я понял всё, когда душой познал,
Что Родина – начало всех начал.

Сонет 52

Из пункта «М» катать до пункта «Б»
Лишь на два дня – изрядно надоело,
Но было так позволено судьбе
Туда-сюда швырять большое тело.

И словно в позабытом сентябре
Моя душа, как древо, облетела,
На юг скворцом осенним улетела –
Пустынно, сыро стало на дворе.

Душа живёт, где дочка и жена:
Ей с ними никогда не разлучиться,
А в тело ей, случается, вселиться,

Когда я с ними – только на два дня...
Но разве в этом есть моя вина,
Что с ними вновь я должен распротиться?

Сонет 53

Мы паримся, как черти, в русской бане
Берёзовым безжалостным парком.
А кто-то крикнет: «Эй, поддай-ка, парень»
И крякнет, задохнувшись ветерком

Из чрева ада... На какой-то грани
Между землёй и низким потолком
Плывёшь, как в невесомости, и манит
Чуть вознестись над огненным «полком»,

Порвать, как цепи, тяжкие заботы,
Смыть на часок усталость от работы
И помечтать ещё о кое-чём...

Парком бы в бане душевой раствориться
Свинцовым думам, чтобы возвратиться
Очищенной душой в светлый дом.

Сонет 56

Всё льёт и льёт... Хрипит усталый звук
Простужено в гортани водостока,
Срывается мой голос невысокий –
И не сцепить мне утомлённых рук.

Умолкло щебетание пичуг,
И стелет стебли жёсткие осока:
Тьма наползает медленно с востока –
Осенний день заканчивает круг.

Трескучая зима не за горами:
Прохладно, ёжусь и машу руками
(Пытаюсь вслед за осенью взлететь).

Но вот, прогнозы все опровергая
(Притянет листьев огненная медь!),
Ударит в древо молния шальная.

Сонет 57

Весенние расхристантные воды
Несут на спинах одряхлевший лёд.
Как облаков замедленный полёт,
Теченье льдов напоминает годы,

Сплывающие в море. А народы
Расселены поблизости и счёт
Ведут векам. Отмечен каждый год
То урожаяем, то ли недородом

Во всех делах: и сложных и простых...
Как бабочка, летит над миром стих...
Кому в коллекцию он попадёт?

Сонет 58

Неделю льёт: разжиженный испуг
В поток сплывает, издавая клёкот:
Так в бездне угасающие строки
Не знают ни страданий, ни разлук.

В грозе – любовь и сердца чуткий стук.
А страсти разряжаются, как токи...
Значение поэзии высокой
Нам иногда осмыслить недосуг.

Тогда умы захлёстывает мода,
Как долгая ненастная погода.
И забываешь чистый свет небес.

Но, может быть, в прозрачный зимний лес
Влетит, прогнозы все опровергая,
Как молния, тень солнца шаровая.

Сонет 60

Немного наберётся мирных дней,
Когда б на всей Земле не воевали,
Когда б от рук врагов не погибали
Носители гуманнейших идей,

Когда бы не трубили о беде
Ветра войны, отлитые из стали,
И смертоносно бы не скрежетали
Над головами женщин и детей.

Неважно, где прольётся в мире кровь:
Ведь попораны надежда и любовь
Войной несправедливой, бесконечной.

Земля нас всех лелеет, словно мать!
Давным-давно она устала ждать,
Когда же люди станут человечней?

Сонет 61

Железный ритм высоковольтных мачт
В симфонию природы современность
Привносит... И над садиками дач,
Как дым, исчезла неприкосновенность

Идиллии. И кажется, что грач –
И тот прогресса чует неизбежность...
Но день весны восторженно-горяч
И льёт с небес языческую нежность.

Пусть дождь сечёт и сыплет жёсткий снег,
В горах обвалы путь загромаждают –
Ритмично мачты сквозь тайгу шагают:

Мелодию ведёт двадцатый век.
Она во мне живёт неразделимо
С природою – поэтому любима.

Сонет 62

Выкапываем тонкие деревья,
Пока листок из почки не пророс.
Встречать он будет ливни летних гроз
Вдали от поля, леса и деревни.

Со всех сторон зажатые бетоном
Деревья ветви вытянут до звёзд –
Над крышами зелёный встанет мост –
Меж детством и панельным этим домом.

И в дождь под ветром шепчут нам листья:
«Вам не хватает нашей простоты,
Поэзии, медлительности древней».

Сонет 63

Мне что-нибудь заветное скажи.
Тебе я сокровенное доверить
Могу. И это чувство не измерить,
Как не собрать в посудину дожди,

Как не создать нам в жизни витражи,
Рассчитанные для какой-то цели...
Хочу тебе всегда безмерно верить,
Твоим доверьем постоянно жить.

Всё в мире воссияло по-иному,
Когда я смог с моей надеждой плыть.
И солнце я напялил, как корону.

Сонет 64

К багрово-ледяному небосводу
Приколота вечерняя звезда,
И облаков далёкая гряда
Лежит на горизонте полусонно.

Но если тучи ветер шальный тронет,
Они с причалов унесут суда
И птиц из гнёзд неведомо куда
По небесам вскипающим погонят.

Покуда страсть непознанная спит –
Звезда над миром упоённо блещет,
А сердце замирает и трепещет,

И неизвестность душу бередит.
Мы в юности торопим эти сроки,
Но в зрелости нам дороги истоки.

Сонет 65

Как похудел настенный календарь!
Ещё вчера он был пухлее, вроде.
События приходят и уходят –
Год миновал... И на дворе январь,

Такой же первобытный, как и встарь,
Дымами в синь звенящую восходит.
Чуть зазевался – видишь: на исходе
Счастливая осенняя печаль.

И кажется, с последней птичьей стаей
Сквозь призрачно-сиреневую даль
Год в океан вселенной отплывает.

Сонет 66

Мы говорим, что человек могуч.
И это справедливо и бесспорно...
Остерегайся на дороге горной
Лавины, ветра, низколобых туч.

Песок пустыни колок и сыпуч:
Над караваном вьюгою он чёрной
Кружит, как смерть. Верблюдов морды скорбны,
А человек отнюдь не всемогущ.

Стихия правит, как диктатор, круто.
Но, как и чем поможешь ты себе,
О, Человек! Доверишься судьбе

Иль сотворишь лазоревое утро
Из пены волн, утихомиря шторм?
Я вновь о том... Могуществе твоём!

Сонет 67

Прозрачный дождь ни весел, ни уныл,
Сентябрь задумчив, искренен и светел.
И мы с тобою радостны, как дети,
Рассудка снег нас не припорошил.

Зарделся клён в зелёно-жёлтом свете:
Он тучи грусти тихо пропалил
И ангелудохнул на кромки крыл,
Заколдовал промозглый синий вечер.

Как звёзды, листья падали вокруг:
Их звоны нерешительны и гулки,
И сердце останавливалось вдруг...

Бежали к свету тихие проулки,
Шаги легки... И входят в новый круг
По небесам невинные прогулки.

Сонет 68

Перед закатной зимней акварелью
Текут по стёклам образы тоски.
Мир, словно лёд, расколот на куски:
За мной спешат колючие метели

Туда, где бесконечные туннели,
Где потолки удушливо низки,
Где намертво захвачена в тиски
Худая грудь больничною фланелью,

Где под матрацы прячут старики
Бряцающие медью кошельки
И плещутся, как дети, в тёплой ванне,

Распахивают щедро сундуки
Своих цветистых будничных преданий
И топчутся на предпоследней грани.



Мастер мозаики Фролов

Московский метрополитен – настоящий музей под землёй. О каждой станции можно пове­дать много интересного. Станция «Новокузнецкая» со входом на Пятницкой улице, безусловно, достойна отдельного рассказа. Чего только стоит год её открытия – 1943, время коренного перелома в Великой Отечественной войне! Посвящена станция славе русского оружия. Центральный зал украшен металлическими щитами с надписями «Слава героическим защитникам города Ленинграда», «Слава героическим защитникам города Севастополя», «Слава героическим защитникам города Одессы», «Слава героическим защитникам города Сталинграда». Боковые залы оформлены барельефами великих полководцев прошлого: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова.

И вдруг на своде центрального зала – поразительной красоты мозаичные панно, изображающие мирную, созидательную деятельность, излучающие радость бытия. Посвящены они строительству новой жизни на Донбассе. Их создал по рисункам А.А. Дейнеки выдающийся мастер мозаики Владимир Александрович Фролов, тот самый, который оформил Храм Спаса-на-Крови в Санкт-Петербурге, Морской собор во имя Николая Чудотворца в Кронштадте и траурный зал Мавзолея В.И. Ленина. Как же связаны между собой Донбасс, станция метро «Новокузнецкая» и мозаичные панно из смальты В.А. Фролова? Здесь прослеживаются удивительные изгибы истории, перекрёстки судеб многих талантливых людей.

Слово «смальта» – производное от немецкого Schmelzen – «плавить», а также итальянского smalto – «эмаль». Смальта – это цветное непрозрачное стекло, изготовленное по специальным технологиям с добавлением оксидов металлов. Смальтой называют также кусочки этого стекла, полученные путём колки или резки. Внутри



Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Горького. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей. Живёт в Москве.



одного стекла ручной выплавки могут быть незначительные переливы цвета, что создаёт в готовом изделии эффект мерцания. Смальту можно варьировать по размеру, форме, её можно полировать, делать прозрачной, жилистой или пятнистой. Можно запрессовать между двумя слоями стекла золотую или серебряную фольгу, комбинировать с природным камнем... Всё это даёт художнику неограниченные возможности для выражения практически любой художественной идеи. Само слово «мозаика» происходит от латинского *musivum* – «посвящённая музам». Мозаичисты – отнюдь не ремесленники. Они работают по эскизам художников, но являются полноправными соавторами готовых изображений. Поэт В.А. Жуковский когда-то сказал: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник». Так и художник-мозаичист обогащает замысел автора рисунка бесконечным разнообразием кусочков стекла и способом укладки. Природа и художественный гений идут рука об руку.

Мозаика из смальты – очень старое искусство. Впервые она появилась в Древнем Риме в II – I веке до нашей эры, затем получила дальнейшее развитие в Византии. Искусство создания смальты было известно и в Киевской Руси. Мозаики Святой Софии были выложены из цветного стекла, рядом с храмом обнаружены остатки производства смальты. По всей вероятности, мастерской руководили венецианские мастера. Второе рождение в России смальта получила благодаря М.В. Ломоносову. Он поставил в течение 3 лет более 4 тысяч опытов и нашёл способ получать стекло практически любого цвета. Все технологии были тщательно задокументированы, так же как и методика укладки мозаики и принципы художественного творчества. Недалеко от Ораниенбаума в 1754 году Ломоносов построил фабрику цветного стекла и смальты. Вершиной творчества великого учёного в этой области была монументальная мозаика «Полтавская баталия». После смерти М.В. Ломоносова производство на фабрике сошло на нет, но искусство композиций из цветного стекла не умерло.

Создание мозаики из смальты – ручной труд, требующий терпения, аккуратности, тщательного подбора цветов, художественного вкуса. Это невероятно трудоёмкое и затратное искусство, передаваемое из поколения в поколение.

Владимир Александрович Фролов происходил из семьи потомственных русских мозаичистов. Он родился в 1874 году в Петербурге, с этим городом связана вся его жизнь и творчество. Его отец, Фролов Александр Никитич (1830–1909) был одним из крупнейших мастеров мозаики в России. Он входил в состав художников Мозаического заведения Императорской Академии художеств, а с 1883 года стал его заведующим. Роду Фроловых принадлежала крупнейшая в мире фамильная коллекция смальты.

Александр Никитич, помимо таланта художника, обладал ещё и пытливым умом, во всём хотел «дойти до самой сути». Достаточно сказать, что он проходил стажировку в Венеции у Антонио Сальвиати, возродившего традиции древних римских мозаик.

Во второй половине XIX века возникла идея заменить иконы и элементы оформления Исаакиевского собора мозаиками. Дело в том, что смальта, помимо своих художественных достоинств, ещё и необыкновенно долговечный материал. Она устойчива к перепадам температуры, влажности, освещения, поэтому используется как для внутренней, так и для внешней отделки.

Прежние росписи собора не выдержали бы изменчивого петербургского климата и вскоре начали бы разрушаться. Мозаичные работы в Исаакиевском соборе начались в 1851 году и продолжались до 1917 года. В числе других художников в создании мозаик принимал участие и А.Н. Фролов. Он, в частности, является автором одной из лучших мозаичных работ собора – «Святая Екатерина» – в иконостасе юго-восточного алтаря. С удивительной тонкостью мастеру удалось передать нежные краски лица, фактуру шёлка и парчи одежды святой, блеск драгоценных камней и металла. На Московской политехнической выставке 1872 года эта работа была удостоена Большой золотой медали. Всего в мозаиках Исаакиевского собора применялись смальты более 12 тысяч оттенков.

В семье Фроловых подрастало двое мальчиков: старший, Александр, и младший, Владимир. В 1890 году А.Н. Фролов вместе со старшим сыном Александром организовал первую в России частную мастерскую по производству мозаики. В 1893 году в мастерскую был зачислен и младший сын, Владимир. С 1894 года он учился на живописном отделении Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств. Но спокойно доучиться ему было не суждено. В 1897 году Александр умер, и Владимир был вынужден оставить учёбу и активно включиться в работу семейной мастерской. Не прошло и года, как 23-летний вчерашний студент уже стал «помощником заведующего работами».

В 1895 году мастерская Фроловых выиграла конкурс на выполнение наружных мозаик храма Воскресения Христова (Спаса-на-Крови). Среди соперников за получения заказа было Мозаическое заведение Императорской Академии художеств и итальянская фирма «Венецианская мастерская» Антонио Сальвиати, та самая, где когда-то проходил обучение Фролов старший! А через год Фроловы получили и крупнейший заказ на внутреннее мозаичное убранство собора. Внутренняя поверхность храма, украшенная мозаиками, занимает площадь 7065 кв. метров. Недаром Спаса-на-Крови называют музеем мозаики. Эскизы к мозаичным панно создавали 32 художника, среди них Виктор Васнецов, Михаил Нестеров, Василий Беляев, Андрей Рябушкин. С 1896 по 1907 годы художники-мозаичисты мастерской Фроловых выполнили свыше 600 икон и элементов декора храма. Получилось, что мозаичные работы задержали строительство храма на десять лет. Первый камень в основание будущего собора заложили в октябре 1883 года, а освящён он был 6 (19) августа 1907 года в день Преображения Господня.



В 1900 году Владимир Александрович Фролов стал руководителем мастерской. Это были счастливые для него годы. Мастерская выполняла многие ответственные заказы. Помимо собора Спаса-на-Крови художники мастерской Фроловых трудились над оформлением собора Св. блгв. Кн. Александра Невского в Варшаве, церкви Св. Марии Магдалины в Дармштадте, Великокняжеской усыпальницы в Петропавловской крепости, создавали мозаичные портреты членов царской семьи. Среди частных заказов можно выделить особняк Рябушинского в Москве, усыпальницу Прохоровых в Новодевичьем монастыре. Семья живёт в собственном доме на Большом проспекте Васильевского острова. Там же с 1897 года размещается мозаичная мастерская. В 1905 году Владимир Александрович женится на дочери архитектора Л.Н. Бенуа, Нине Леонтьевне. С тестем они вместе работали над несколькими крупными заказами. Всё перечеркнула революция. В 1918 году мастерскую как частное предприятие закрыли. Мозаики из смальты воспринимались прежде всего как церковное искусство и новой власти были не нужны. Владимир Александрович даёт уроки, кое-что реставрирует. Казалось бы, древний промысел, в котором русские мастера были признанными мировыми лидерами, стоит на краю гибели. Но тут история делает очередной неожиданный поворот.

В 1924 году умирает первый вождь государства рабочих и крестьян В.И. Ленин. Проект мавзолея поручено создать архитектору А.В. Щусеву, а он настаивает на том, что траурный зал должен быть оформлен мозаикой. Заказ, естественно, должен быть размещён в мозаической мастерской Академии художеств под руководством В.А. Фролова. Владимир Александрович блестяще справился с этой работой. По периметру траурного зала он расположил ленту из алых знамён. Образ получился очень лаконичным и одновременно многозначным: знамёна как живые трепещут на ветру, и кажется, что пожар мировой революции вот-вот охватит весь земной шар. Мастер потратил на эту работу лучшее, самое дорогое стекло, которое предназначалось для заказов, сделанных в своё время императором Николаем II. Мозаика вернула себе достойное место в советской архитектуре.

Казалось бы, участие в таком знаковом проекте должно служить абсолютной охранной грамотой для художника. Ничего подобного. В 1929 году по постановлению Ленсовета о выселении владельцев из их домов Фролова и его семью выселили из собственного дома, где находилась и мастерская мозаики. Фролов переезжает в разгромленную мозаичную мастерскую Академии художеств Петербурга, своими силами приводит её в порядок... «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят» (Лк. 23:32).

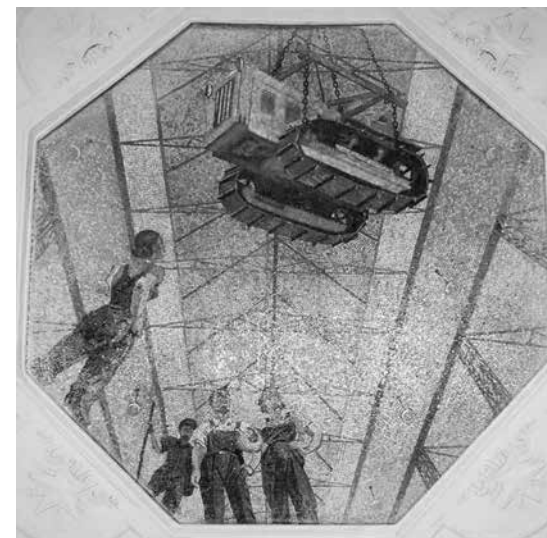
В 1930-х годах начинается строительство московского метро, и В.А. Фролов участвует в оформлении трёх станций: «Маяковской», «Донбасской» (ныне «Павелецкой») и «Завода им. Сталина» (ныне «Автозаводской»).

Мозаичные панно, размещённые на сегодняшней станции «Новокузнецкая», изначально предназначались для другой станции, расположенной рядом с Павелецким вокзалом. Оттуда отправлялись поезда до Донецка. Во время разработки проекта даже предполагалось назвать станцию «Донбасской». В конкурсе проектов победил вариант братьев Весниных. Они выбрали в качестве темы оформления «Донбасс – Всесоюзная кочегарка» и заказали панно художнику А.А. Дейнеке и мозаичисту В.А. Фролову. К этому времени на их счету уже был удачный вариант оформления станции «Маяковская» (архитектор А.Н. Душкин). Дейнека создал 14 эскизов, отправил их в Ленинград, и Фролов приступил к работе.

Будучи уже немолодым человеком, он упорно шёл к осуществлению замысла. Панно задумывались большого диаметра – 3 метра по диагонали, 14 восьмигранников по 6 кв.м. Работа была закончена в срок, все 14 композиций. Мозаики доставили в Москву, где под руководством А.А. Дейнеки их заливали в бетонные плафоны для крепежа на своде станции «Донбасская».

Началась война, Ленинград оказался в кольце блокады. Ранняя холодная зима 1941–42 гг. была самым тяжёлым для ленинградцев временем. Собор Спаса-на-Крови был превращён в морг, куда свозили трупы погибших от голода, холода и бомбёжек. Хоронить в промёрзшей земле не было возможности. Со стен собора на мёртвых смотрели лики святых с мозаик мастерской Фроловых. Владимир Александрович не прекращал работы ни на один день. В это время он трудился над мозаиками для станции «Завод им. Сталина» («Автозаводская»). Он уже не уходил домой из мастерской Академии Художеств: на это не было ни времени, ни сил. Его паёк составлял 125 г. хлеба в день. Окна мастерской выбило разрывами снарядов, их закрыли фанерой. В мастерской при свете керосиновой лампы Фролов обмороженными пальцами на ощупь по номерам подбирал кусочки смальты. Он работал в одиночестве: молодые сотрудники ушли на фронт, а старые умерли от голода. Ленсовет принял решение о прекращении работ, художник мог бы уехать в эвакуацию, но тогда погибла бы мастерская и почти готовые работы. И он победил! Сегодня панно по эскизам художников В.Ф. Бордиченко, Б.В. Покровского и Ф.К. Лехта, над которыми работал В.А. Фролов и его ученики, украшают станцию «Автозаводская». К сожалению, Мастер уже не увидел результат своей работы. Он умер от голода в блокадном Ленинграде 3 февраля 1942 года и похоронен в общей могиле на Смоленском кладбище. Над ней стоит памятник профессорам Академии художеств, где в числе других выбито и имя В.А. Фролова.

Существить первоначальный замысел строительства станции «Донбасская» не удалось. Предприятие в Днепропетровске, на котором делали для неё металлические конструкции, попало в зону оккупации. Доставить детали в Москву не могли. Пришлось срочно менять проект. Архитекторы А.Н. Душкин и Н.С. Князев придумали новую концепцию. Станция становилась двухсводчатой, без центрального зала. Мозаики были уже не нужны. И.Г. Таранов, архитектор «Новокузнецкой», решил спасти уникальные панно, установить их на своде центрального зала своей станции. Из-за небольшой длины станционного зала уместилось только 7 композиций: «Машиностроители Донбасса», «Строители-высотники», «Лыжники», «Авиаторы», «Сады Донбасса», «Сталевары». «Парад физкультурников» установили в наземном вестибюле. Станция открылась 20 ноября 1943 года.



Машиностроители Донбасса



Сады Донбасса

Можно спорить, что мозаики перегрузили и без того насыщенную архитектурными элементами станцию, да и к основной теме «Новокузнецкой» – славе русского оружия – они отношения не имеют. Но это только на первый взгляд. Эскизы Дейнеки отнюдь не сводились к индустриальной тематике, они символизировали движение советского человека к новой, счастливой жизни. В названии станции ясно слышится переключка со стихотворением В.В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»: «Через четыре года здесь будет город-сад». Кстати, Великая Отечественная война и длилась почти четыре года. А сегодня, когда слово «Донбасс» снова звучит военным набатом, всё оформление станции приобретает новый, глубинный смысл.

*Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!*

(«Сороковые», Д. Самойлов)

В 2013 году по инициативе руководства Московского метрополитена на станции «Новокузнецкая» была открыта мемориальная доска с надписью: «На этой станции установлены мозаики, выполненные в блокадном Ленинграде в мозаичной мастерской Всероссийской Академии художеств под руководством профессора Владимира Александровича Фролова». На самом деле во время блокады В.А. Фролов работал над мозаиками для станции «Автозаводская». Мемориальная доска изготовлена в той самой мозаичной мастерской, которой В.А. Фролов руководил столько лет. На ней профиль седовласого Мастера в профессорской шапочке, а внизу контур Петропавловской крепости

на фоне ленинградского неба, прорезанного огнём прожекторов.

3 июня 2022 г. с космодрома Байконур состоялся запуск ракетно-носителя «Союз-2.1а» под именем «Донбасс». Этот пуск посвящён Донецкой и Луганской народным Республикам. Для этого на головной обтекатель ракеты были нанесены флаги ДНР и ЛНР, а также официальная символика, а на вторую ступень носителя – надпись «Донбасс». Это похоже на капсулу, которую строители закладывают в фундамент для потомков. Только ракета преодолевает не время, а пространство, а ещё демонстрирует всему миру нашу волю к победе.

Я не удивлюсь, если на карте московского метро всё-таки появится станция «Донбасская», как появилась в Москве площадь Донецкой народной республики.

Владимир Александрович Фролов прожил долгую насыщенную жизнь, в ней были и взлёты, и падения. Причин отчаяться, уйти в протест, в оппозицию, эмигрировать, наконец, было предостаточно. Но, видимо, сама природа мозаичного мастерства приучила его встречать невзгоды с достоинством, отделять сиюминутное, преходящее от вечного. Мозаичисты как никто знают, что жизнь коротка, а искусство вечно. И служат они в конечном счёте не сиюминутному заказчику, будь то царская или любая другая власть, а вечности. Любое искусство – это диалог человека с Творцом. Мозаика даёт возможность художнику обратиться к отдалённым потомкам, сказать им что-то такое, что современники, возможно, не увидят или не поймут. Время всё расставит по своим местам, отсечёт ненужное, осветит главное. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»





ПОЭЗИЯ

Евгений КАРУНИН

ЕВГЕНИЙ КАРУНИН



Евгений Александрович Карунин – родился в 1972 г. в Москве. Окончил филологический факультет МГОПУ имени М.А. Шолохова; кандидат педагогических наук, доцент. Член МГО Союза писателей России, автор поэтических сборников «Российские перезвоны» (1998 г.) и «Царство вечных небес» (2004 г.), а также историко-патриотических поэм «Сказание о Невской битве» (2008 г.) и «Куликово поле» (2011 г.). Поэма «Куликово поле» была отмечена дипломом «Лучшая книга 2008–2011».

Живёт в Москве.



Для души покоя нет...

Во мгле вечерней звёзды засияли,
В окно пробился тусклый свет луны,
А мы с тобою так давно мечтали
Хоть миг пробить в объятьях тишины...
Как редко в жизни случай выпадает
Отречься от забот и суеты
И со звонком последнего трамвая
Уйти в страну волшебницы-мечты!..
Сегодня час пробил: мы – пилигримы,
Мы полетим с тобой на лунный свет
В волшебный край, где замок Лоэнгриня,
Где счастливы Художник и Поэт!
С парадной свитой короля Артура
Мы посетим соборы и дворцы,
Там встретят нас Петрарка и Лаура,
Святой Франциск и старцы-мудрецы.
Бродячие поэты-менестрели
Для нас споют про вечную любовь.
А новый день подкрался уж к постели,
И звон трамваев слышится нам вновь...
Пускай ворвутся будни в дом наш тесный,
Пусть снова нас закружит суета –
Мы верим, что вернёмся в край чудесный,
Где царствует волшебница-мечта!..

Странствующий рыцарь

Я в юные годы был слишком упрямым
И слушал я мало кого,
Но знал как урок: не богатство, не сан,
А доблесть превыше всего!
Дороги и битвы манили меня.
И вот я оставил свой дом,
И память о доблести свято храня,
Лечу на коне вороном.
Немало в дороге пришлось мне познать
И правды жестокой вкусить,
Но только того станут рыцарем звать,
Кто многое смог пережить!
Я знаю чертоги старинных дворцов –
В почёте там подкуп и ложь,
Там вмиг обрывают стезю храбрецов
Топор и предательский нож...
Средь тех, чья работа – служить королю,
Престол защищая мечом,
Я видел таких, кому душу свою
Продать сатане – нипочём!
Таких я в дороге готов повстречать,
Чтоб зло в поединке сразить
И после победный свой клич прокричать:
«Без доблести миру не жить!»
И мчусь я вперёд на коне вороном,
О доблести память храня.
Не зря я покинул родительский дом:
В дороге – стихия моя!
Пусть ждёт меня где-то всеильный тиран –
Повергну в бою я его.
Ведь я убеждён: не богатство, не сан,
А доблесть превыше всего!

Когда на холоде твои озябнут руки,
Ты протяни ко мне их, милый друг,
И то, о чём я грезил в дни разлуки,
Как в доброй сказке, явью станет вдруг...
Своим дыханьем я тебя согрею,
Собой от лютой стужи заслоню,
Одним лишь словом зимний мрак развею,
Одним лишь словом холод прогоню.
Я стану в этот миг сильней Ахилла,
Я буду повелителем ветров, –
И знай, мой друг: мне эту власть вручила
Сама Любовь – владычица веков!..

Где таится красота?..
 В лепестках цветов весенних,
 В песне странника-дрозда,
 В строгих сводах замков древних.
 В блеске рыцарственных лат,
 Что принцессы взор пленяют.
 В правде. В мужестве солдат,
 Что Отчизну охраняют.
 В сказках бабушки седой,
 В слове вещего поэта.
 В стороне, до слёз родной,
 Где лазурные рассветы,
 Где за кручами холмов
 Открывается безбрежность;
 Где друзья, где нет врагов,
 Где царят любовь и нежность...

Я люблю свой кабинет.
 Здесь учил меня мой дед.
 Здесь впервые я узнал
 Про Кавказ, Сибирь, Байкал,
 Про пустыни и моря.
 Здесь мечтал и думал я.
 Детских грёз не позабыть:
 В сердце вечно будут жить
 Робин Гуд и Ланселот,
 Роберт Бёрнс и Вальтер Скотт!
 Здесь, среди книг, в полночной мгле
 Понял я, что на Земле
 Для души покоя нет,
 Что не знает сна поэт...
 Пусть проносятся года –
 Будет так всегда, всегда!
 И среди бурь, среди бед лихих
 Я спешу создать свой стих...
 Я пишу. Покоя нет!
 Я люблю свой кабинет...



ПРОЗА

Эвелина АЗАЕВА

Чудо

Всё белым-бело. Снег и вихрь... Если смотреть сверху, глазами птиц, то можно увидеть большой город, протекающую через него Волгу, а на высоком её берегу – храм. Большой, новый, красивый. Вокруг него – чисто поле. По нему с двух разных сторон движутся друг другу навстречу две чёрные точки. Это люди.

С одной стороны идёт бомж. От храма к остановке автобуса. А может быть, к тёплому подъезду.

С другой стороны идут Ирина с дочкой, шестилетней Викой. Обе они в пуховиках, на голове у девочки шапка с ушками и мордочкой мышонка. Мышонок серый, улыбается вышитой улыбкой, между ушками у него розовый бант.

Ирина и бомж поравнялись, взглянули друг другу в глаза. Женщина смотрела испытующе, желая за секунду прочесть жизнь, понять: виноват человек или нет в том, что с ним произошло? По разгильдяйству бомж, или его облапошили, квартиру отобрали... Она не хочет подавать разгильдяю. Она хочет подать хорошему человеку в трудных обстоятельствах.

Один раз лишь она пронзила его взглядом и прошла дальше. Точки пересеклись и теперь уже расходились в разные стороны... Вот они прошли несколько метров и замерли. Остановились.

Ирина обернулась. Стало стыдно. В храм идёт, у Бога просить, а нищему не подала, так ещё и секундному суду подвергла. А он в лохмотьях, лицо красное от холода, глаза слезятся. Голодный, поди. Что ж не подала-то?

Но удивительно было то, что, когда она обернулась, он уже стоял лицом к ней. Тоже остановился и ждал. Как понял-то, что женщина вернётся к нему и денег даст?

Они снова пошли друг к другу.

Ирина нашарила в карманах деньги. Мелочи было много, она высыпала ему всё в красную, кожаную руку. Может, и не мелочь это. Просто рубли, но выглядят как мелочь. Ирина – она из Канады, эмигрантка, живёт там почти двадцать лет, и



Эвелина Шамильевна Азаева – родилась в 1970 г. в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 г. жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Является лауреатом премии КП «Лучший дебют», номинировалась на звание лучшего собкора. С 1998 г. живёт в Канаде. 14 лет издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Является корреспондентом КП в этой стране. С 2018 г. издаёт газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде – «А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие». Печаталась в журналах «Нева», «Аврора», «Огни Кузбасса», «Крым», «Байкал». Дипломант 1 степени лит. конкурса «Мгинские мосты» (Петербург-2021). Член Новосибирского отделения Союза писателей России.

Живёт в Торонто.





отвыкла от российских денег. Все монеты ей кажутся мелкими. Потому что пять рублей выглядят как пять советских копеек.

Бомж промолчал, и разошлись – каждый в свою сторону. Вика у мамы ничего не спросила. У неё аутизм, она почти не говорит.

Ирина с Викой приехали в Самару во второй раз. Лечиться. В Канаде аутизм не лечат. Говорят: «Любите и развивайте». В России лечат. Не излечивают, конечно, но сильно детей продвигают. Самое лучшее – это и лечить, и развивать. Вот Ирина и совмещает. Ездит на родину.

Поездки недёшевы, но приносят пользу и удовольствие. Целых три недели Ирина не работает, а проводит время с дочкой. И они гуляют, играют, завтракают и обедают в замечательных русских столовых. О, какой это восторг! Россияне и знать не знают, какое же это удовольствие – их столовки, блинные, пельменные. Как это всё вкусно по сравнению с западным фастфудом, дешёво на канадские деньги и обворожительно по своей русскости.

Ирина любит Россию горячеей, неизбывной любовью. Она уехала в девяностые, как многие другие. Из Казахстана. Российского гражданства не было, и в Канаду было уехать легче, чем в Россию. Заплати за перевод документов, подожди, пока канадцы просмотрят их, оценят образование и опыт работы, получи вид на жительство и кати в Страну Кленового листа... Ну, и смысла туда ехать было больше. В России уже всю буйствовал криминал, страна сотрясалась от «шоковой терапии», обмана, разврата и всего прочего безобразия, принесённого перестройкой. Ехать туда означало – из огня да в полымя.

В Казахстане русским было несладко. Не так, конечно, как в Баку или Душанбе, до кровавых погромов не дошло, но с работы выдавливали, из квартир, особенно в южных областях, выживали. Говорили: «Покупать не будем, сами уедете, нам бесплатно достанется». То есть продать жильё невозможно, а на какие деньги тогда в России квартиру покупать? Распродав имущество, Ирина набрала денег ровно столько, сколько требовалось показать канадскому правительству, чтобы оно пустило её в свою страну. Надо было доказать, что у тебя есть, на что жить, первые полгода.

В то время не думалось, что это навсегда. Когда люди бегут от опасности, они не задумываются о вечном. Бегут туда, где открыты двери.

Потом вставала на ноги, учила английский, работала на износ за копейки. Открыла своё дело. Вышла замуж, родила, развелась... В Россию не ездила. И не на что было, и некогда (в бизнесе подменить некому), и страшно: а вдруг поймёшь, что зря эмигрировала? Поменять жизнь трудно – российского гражданства как не было, так и нет, и получить не грозит – правила какие-то странные придумали, получается, что хоть ты и русская, а если жила не там где надо до такой-то даты, то шиш получишь. Так вот, поменять жизнь трудно, а потому смотреть на «Россию, которую потеряла» – это мазохизм. Ирина боялась ехать. Боялась увидеть и умереть от тоски.

Но приехать пришлось. С больной дочкой. И сейчас уже было не до ностальгических переживаний и высоких чувств. Пришла беда.

Россия сильно обрадовала ещё в первый приезд. Почти всё было иначе, чем в девяностые. Стабильно, и не сказать, чтобы бедно – люди одеты красиво, нарядно даже. В кафе и ресторанах полно народу. То же самое в музеях, театрах. Ирина сама в театр не ходила – дочку не с кем оставить, но, проходя мимо, отметила большую толпу у входа.

Разговаривала с врачами, массажистами, логопедами той клиники, в которую приехала. Люди не жаловались. Напротив, хвалили Путина. Восхищались им. Рассказывали, как побывали в отпуске в Таиланде, в Турции, в Египте. Говорила с таксистами – тоже не ругали власть. Признавали, что жизнь улучшилась. Вон, дружинники стали по улицам ходить, и теперь даже ночью гулять не опасно.

Ирина на себе это проверила. Из-за разницы в североамериканском времени и в российском, они с дочкой первую неделю пребывания в Самаре ночи напролёт играли, а днём спали до обеда. Потом шли на процедуры, потом приходили и снова падали спать. Просыпались к одиннадцати вечера и шли гулять. По освещённым фонарями улицам. И действительно видели и дружинников, и других гуляющих.

Ирина была в упоении от того, что родина стала такой. Она именно Россию считала родиной, хотя родилась в Казахстане. И счастье её при встрече с Россией было примерно таким, как если бы она ехала к больной и бедной, умирающей в мучениях матери, а оказалось, что мать жива, здорова, материально независима и даже замуж собирается.

Одновременно Ирина испытывала жесточайшее страдание. От своей личной беды.

Она ходила с дочкой по улицам, радовалась за Россию и печалилась о себе. Душа беспрерывно плакала. А тут ещё храмы да часовни понастроили

на каждом шагу. И почему-то их невозможно было видеть, чтобы не заплакать. И Ирина плакала, беззвучно, пряча слёзы от дочки и прохожих. Шла, натянув шарф до глаз – февраль всё же, и слёзы падали в его шерстяное тепло. А говорила с дочкой весёлым, бодрым голосом. Научилась уже.

Как-то не вынесла, спросила у женщины в церковной лавке:

– Что со мной такое? В Канаде тоже в храмы хожу, но слёз нет. А тут просто облилась уже. Аж стыдно...

Женщина не удивилась, а ответила спокойно и сразу, будто её уже не раз об этом спрашивали:

– Потому, что здесь земля полита кровью праведников.

Ответ был неожиданным, но никакого другого объяснения Ирина так и не нашла. А земля эта, как она прочитала в купленной здесь же книжке, действительно обильно полита кровью. От ногайских набегов, от двух восстаний, которые поддержали самарцы – Емельяна Пугачева и Степана Разина... А что творилось в революцию... Рабочие убивали полицию, полиция – рабочих. Гражданская война... Священников Самары в тридцатые годы почти всех расстреляли.

При пересадке в Москве у них было 10 часов. Ирина поехала на Красную площадь. С коляской, в которой спала дочка. Погуляла. Потом шла, куда глаза глядят, но так, чтобы недалеко от метро... Добралась до маленькой часовни. Зашла. Было темно и безлюдно. Только свечи горят. Ирина отметила про себя, что как хорошо, когда храмы работают каждый день. В Канаде русский храм, который она посещает, работает только по субботам-воскресеньям, ну и по праздникам. Он снимает помещение у Англиканской церкви, стоит это недёшево, вот и не получается каждый день... А в России можно в церковь запросто, в любое время. Россияне не замечают вот таких маленьких удобств. Не представляют себе, что может быть иначе.

Она дала волю слезам, благо дочка спит, и помолилась около всех икон – Иисуса Христа, Богородицы, Николая Угодника, Серафима Саровского. А потом наткнулась глазами на Георгия Победоносца. Но уже и слёзы высохли, и настроение переменялось. Подумала: «Что-то я ничего про него не знаю... На коне... Воин, наверное... Значит, ему нужно о солдатах молиться... Не для меня. Мне ничем помочь не сможет».

И пошла с коляской из храма.

Прилетели в Самару, и встретил их риэлтор, как договорено.

– Вы извините, квартира, которую мы для вас намечали, сдана. Но мы вам предоставим другую, не хуже, – сказал он. – Рядом с клиникой.

– Хорошо, – согласилась Ирина. Риэлтерское агентство сотрудничало с клиникой, и действительно хорошо размещало, заботилось о клиентах. Риэлторы были симпатичными русскими мужиками – здоровые как медведи, с чистыми глазами, вежливые. Они не знали, что гостья из Канады. Памятуя о том, как в девяностые грабили иностранцев, Ирина на всякий случай отвечала, что она из Новосибирска.

Самарцы ей понравились. Природа, наверное, действительно накладывает отпечаток на темперамент и внешность народа. Ирина обратила внимание, что Волга как будто не имеет течения. Застывшая река. Спокойная, широкая, не движущаяся. Так и самарцы. Они спокойны, тихи и будто заколдованы-очарованы. В Торонто все спешат, говорят быстро, громко. В Самаре в маршрутках тишина, в столовых тишина, и если люди разговаривают – то приглушённо, чтобы не помешать другим.

Ирина восхищалась: до чего ж у нас культурный народ! А считает себя ниже низкого, всё время какие-то дурацкие шоу показывают про российских туристов за границей. «Тагил рулит!». А ведь неправда всё это. Она отдыхала в Доминикане не раз, и было там немало туристов из России. Выпивают – да, весёленькие по пляжу ходят. Но ведут себя тихо, а мужчины – даже галантно.

Господи, и почему мы всегда на себя наговариваем?

Их, российских туристов, услуга отеля всю облапошивает. Селят в плохих номерах, без воды, с плохой постелью, вымогая взятку. И русские идут, дают взятки. Ирина, конечно, не такова. Тёртый эмиграцией калач. Скандал закатила, взятку не дала, номер хороший получила, россиян научила, чем грозить службе отеля...

Ох, жалко ей свой народ. Не знает он себе цены. Не знает, что является одним из самых, а может быть, и самым культурным, духовно богатым, хорошо воспитанным и близким к Богу в своём простодушии.

Встречала в Самаре Ирина не раз людей с очами. Не с глазами, а с очами, какие на иконах рисуют. Большие серые или голубые глаза, под ними прозрачная кожа, тени, в очах – нежная, широкая Волга. Мальчика с такими глазами в маршрутке видела, женщин таких...

Спросишь людей на улице, как пройти туда-то. Человек посмотрит на тебя кротко, откроет пошире вежды, как будто проснётся от глубоких мыслей, и тихо ответит... И не полезет под кожу с расспросами, как эмигранты в Торонто. Мол, кто ты и откуда. Она оторопела, когда столкнулась с тем, как в Торонто старые эмигранты, приехавшие в семидесятые-восьмидесятые, «диссиденты», раздевают тебя догола вопросами в первую встречу:

– А вы из какого города? А статус иммигранта у вас есть? В каком районе живёте? А дом у вас или квартира? А комнат сколько? Муж есть? А ребёнок? Муж ребёнка любит? А где работает? Сколько зарабатывает? А вы сколько? Родители с вами? Вы по какой линии документы получили – беженцы, специалисты, спонсированная жена? А в каком городе интервью проходили?

Тем выгоднее смотрелся народ в Самаре. Один раз только мужчина, который помог ей коляску на высокие ступеньки затаскивать, разговорился с ней и, видимо, заприметив в её речи словечки вроде «окей», а может, и какое-то «whatever» мелькнуло, застенчиво спросил:

– А вы откуда?

– Из Новосибирска.

– Понятно, – и отвёл глаза.

Догадался, но не стал прижимать к стенке. А в Торонто бы прижали. Эмигранты – публика ушлая.

Что неудивительно. Чтобы пройти всю эту войну под названием эмиграция-адаптация, надо иметь железные нервы и боевой характер.

Ирина любовалась в Самаре своим народом и печалилась о нём. Он был так простодушен, что за него становилось страшно.

В тот день после процедур они шли домой. Остановивались у каждого ларька, покупали игрушки, книжки... Остановились и у церковной лавки, неподалёку от храма. И Ирина влипла глазами в книжки. Дочку крепко держала за руку... Осмотрела весь ассортимент и заметила книжку под названием «Непридуманные чудеса». Попросила показать, полистала. Книга повествовала о чудесах, которые случаются с верующими.

Разозлилась. А она сколько слёз пролила, сколько поклонов отбила перед иконами, и что? Не слышит её Бог. Но узнать, как другим помогает, всё же хотелось. Хотелось верить, что чудеса бывают. Пусть не с ней.

– Дайте вот эту, – попросила продавщицу, молодую девушку в очках и платочке.

Пока та доставала книжку и давала сдачу, Ирина с усмешкой произнесла:

– С нами чудес нет, так хоть посмотрим как у людей...

– А вы молитесь, – сказала девушка.

– А то мы не молимся, – раздражённо ответила Ирина. И, положив книжку в сумку, отправилась мимо храма домой.

Но домой не хотелось. И она направилась с дочкой через снежное поле в церковь. Там и повстречала по дороге бомжа.

В храме было почти пусто. Охранник, служащая в храмовой лавке и какой-то расторопный дядечка, староста, может быть. Пока Ирина покупала свечку и разглядывала иконки на продажу, Вике стало скучно. А когда ей скучно, она развлекает себя доступными способами – начинает бегать, издавать радостные вопли... А если видит, что мама смущена, так вообще веселуха!

Служащие храма оторопели. Как правило, дети научены родителями вести себя тихо.

Ирина прикрикнула на дочку раз, два, но знала, что та не утомится и лишь заторопилась зажечь свечку, чтобы поставить её и уйти. Вика же как с ума сошла. Она носилась взад и вперёд, кричала, хохотала, валилась на пол и хватала за ноги подбежавшего к ней старосту.

– Перестань, я тебе сказала! – строжилась Ирина. Без результата! У Вики искры летели из глаз, она залиристо хохотала, повизгивая от удовольствия.

Ирина поймала на себе вопросительные взгляды. Обиделась. Да, конечно, они думают о бесах. Для них нет психических заболеваний, они верят, что всё это – козни дьявола, сущности внутри. Тьфу, средневековье...

– Это аутизм! – пояснила всем. – Один из симптомов – гиперактивность. Центры возбуждения созрели, а центры торможения нет.

Объясняла так, как сказал ей врач в клинике. В России многие далёкие от медицины люди считают, что гиперактивность – это новопридуманный диагноз, ненастоящий. Модный. А Ирина знает, что это действительно физическое состояние. Не избалованность, а проблема с мозгом... Видела в клинике мальчика, который мотался из стороны в сторону два часа, пока с мамой был в очереди. Туда-сюда, туда-сюда. Ребёнка было жаль. Маму его тоже. Она боялась, что её осудят, посчитают не следящей за сыном. «Ванечка, остановись!» – просила безнадежным голосом. Знала, что не остановится. Ванечка продолжал мотаться. Что-то в мозгу не давало успокоиться. Самое плохое во всём этом, что при гиперактивности ребёнка невозможно обучать. Да что там

обучать, накормить трудно. Ложку в рот сунул – и бежать. Да так быстро, что поймать его только на втором этаже своего дома, в самой дальней комнате. Вот и маются мамочки: каждый вечер делают ребёнку ванну с мятой, с лавандой... Поют колыбельные часами, рыщут по аптекам, стараясь найти успокоительное без побочки...

– Ребёнок крещён? – спросил староста.

– Крещён.

– Причастие принимает?

– Принимает.

– Воду святую пьёт?

– Пьёт.

– Снимите с неё зверя.

– Какого зверя?

– Которого вы ей на голову надели.

Ирина сняла с дочки шапку с мышонком. Усмехнулась. Придумают же...

Староста взял Вика за руку и дал ей святой воды из ковшика. Та выпила, улыбнулась и продолжила с гиканьем носиться по храму. Её всегда впечатляли пустые пространства. Она и в моллах – торговых центрах – бегала. Ирина водила её туда в будние дни, когда пусто. И Вика резвилась в своё удовольствие. В Канаде люди не так строги к детям, как в России. И никто не обращал внимания, не делал замечаний. Да и к аутизму там привыкли и всегда стараются поддержать родителей таких ребятшек, не глазают, не осуждают, не предполагают, что они алкоголики или наркоманы, или что их Бог наказал за плохой поступок. Это один из больших плюсов страны – отношение к больным и их близким. И одна из причин, по которым Ирина, любя Родину, не чувствовала себя вправе уезжать из Канады. Надо жить там, где дочери лучше, а не тебе.

Вдруг сзади кто-то тронул за плечо.

– Вы ребёнка к мощам Георгия Победоносца приложите, и всё пройдёт. Он защищает от тёмных сил, – сказала та самая молодая девушка из церковной лавки, которая продала ей книжку в ларьке.

– А у вас тут есть мощи Святого Георгия? – удивилась Ирина.

– Есть. Вон там, – указала рукой девушка в один из углов храма. – У нас и храм – в честь Георгия Победоносца.

Ирина поймала дочку и подтащила её, хохочущую и норовящую не идти, а волочиться по гладкому полу, к мощам – маленькой частичке, лежащей под стеклом.

И вдруг наступила тишина. Ладонка ребёнка была прижата к стеклу. Сверху, придавливая, лежала рука матери. Девочка замерла, как остолбенела. Прошла минута, две, три... Минуты шли, девочка молчала, опустив голову. Стояла смирно, столбиком. Прошло, вероятно, минут пятнадцать, и Ирина устала. Взяла дочку за руку и повела к выходу.

Обернулась. Все смотрели на них. Также потрясённые. Ирина кивнула им и, пряча наворачнувшиеся слёзы, вышла.

Всё срослось. В Москве она не пожелала молиться иконе Святого Георгия, сочла его неспособным помочь. Вот и поменяли ей Высшие Силы квартиру – дали в Самаре ту, что рядом с храмом в Его честь. И доказали всю Его власть...

Власть над невидимым и тёмным, что носится вокруг каждого человека. Пытается уловить его, соблазнить, смутить, расстроить, лишит сил...

Вика шла рядом с матерью – послушная, серьёзная.

– Прости, мама, – вдруг произнесла дочка.

Ирина остановилась. Обычно дочь говорила только отдельные слова, и только если что-то хотела. «Гулять», «сыр», «тортик», «спать», «купаться», ну и так далее. И ещё она, самозабвенно любя мать, не называла её мамой. Так у многих аутистов. Они очень привязаны к матерям, но слово «мама» – не из их лексикона.

Ирина присела на корточки и переспросила сдавленным голосом:

– Ты говоришь, «прости»?

– Прости, – повторила дочь.

– Доченька, мне не за что тебя прощать, ты самая лучшая! – произнесла Ирина, крепко обнимая фигурку в розовом пуховичке. – Ты очень хорошая, добрая девочка, ты моё счастье!... Ты рисуешь хорошо, настоящая художница! Ты... ты красивая, умная!

Ребёнок рисовал плохо, но верил, что рисует хорошо, радовался когда мать хвалит. И запоминал с трудом. Стихи – быстро, наизусть целые поэмы. А цвета – никак. И цифры – никак.

Потом они пошли в «Блинку». Девочка повеселела и уплетала блинчики со сметаной за двоих. А Ирина пила чай с чабрецом (вот ведь прелесть, что в России в кафе подают чай с травами и ягодами, а не софт-дринки!) и впервые за долгое время была счастлива.

Поверила ли она, что аутизм, эпилепсия и другие неординарные состояния мозга – козни бесов? Нет. Так и глубоко верующие, православные врачи и психологи, многие не считают. Тем более, если всевозможные аппаратные исследования показывают вполне материалистические причины отклонений – внутричерепное давление, отёки, опухоли, травмы родовые и прочие... И особенно, если учесть, что медицинские препараты часто помогают улучшить состояние, а порой и вернуть здоровье. С потусторонней силой вряд ли справишься таблетками.

Ирина увидела другое. Что Небесные Силы состоят с человеком в непрерывном общении. Если он сам того захочет. Они услышали её неверие в одного из представителей Воинства... И – доказали ей. Значит, сочли её веру в святого важной, не пренебрегли ею.

Жить стало не так страшно. Если Он, Бог, есть – это всё меняет. Это делает крест легче. Это наделяет его смыслом. И предвещает счастливый исход. Не здесь, на земле, так там... А если есть Святой Георгий, значит и «там» непременно есть.

Через несколько дней вспомнила вдруг Ирина, что в России есть старцы. Коих она никогда не видела. А зря. Может, что присоветуют. В храме сказали, что старец живёт за городом, в деревне, и время от времени приезжает в другую церковь, в центре города. Но никто не знает, когда, так как телефона у него нет. А приезжает он всегда к исповеди и причастию.

Как готовиться к причастию ей объяснил юноша лет шестнадцати. Стоял в толпе прихожан, слышал её разговоры и как-то же понял, что надо женщину,

которая ему в матери годится, просветить. «Перед причастием надо несколько дней поститься, хотя бы три», – пояснил.

Ирина до этого не постилась. Не верила, что Богу есть дело до того, что она ест. Считала, что пост люди придумали. Потому – игнорировала.

А тут – попостилась. Было нелегко и чуть обидно – в России вкусные продукты! И есть такие, каких в Канаде она не видела никогда – топлёное молоко, например. И фрукты с овощами здесь имеют запах, и совсем иной – не резиновый – вкус. Канада-то – передовик по биотехнологиям, по тому, как скрещивать клубнику с пауком, чтобы клубника была крепкая. Как нить у паука.

Ирина постилась всю неделю, а в субботу поехала с дочкой в тот храм, куда может приехать старец. Всю дорогу вопросы в голове гоняла. А вопросов, как обычно, было два: кто виноват и что делать? И ещё у неё был один вопрос про свою личную, разрушенную семейную жизнь. Про брак свой венчанный.

В храме шла служба. А после народ выстроился в очередь на исповедь. Ирину с ребёнком пропустили вперёд. «Не то что в Канаде», – снова отметила она. И вот предстал перед ней священник. Мужчина лет тридцати пяти. Русые волосы, русая борода. Гармоничное лицо. Королевич Елисей.

На исповеди Ирина была впервые. Не знала, с чего и начать. С опаской посмотрела батюшке в глаза. «Что говорить?» – спросила.

Елисей улыбнулся: «Впервые?» и сам перечислил несколько грехов, спросил – её ли?

Она кивнула. И сказала: «А у меня вопрос».

Он показал, что готов слушать.

– Я в девяностые уехала в Канаду, – быстро заговорила Ирина. – Из Казахстана, насовсем. В Канаде влюбилась. В мусульманина. Вы не подумайте, он не из тех, что в белых хлопковых штанах, сланцах и с бородой. Нет, образованный, светский человек. Умный, привлекательный. И, знаете, мне показалось, что он христианин... На фильме «Страсти Христа» я видела слёзы в его глазах. А когда я с ним заходила в церковь, он ставил свечи вместе со мной и за моей спиной крестился – я подглядывала. Но я напрямую никогда не спрашивала – в их стране за перемену веры казнят... Так вот, он сделал предложение, я согласилась, и в ответ предложила венчаться. Он был «за». И вот у нас уже намечен день свадьбы, ресторан заказан, и я позвонила нашему самому уважаемому в городе русскому батюшке, а он сказал, что венчать нас не будет, так как жених мусульманин – это раз, и дело в Рождественский пост – это два. И вот тут я... дерзкая, наглая... решила идти в обход. Позвонила молодому священнику, с которым была на дружеской ноге, и попросила нас обвенчать. А он не сильный был как священник, его потом из церкви выгнали – не за меня, за другое. Ну, в общем, он только и спросил: «Вы любите друг друга?». И обвенчал нас.

Ирина видела как росло удивление на лице собеседника, но быстро продолжала:

– Я не понимала смысла поста. Я считала его придуманной людьми традицией. Ненужной. Ведь какое дело Богу до того, ем я мясо или нет? Это сейчас я понимаю, что Христос принял за нас страдания, и постом мы показываем, что тоже готовы хоть от каких-то удовольствий ради него отказаться... А потом у нас с мужем родилась дочь. И в три года выяснилось, что у неё аутизм. Муж испугался и ушёл... А я позже прочитала в старых православных источниках, что «дети, зачатые в пост, рождаются безумными»... Но вопрос у меня не об аутизме. Вопрос у меня такой: я замужем или нет? Мы официально

разведены, но на венчании я клятву давала всегда быть мужу верной. Клялась всерьёз. И теперь не могу понять, настоящим было наше венчание или нет? С одной стороны, я воспринимала его как настоящее, с другой стороны – если с мусульманином и в пост, против правил, может оно – не считается? Я от мужчин шарахаюсь, греха боюсь. Три года одна живу, как монахиня. Мне не трудно, настроение не то, чтобы о мужчинах думать, но просто на будущее хочу знать: я замужем или нет?

Священник выглядел растерянным. Он смотрел на неё озадаченно, и весь его вид сообщал: ну ты, девка, и наворотила делов!

– Я не знаю, – развёл он руками. – Честное слово, не знаю...

Сзади переминалась с ноги на ногу очередь, и, прошептав «извините», Ирина отошла. На душе было муторно. Действительно, откуда священник может знать, что тут делать, когда впервые слышит такую ахиною? И наделала она эту ахиною в своей жизни сама. Могла окрестить жениха, могла отодвинуть свадьбу. Но с детства была своенравной и дерзкой. Вот и поплатилась. За что ещё её Бог наказал, коли никого она в жизни не обворовала, не предала, многим помогла и продолжает помогать? Вон в Самару всегда чемоданы добра тащит, раздаёт врачам, медсёстрам. Не взятки, а просто так. Чтобы Родине помочь.

Вспомнился последний год перед тем, как у дочери диагностировали аутизм. Всё было славно. Муж любил, работа приносила удовольствие и признание, денег даже излишек. Ехала как-то по дороге, смотрела на великолепие канадских лесов и думала: разве так хорошо бывает долго? Вот у неё уже долго всё изумительно. И это странно. Жизнь должна быть полосатой. И сколько ещё продлится это счастье? Навсегда-то не может быть. Странно ей всё же было такое благополучие, интуиция подсказывала – что-то не так... Было ощущение, что она под невидимым колпаком, и сверху Кто-то на неё внимательно смотрит. Не всегда смотрел, а именно сейчас обратил внимание... После очередной её благотворительной акции. Когда она собрала 36 больших коробок добра для отправки в Манитобу, одиннадцати ребяткишкам, у которых погибли родители и которые теперь упали на плечи дяде и тёте. Родители, русские немцы, погибли в аварии. По нашей дурной привычке, ехали не пристегнувшись. И вот Ирина подняла общину на помощь, договорилась с компанией по перевозкам, и сиротам отвезли гуманитарную помощь.

И будто что-то щёлкнуло на небесах. Будто кто-то обернулся на неё и посмотрел... В жизни наступило затишье и благоденствие. Благие дни. И опять же, много позже, в православных источниках, которые Ирина всю жизнь читала для утешения, она встретила слова, что перед тяжким испытанием Бог всегда даёт благодать. Месяцы, недели, дни безоблачного счастья.

Так командование перед смертным боем отправляет солдата на несколько дней на побывку домой.

Старец на этот раз не приехал в храм. Ирина причастилась сама, причастила дочь и пошла к выходу. Взглянула в сторону – церковная лавка с книгами. И сразу, издалека, Ирина увидела эту книгу. «Жало в плоть, или Почему Бог не исцеляет?» Подошла, полистала. Автор – православный психолог. Купила книжку.

А потом, уложив вечером дочку спать, села читать. И читала до утра, не отрываясь. Только температура повышалась, и лицо всё больше и больше разгоралось радостью. В книге не было ответов о её венчании, а были – о болезни ребёнка. О том, что это не за что-то, не наказание (а с наказанием она не соглашалась! Вон у Чикатило дети здоровые, а уж она-то не хуже него!), а испытание. Крест, который Бог даёт не врагам, не провинившимся, а где-то даже и напротив – тем, кто достоин Царствия Небесного, но не до конца ещё свободен от грехов. И с помощью болезни, которую Он посылает самому ли человеку или его домочадцам, Бог улучшает, помогает избавиться от того, что закрывает путь в вечную жизнь.

Получалось даже, что крест даётся лучшим. На кого Его взгляд упал и кто Ему не безразличен. Это удивило и несказанно обрадовало. Ирина ушла на кухню, чтобы не разбудить дочь, и там, обхватив себя за плечи, ходила взад и вперёд, то плача, то смеясь.

Неужели?!.. Неужели всё не зря? И к лучшему? И этому будет конец, пусть не в земной жизни, а после, но тем не менее, the end, который happy?!

И она, Ирина, вовсе не несчастная, которой по голове прилетело просто так, ни за что, а страдание её имеет смысл?

Она вспомнила, что многие святые стали таковыми после мучений, которые безропотно перенесли. И поняла: да, страдание куда легче перенести, если в нём заключён смысл. Разрушают бессмысленные муки.

Вспомнила также, что на каком-то православном сайте прочитала: монахи, самые продвинутые из них, просветлённые, даже печалются, когда у них нет болезней и всё хорошо. Боятся, что Бог забыл о них, коль не даёт креста.

Это имел в виду автор или нет, но Ирина поняла прочитанное именно так. И восстала из пепла, и утром даже не выглядела измученной бессонной ночью, а была бодрой и смеялась, дурачилась с дочкой. А девочка, увидев маму смеющейся, пришла в восторг. И улыбалась, заглядывала в глаза, пальчиками растягивала её рот в улыбке и требовала: «Хахаха».

После поездки в Самару Вика сильно улучшилась: стала внимательнее, усидчивее, а стало быть, Ирина смогла с ней заниматься. И это сразу же начало приносить плоды... Вика уже здоровалась и прощалась, отвечала на вопросы посторонних, как её зовут, стали появляться предложения из двух слов. Она всё ещё не играла со сверстниками, но уже стала подходить к детям и смотреть, что они делают, улыбаться им.

Ирина не знала, какие врачи помогли ребёнку – земные или небесные. Она просто любила их всех. А ответ на свой вопрос, настоящим ли было её венчание, она всё-таки нашла. В одной православной книге было написано, что все обеты, которые даются с верой, настоящие.

«Значит, буду жить одна», – поняла.

Так и жила: работала, лечила, развивала дочку, а ту дверцу, за которой у женщин мечты и надежды на личное счастье, закрыла и подпёрла большим дрыном, чтобы больше не разочаровываться. Гвоздями заколотила.

«Дура ты дура! – кричала мать. – Он подонок, предатель, а ты ему верность хранишь?»

– Не ему, – в который раз устало отвечала дочь. – Обеты-то нельзя нарушать.

Мать приходила в отчаянье: «Годы-то идут!»

И вот же чудеса: через два года бывший муж стал появляться по выходным – навещать ребёнка. Потом стал забегать и в будни – помогать. А вскоре Ирина заметила, что он влюблён. Глаз не сводит.

Приходил, чинил, прибывал, в рестораны водил, дочку – гулять, в бассейн, на конях кататься. Покупал им билеты в Россию – лечиться, на Кубу – отдыхать. Цветы и украшения дарил. Продукты носил. И Ирина вспомнила, что когда развелась с ним, увидела сон: муж выходит из воды, и грудь у него вся в блестящих капельках, которые, если приглядеться – маленькие крестики. Ещё тогда она поняла, что он, видимо, совершит множество христианских поступков.

Так и вышло. Другим вернулся.



ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – член Союза писателей России, член Российского союза писателей, кандидат исторических наук, доцент. Автор четырёх сборников стихов и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель московских литературных конкурсов (2014-2016), Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь» (2017), лауреат Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы» (2016), лауреат Международной Бунинской премии (2017). Награждена знаком «Серебряный крест» и орденом «Золотая осень» им. С. Есенина.

Живёт в Москве.



Украина горит в огне

С детства в сердце хранилась радость,
Что в крови есть украинский след:
Из Чернигова – ссыльный прадед,
Из-под Киева – мамин дед.

Даже дети в Союзе знали,
Что украинец русскому брат.
Вместе новую жизнь создавали,
А теперь вдруг Россия – враг.

Даже в самом кошмарном сне
Не могла я себе представить:
Украина горит в огне,
И огонь тот сжирает память.

Память предков, дружбы, традиций,
Будто ластиком, власть стирает
И враньём нацистских амбиций
Украинцам ум забивает.

Люди добрые, опомнитесь, очнитесь!
Вы – красивый и талантливый народ.
Не давайте же фашистским недобиткам
Превращать вас в бессловесный скот.

Как случилось: в 21-м веке,
Возродив фашистскую чуму,
В Украине недочеловеки
Превратили в лагерь всю страну?

Избивали, резали, сжигали
Всех, кто честь и совесть сохранил,
С ветеранов ордена срывали,
Оскверняли память у могил.

Да, вам удалось запутать многих,
Запугать, растлить и молодёжь.
Но у вас короткая дорога,
Правду «не задужишь, не убьёшь»!

Вас, нацистов, сатаны отродье,
Скоро уничтожат на земле.
Заклеймят позором все народы,
И не скряться вам, не спрятаться нигде.

А обманутый народ воскреснет
И очистит души и умы,
И преодолет все болезни,
Смоет грязь коричневой чумы.

В Мариуполе

Отбив многоэтажный дом от мрази,
Нашли в подвале группу пацанов,
Среди развалин, копоти и грязи
Испуганно глядевших на бойцов.

Согрели, накормили, напоили
И называли ласково «сыны».
В автобус их всех вместе посадили,
Чтоб отвезти подальше от войны.

С огромными печальными глазами
Спросил вдруг самый маленький пострел:
«Что дальше будете вы делать с нами?
Наверно, повезёте на расстрел?»

Смахнув слезу, боец обнял мальчишку:
«Не дрейфь, малыш, пришли тебя спасти,
Чтобы читал ты правильные книжки,
Здоровым и счастливым мог расти».

Пацан прижался что есть сил к солдату,
Как только прижимаются к родным.
Шепнул: «Я скоро вырасту, ребята.
Мы вместе всех нацистов победим».

Скучаю

Как тебе там, не небе,
Вдали от страданий, боли?
Скучаешь о доме, хлебе
И о моей любви?

Помнишь с врагами споры,
Бои за правду до крови,
О радостях, первом горе
И о моей любви?

О зимнем морозе, снеге,
О белом ромашковом поле,
О вёснах, осенней неге
И о моей любви?

А я по тебе скучаю
До слёз, до сердечной боли.
Как жить, как дышать не знаю
Мне без твоей любви.





«СССР – чемпион!»

*Красивых матчей будет сыграно немало,
И не забудем, не забудем мы, как встарь,
В сраженьях золото и кубки добывала
Великолепная пятёрка и вратарь...*

Из песни «Трус не играет в хоккей».

Когда в Праге проходил решающий матч первенства мира и Европы 1978 года (СССР–ЧССР), в московских аэропортах были задержаны вылеты нескольких рейсов: все пассажиры столпились у телевизоров и никакие объявления, призывы, уговоры не могли заставить их пройти на посадку.

14 мая 1978 года. Москва. Лефортово

Хотя, и считается, что футбол – это «спорт номер один», но в СССР, спортом «номер один» был всё же хоккей. Победы сборной Союза на Олимпиадах, чемпионатах Мира и Европы – всё это способствовало его популярности и массовости. Только в турнирах «Золотая шайба» участвовало более миллиона мальчишек! Я и сам играл в «золотую шайбу». Разве это не говорит о его массовости, о любви к нему?

По стране с гордым названием Советский Союз уверенно шагал 1978 год. Шагал своим тёплым майским месяцем. А в Лефортово, где я жил в общежитии МВТУ, готовились к финальному матчу СССР–Чехословакия. Вот и мы, студенты бауманцы, сидели около своих стареньких чёрно-белых телевизоров в Лефортовской общежитии. Их было мало (телевизоров), а нас студентов – много, поэтому комнаты были переполнены, задымлены так, что кое-где уже висели «топоры», которые сизой пеленой застилали экраны телевизоров, но на неё никто не обращал никакого внимания, всё внимание было нацелено на ледовое поле. А там блистала «великолепная пятёрка» и вратарь. Мишка в полголоса напевал:



Евгений Феликсович Татарников – родился в Удмуртии в 1959 г. После школы в 1976 г. поступил в МВТУ им. Баумана, которое окончил в 1982 г. и работал на ПО «Ижмаш» в отделе главного технолога, печатался в заводской многотиражке «Машиностроитель» на производственные темы. В 1988 г. окончил высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии. Подполковник милиции в отставке. Печатался в журналах «Литкультпривет», «Автограф», «Чайка» (США), в газете «День Литературы». Любимый жанр – юмористические рассказы. Любимые писатели: Шукшин и Гоголь. Живёт в Ижевске.



*Суровый бой ведёт ледовая дружина,
Мы верим мужеству отчаянных парней,
В хоккей играют настоящие мужчины,
Трус не играет в хоккей...*

Да, мы в них верили. Объявили состав команды СССР: Владислав Третьяк, Александр Пашков, Вячеслав Фетисов, Валерий Васильев, Владимир Лутченко, Василий Первухин, Зинэтула Билялетдинов, Геннадий Цыганков, Юрий Фёдоров, Александр Мальцев, Борис Михайлов, Хелмут Балдерис, Сергей Капустин, Владимир Голиков, Валерий Харламов, Сергей Макаров, Виктор Жлуктов, Юрий Лебедев, Александр Голиков, Владимир Петров. В последнем матче чехословацкая общественность рассчитывала на победу сборной ЧССР, имевшей лучшее турнирное положение. Кроме того, победа команды ЧССР на пражском чемпионате мира стала бы третьей победой подряд и была бы символичной, поскольку во время чемпионата чехословацкому хоккею исполнилось 70 лет.

И началась игра – битва двух титанов. Нам нужно было обыграть чемпионов мира чехов с разницей не менее чем в две шайбы, только тогда сборная СССР получила бы золотые награды. Все игры советской команды сопровождались явно недружественным отношением к ней подавляющего большинства чехословацкой публики. Это особенно было видно во время встреч советских и чехословацких хоккеистов, когда отдельные подстрекатели пытались создавать во Дворце спорта напряжённую антисоветскую атмосферу (оскорбительные выкрики «русски», призывы «бейте их» и т.д.). По наблюдениям посольства, эти настроения проявлялись даже среди школьников, присутствовавших на играх нашей команды. Во время отдельных матчей советской команды работники безопасности удаляли с трибун до 200 наиболее распоясавшихся болельщиков.

В это время дома у Леонида Ильича на Кутузовском проспекте 26

Если Брежнев смотрел хоккей дома, то он не мог находиться у телевизора один. Он обязательно просил кого-нибудь из членов Политбюро или сотрудников своей охраны составить ему компанию.

– Алло, Дмитрий Фёдорович, здравствуй, дорогой. Ты не забыл, сегодня финал по хоккею. Не забыл, да? Жду тебя в гости, вместе посмотрим, поболеем за наших, вместе «Зубровочки» выпьем, а то Виктория Петровна мне одному пить не разрешает.

– С великой радостью бы, Леонид Ильич, но я сейчас на общевоинских учениях «Березина» и нахожусь в Белоруссии, так что, извини уж.

– Ну, ладно, ладно, тогда с охраной своей болеть буду, – с грустью ответил Брежнев и пощипал свои густые кустистые брови.

В отличие от министра обороны СССР Гречко, который был до него и сам активно занимался спортом, Устинов был только болельщиком и больше всего времени уделял хоккею. Его в компании с Брежневым часто видели в «Лужниках». Оба болели за ЦСКА. Но иногда, чтобы подзадорить маршала, Леонид Ильич начинал болеть вдруг за «Динамо», особенно когда динамовцы выигрывали. И подшучивал над ним, мол, твои-то проигрывают! Сколько денег на команду выделяешь, а они играть у тебя не умеют...

Устинов отшучивался, говорил, что разберётся с ними.

Маршал был не частым гостем у хоккеистов ЦСКА, но один-два раза в год к ним приезжал. С его санкции у игроков решались квартирные вопросы. Устинов сам утверждал выделение им автомобилей и премии. Суммы были разными, офицерам – по несколько сотен рублей, а рядовым какие-то копейки. Мастер спорта СССР международного класса Иван Авдеев как-то получил конверт с надписью «От министра обороны Советского Союза». В конверте лежал новенький бумажный рубль...

По цветному телевизору Леонид Ильич с охраной смотрели третий период хоккейного матча, и Генсек сильно нервничал.

– Лёня, тебя к телефону Суслов просит, – кричит Виктория Петровна – жена Брежнева.

– Как он некстати, скажи, некогда мне. Нет, лучше скажи, что меня нет дома.

– А если спросит, где ты? Что мне сказать?

– Ничего не говори, сам скажу. Ну, вот что за человек он такой... Сам хоккей не любит и другим смотреть не даёт. Валера, хватит уже водиться с шайбой, бей уже по воротам или вон Михайлов открылся, дай ему пас. Ну, чё, доводился? Ни себе, ни стране гола не дал, – бурчал Леонид Ильич.

– Виктория, принеси-ка мне и моей охране, пожалуйста, «Зубровочки». Нервы надо успокоить нам.

– Лёня, тебе нельзя, врач запретил, забыл, что ли?

– Сегодня можно рюмочку... вторую. Слушаю вас, товарищ Суслов... Что делаю? Болею. Да, не чем, а за кого? Ну, конечно, за сборную СССР. Гол... Пока.

– Лёня, не кричи так, Викусю разбудишь.

– Да ты не спишь ещё, как я тебя разбужу?

– Не меня, внучку. Ну, совсем старый стал, – бурчала Виктория Петровна, неся на подносе бутылку «Зубровки» и рюмки.

«Харламов получил пас от Петрова и мчится к воротам чехов. Бросок... гол! Гол!!!» – кричит в телевизоре спортивный комментатор Николай Озеров.

Леонид Ильич выпил рюмочку «Зубровки» за сборную СССР, охрана – за его здоровье.

Когда у Брежнева здоровье было уже не в лучшем состоянии, врачи прописали ему для поднятия угасающих эмоций бывать на хоккее как можно чаще. Спустя много лет очевидцы вспоминали, что в момент финальной сирены матча СССР–Чехословакия Л.И. Брежнев так эмоционально радовался у телевизора, что Виктория Петровна забеспокоилась – не случилось ли чего. Возможно, именно благодаря болельщику №1 впервые за историю советского хоккея сразу два спортсмена Борис Михайлов и Владислав Третьяк по итогам чемпионата мира были награждены орденом Ленина. В 1978 году, когда сборная СССР выиграла чемпионат мира в Праге после двухлетнего перерыва, Леонид Ильич именно с этой новости начал очередное заседание Политбюро. Его коллеги, среди которых тоже было немало ценителей хоккея, сопроводили это приятное известие «бурными, продолжительными аплодисментами».

Болельщиком он был очень активным. Его ещё называли болельщиком №1. Брежнев действительно настолько пристрастился к хоккею, что мог отправиться даже на вполне рядовой матч.

Вот воспоминание журналиста Аркадия Ратнера, освещавшего хоккей в 60-е годы в «Советском спорте», а затем ставшего руководителем службы спортивных комментаторов Центрального телевидения СССР:

– Однажды я дежурю в воскресенье в редакции. Мне говорят: «Срочно позвони Лапину (Председатель комитета по ТВ и радиовещанию. – Прим. авт.) на дачу». Ничего хорошего не жду. Но набираю номер на вертушке. Лапин спрашивает: «Почему вы не показываете хоккейный матч “Ижсталь” – “Спартак”?». Я говорю, что мы никогда не делали трансляций из Ижевска. Голос Лапина становится железным: «Матч нужно обязательно показать». И кладёт трубку. Очевидно, что такое указание дал ему Брежнев. Что делать? Мы даже не знаем, есть ли ПТС в Ижевске. К счастью, нашлась задрипанная телестанция, которая планировала делать трансляцию на Удмуртию. И пошёл хоккей на всю страну. Чтобы его посмотрел Леонид Ильич».

Именно при Брежневе советский хоккей пережил свою «золотую эру», а любое место национальной команды, кроме первого, стало восприниматься болельщиками как неудача. Шутка ли сказать, в его эпоху сборная СССР выиграла 14 чемпионатов мира (из 17, проведённых в эти годы), три из четырёх олимпийских турнира, а также престижнейшие Кубок Вызова в 1979 и Кубок Канады в 1981 году.

Но вернемся к матчу с чехами.

Общак в Лефортово

Шёл к концу 3-й период, счёт 3:1 в нашу пользу. Чехи предприняли последний отчаянный рывок к воротам Третьяка, и от него зависела судьба «золота», которая, как казалось «висела на волоске», так как сил у игроков сборной СССР практически не осталось. С тяжёлой травмой лёд покинул Мальцев. Лутченко шайба чуть не выбила глаз, и он тоже покинул лёд. С сердечным приступом на скамейке рядом с ним сидел Васильев, и врач метался между ними. Билялетдинов получил двухминутный штраф и сидел в полубморочном состоянии, что подвёл команду. Кому играть? Трибуны режут, и чехи давят, давят, а до конца матча ещё целых 15 секунд, и если сейчас они забьют гол, чехи чемпионы мира. Но Третьяк был непробиваем. Мы нервно начинаем считать: «Три, две, одна». Сирена, матч закончен. Я вижу, как на скамейке плачет тренер сборной СССР Тихонов. Я тоже чуть не заплакал. Да и заплакал бы, ничего страшного в этом не было. Мы стали чемпионами мира. Мы – это СССР и каждый из нас в частности. Мы мысленно держим этот кубок в своих руках, целуем золотые медали, а заодно и друг друга.

Лефортово мгновенно взрывает гул эмоций, который был сопоставим с взрывом Тунгусского метеорита, хотя сравнение это не совсем точное. Точнее с Большим взрывом, который произошёл 14 млрд. лет назад, создав Вселенную. И я кричу в эту старую Вселенную, что есть мочи: «СССР – чемпион!!!». Мишка, размазывая по лицу слёзы и сопли кричит: «Слава советским хоккеистам!» В открытых настежь окнах Лефортовских общаг появляются красные серпасто-молоткастые знамёна, припрятанные, видимо, ещё с майско-ноябрьских демонстраций. На всю округу играет гимн Советского Союза. На козырёк нашей общаги залазят студенты со знамёнами и начинают кричать: «СССР – чемпион! Тихонов – молодец!» Комендант общаги Римма Дмитриевна пытается шваброй согнать их с козырька, боясь, что тот рухнет от ветхости. Устав орать и устав бесполезно сотрясать воздух шваброй, она устало бредёт в свою каморку. Навстречу ей, как саранча, скачут студенты, пытаются выпрыгнуть во двор. А во дворе – жуть. Все вошли в раж и кураж эмоций. Кто-то смеётся, кто-то обнимается, кто-то плачет, кто-то не понимает, что же

происходит и, глядя на них, думает, что началась война. А Римма Дмитриевна из окна каморки грозит им кулаком, думая, что начались массовые беспорядки, о которых надо сообщить в ректорат.

Народ Лефортовских общаг начинает формировать сводные полки своих корпусов: «А», «Б», «В», «Г» и выводить их на Лефортовский вал, где через некоторое время уже формируется целая армия студентов из МВТУ и МЭИ. Наш советский корпус – МВТУ – под буквой «Г». В других корпусах, принадлежащих МЭИ, в них всё перемешалось: и негры, и азиаты, и латиноамериканцы, ну, и мы – русские, для которых и был устроен, собственно говоря, весь этот праздник. Армия была настолько мощная и шумная, что перепуганные жители Лефортово пообрывали все телефоны, пытались дозвониться в милицию, и они дозвонились. У этой армии появились свои командиры с мегафонами в руках, которые ещё сильнее завели стихийную толпу и организованно повели её в сторону Яузы. В этой колонне шагал и я – третьекурсник МВТУ и изо всех сил, как мартовский кот, орал: «Третьяк – молодец! Михайлов – молодец!», – пока не охрип совсем. Кто-то протянул мне бутылку пива, и я смочил горло. В это время навстречу толпе подъехало две машины ГАИ из 32-го отделения милиции, воя сиренами. Но их воя никто не слышал. На машинах мигали маячки, которые ещё больше заводили толпу, придавая шествию карнавальнoй оттенок. Менты и сами были перепуганы и, видя, что с толпой им не справиться, тихонько пристроились по бокам колонны и стали её сопровождать. Я много раз бывал на всяких демонстрациях, но такого счастья некогда не испытывал. Гордость за державу распирала меня. Мы прошли мост через Яузу и увидели корпус М-факультета. Толпа начала скандировать: «Слава МВТУ! Николаев – молодец!» Нас услышали студенты общаги энергофакультета на Госпитальном и с радостными воплями присоединились к нам. Нас было несколько тысяч. Куда направились дальше, я не помню. Может, дошли до метро Бауманская, но помню, что всё закончилось очень мирно. На следующий день по радио про эту демонстрацию что-то говорили вражеские голоса. Прошло более 40 лет, но подобного я больше никогда не видел.

Провозглашение нашей команды чемпионом мира и Европы было встречено холодно, даже на правительственной трибуне, где присутствовал генеральный секретарь КП Чехословакии Л. Штроугал. Значительная часть зрителей во время торжественного церемониала вручения наград освистывала нашу команду и восторженно приветствовала команду Канады, занявшую третье место. После окончания матча с автобуса советской команды на глазах работников чешской милиции был сорван флаг СССР...



ПРОЗА

Сергей ПАНОВ

Сергей Анатольевич Панов – родился 19 августа 1956 г. в Рязанской области. Образование – юридическое. Более двадцати лет трудовой жизни посвятил журналистской деятельности. Стихи публиковались в газетах «Красная звезда», «Московский литератор», «Литературная Россия», журнале «Балашиха: голоса сердец», ряде тематических сборников.

Живёт в Подмоскoвье.



Любите своё Отечество...

Я обнял бы человечество,
Да больно широк размах.
Любите своё Отечество
За совесть, а не за страх.

За ширь и дожди косые,
За тополь, что у окна.
За то, что это – Россия,
За то, что такая одна.

Сармат

От Уральских хребтов
до Британских морей,
от Дуная и Южных Карпат
до широт, где лютует
косматый Борей, –
Обретал свою волю сармат.
Защищая свободу и имя своё,
он не раз отправлялся в поход.
Его верные спутники, меч и копьё,
грозной битвы решали исход.
Он к отчизне хранил
в своём сердце любовь,
а в сраженьях был меток и твёрд.
И никто не пытался
сразиться с ним вновь
из разбитых им римских когорт.

Шум берёз – будто звон колокольный.
Вот она, моя милая Русь!
На пригорочке храм белоствольный,
Тут покаюсь я и причащусь.

И скажу я родимому краю
Вот на этом высоком юру:
«Без тебя каждый день умираю,
А с тобой никогда не умру!»

Всё явственней зовёт к себе земля,
Где я рождён и где бываю редко.
Там, в глубине Рязанского кремля,
Живёт история моих далёких предков.

Осыпь меня роскошеством любым,
Без родины утешусь я едва ли.
Торжественно под небом голубым
Сверкают константиновские дали.

Заветной старины священный дух!
И в ведро, и в глухое непогодье,
Бескрайние объятья распахнув,
Встречают нас маровские уголья.

Предел, куда и мы должны прийти,
Прожитых лет незримая граница,
Где можно после долгого пути
Пред памятью ушедших преклониться.

Дни ничьей любовью не согреты.
И такая скука – хоть скули!
Отчего спиваются поэты?
Оттого, что душу сберегли.
В этом мире, жёстком до предела,
Где себя теряет человек,
Никому давно уже нет дела
До больных, бездомных и калек.
И не знаешь, где искать спасенья,
Как не стать шутком для подлецов.

Оттого и маялся Есенин,
Оттого и пьянствовал Рубцов,
Что душа от жалости страдала –
Не к себе, а к слабым и больным...
Дни сгорают, как и не бывало,
Остаётся только горький дым.

Свобода слова по-европейски

Свобода слова? – Да не скажи!
Сегодня в мире свобода лжи.
Отравлен ложью газетный лист.
Враг – россиянин, герой – нацист.
Ну, ладно, Псаки, слаба умом,
Но вы, писаки, и вы – о том...
Неужто разом у всех, кто сыт,
Отняли разум, а следом стыд.
Когда по детям бьют снайпера,
Одни уроды орут «ура».
А рядом люди кричат от ран,
Хотя об этом молчит экран.
Но если видишь, что всех – под нож,
Игра в молчанку – всё та же ложь.

Мы то «бездельники»,
то «алкаши» –
так проще думать
им, изрыгающим
злобу и ненависть,
им, изучающим
«тёмные стороны
русской души».

Что же, прикажете
нам лебезить?
Нет, велика ещё
слава Изборская, –
чтобы какая-то
сволочь заморская
карой всемирной
нам смела грозить.

Есть ещё в жилах
державных энергия.
Есть у нас армия,
есть у нас флот.

Твёрдой рукой
преподобного Сергия
Русь осенённая –
Правду несёт!

Сельский роддом

Среди лугов некошенных,
Где солнце полудённое
Кидает жар пригоршнями,
Стоит изба белёная.

Над ней сирень склоняется,
Как бабка повивальная,
Здесь чья-то жизнь рождается,
Как песнь исповедальная.

Небесные далёко там
Стада в реке купаются,
И птицы тихим клёкотом
С зарёю окликаются.

Мне город наскучил, удрать бы
От этой шальной суеты.
Под окнами барской усадьбы
Огнем полыхают цветы.

Сквозь облако розовой пыли
Струится заоблачный свет,
И птицы щебечут: «Здесь были...»,
А липы вздыхают: «Их нет...»

И нас беспощадное время
Затянет в свои жернова.
И мы встречаемся с теми,
Кто жил на земле снова.

Недаром вещунья-кукушка
Ведёт свой таинственный счёт,
На той стороне, за опушкой,
Где тихая речка течёт.

А в Мичуринске нынче зима,
По дорогам гуляет позёмка.
Побелели мосты и дома,
Снег на крыши ложится негромко.

А в Мичуринске яблони спят
Под густым белоснежным убором.
Снег летит на Турмасовский сад,
Кружит над кафедральным собором.

Он такой кружевной на просвет,
Нам доставшийся, словно в наследство
От каких-то немислимых лет,
Прилетевший из нашего детства.

Он порхает в пространстве ночном –
Над землёй, над родительским домом...
Пахнет в воздухе дымно-печном
Чем-то хлебным, до боли знакомым.

Закружилось всё, словно во сне,
Но сквозь вьюгу отчётливо вижу
Профиль мамы в горящем окне
Проступает – всё ближе и ближе.





Несчастливый брак

За столом сидели двое и грустно смотрели в окно. Муж и жена... Шёл дождь, оплакивая очередную годовщину их совместной жизни. Капли стучали всё громче и громче, словно торопились смыть все ошибки, допущенные каждым из них. Но их главной совместной ошибкой был этот брак. У каждого могла иначе сложиться жизнь. Да видно, не судьба. Под мерное тиканье часов на кухне жена встала, подошла к раковине, налила воду в чайник и поставила его на плиту. Муж достал с полки чашки и поставил на стол. Молча. Никому не хотелось говорить. Оба вспоминали о том, что было в жизни каждого из них... до брака.

Николай после окончания восьмого класса пошёл в автомеханический техникум и окончил его с отличием. Потом служил в армии. К счастью, не в горячей точке, а на Севере. Там-то и пригодилась его специальность. Вернулся домой, устроился на работу. Человеком он был целеустремлённым, потому поступил в институт на вечернее отделение. Учился с удовольствием. Жизнь была расписана по часам: подъём в шесть утра, зарядка, завтрак, приготовленный мамой, и бегом на работу, после работы в институт, потом домой, ужин и... спать. Свободными были только субботние вечера. Как он любил эти вечера, как ждал их, ведь обожал музыку, ощущение праздника, поэтому ходил на дискотеки – тогда это было в моде.

На одной из таких дискотек Коля познакомился с очаровательной девушкой. Звали её Алевтина. Аля училась в университете на филологическом. Была она на пару лет моложе Николая и сбегала от родителей по субботам на дискотеки. Отец её, сотрудник МИДа, был не в восторге от увлечения дочери этими танцульками. А мама, как всякая жена дипломата, поддерживала мужа во всём. Но Алевтине было всё равно. Она обожала диско, могла без усталости танцевать под записи групп «АВВА» и «Modern Talking». Выражаясь современным молодёжным языком, Аля зажигала на этих дискотеках.



Юлия Геннадиевна Александрова – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 г. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великоросъ» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.



Стоял чудесный сентябрьский вечер. Диск-жокей поставил последний хит группы «Dschinghis Khan». И вдруг Николай увидел её, такую яркую, искромётную, с рыжими волосами и смеющимися зелёными глазами, словно прилетевшую с другой планеты под названием «Вечный праздник».

Он был не из робких, потому познакомиться с ней не составило особого труда. После той дискотеки он проводил её домой и выразил надежду на новую встречу.

Встреча не заставила себя ждать. В следующую субботу они уже вместе пришли на дискотеку и танцевали весь вечер. Потом начали встречаться.

Николай зарабатывал по тем временам неплохие деньги. Часть из них он отдавал маме на расходы, а оставшуюся часть тратил на любимую девушку, приглашая её то в кино, то в театр, то на концерт. Они часто гуляли по вечерней Москве, обсуждая увиденное. Если мама Николая работала в ночную смену, они заходили к нему домой, пили чай, а потом растворялись друг в друге. Им не хотелось расставаться ни на мгновение. Проводив Алевтину домой, Николай возвращался к себе, а потом они ещё долго разговаривали по телефону.

Однако отец Алевтины не очень поощрял эти встречи и телефонные разговоры и настоял на знакомстве с новым другом дочери.

Николай долго готовился к этой встрече. Алины родители, как воспитанные люди, оказали ему достойный приём, но Николай сразу почувствовал себя не в своей тарелке, как только мама Алевтины начала рассказывать о друзьях их семьи и о тех странах, в которых они с мужем побывали. А что мог рассказать он, воспитанный матерью-одиночкой, вынужденной подрабатывать и сиделкой, и уборщицей, лишь бы только её сын был накормлен, одет и получил хорошее образование?

Два часа показались ему пыткой.

После этой встречи Аля перестала отвечать на его звонки и на дискотеки больше не приходила. Он понял, что потерял её. А жаль! Всё могло быть совершенно иначе.

Давно это было... Аля, наверное, замужем и смотрит в рот какому-нибудь советнику посла в какой-нибудь далёкой стране. А вот ему в рот никто не смотрит. За столом напротив сидит его жена и уже битый час молчит.

Люба молчала и думала про свою юность. Окончив медицинское училище, пришла она работать в больницу. Никакой работы не боялась. Подрабатывала и санитаркой, и сиделкой, делала уколы родным и знакомым, если просили. На руках у неё была больная мама, и в семье остро ощущалась нехватка денег. О дальнейшем образовании не могло быть и речи.

Однажды во время её дежурства привезли молодого парня с аппендицитом. Люба полистала его историю болезни – старше её на два года, место работы – какой-то НИИ. Когда больного перевели из реанимации в палату, он посмотрел на неё своими большими карими глазами так жалостно, что она была готова сделать ему самый лучший укол на свете, только бы его отпустила боль.

Позже они познакомились.

Парня звали Артуром. Аппендицит у него был осложнён воспалением, поэтому вместо обычных десяти дней Артур пролежал в больнице больше двух недель. За это время они успели подружиться.

Когда подошёл день выписки, Артур попросил у неё телефон. Люба сомневалась в том, что он позвонит, но Артур позвонил.

Они часто гуляли, любовались старой Москвой. Постепенно выяснилось, что оба любят путешествовать, и Артур стал приглашать её сначала на день,

а потом и на два съездить в какой-нибудь маленький провинциальный город. Они бродили по улицам, взявшись за руки, сидели в какой-нибудь чайной, а потом долго и страстно целовались.

Однако такое счастье не может длиться вечно. Родители Артура решили, что им просто необходимо познакомиться с девушкой сына. Она очень волновалась и не напрасно. Любу встретили радушно, но от обилия родственников Артура у неё закружилась голова. Здесь были сёстры Артура, их мужья, брат с женой и целая куча племянников и племянниц. Все они рассматривали Любу, как рассматривают какую-нибудь зверушку в зоопарке. Дело в том, что Артур происходил из старинного армянского рода, и Люба просто не могла стать членом их семьи, будучи русской.

Эта встреча стала последней. Их пути разошлись. А жаль...

...Николая и Любу познакомили через месяц после того, как каждый из них испытал горечь разлуки. Они бросились в этот брак, как в спасение от несправедливости жизни, хотя вряд ли можно было назвать его счастливым.

Вскоре родился сын. Сейчас он уже работает хирургом в одной из московских клиник. Умный, талантливый врач и изумительный человек. У него много друзей. Недавно он познакомил родителей со своей невестой. Ни Николаю, ни Любе она не понравилась, но, вспомнив свои когда-то разрушенные надежды, они сказали сыну: «Мы примем любой твой выбор». Он молча обнял их обоих.

За столом сидели двое. Муж и жена ...

Дождь закончился, из-за туч появилось солнце.



Светлана Семёновна Комракова – родилась в Ленинграде, выпускница МВТУ имени Баумана, преподаватель одного из московских вузов. Автор пяти стихотворных сборников: «Стихотворения», «Какая радость – солнце в ноябре!», «Я никуда не тороплюсь», «Удивительный цветок – белая ромашка», «Осень – пора для поэтов», член Союза писателей России. Является автором книги рассказов и новелл «Отражаясь в зеркалах», книг для детей «Приглашаем в сказку», «Про кошку Лесю». Руководит литературным объединением «Чонгарский бульвар» при московской библиотеке имени Ф.И. Тютчева.

Живёт в Москве.



Душа надеждой тихою полна...

Таким он был, прощальный вечер...
И сколько было вечеров,
Когда игриво и беспечно
Ты утром был уйти готов.

И уходя в своё пространство,
Уже не видя берегов,
Ты бренди пьёшь за постоянство
Непостоянных моряков.

А чтоб в поход отправиться легко,
Лишь надо паруса подставить ветру.
И вот родимый берег далеко,
И мили за кормой, не километры.

И вот уже забыты все дела,
И в голове все мысли о походе.
И лунная дорожка так светла,
Соперница Луны на небосводе.

Слегка за бортом шелестит волна,
И ветерок пока ещё не ветер.
Душа надеждой тихою полна,
Что нас минуют все шторма на свете.

Вновь облака смеялись нам вослед,
И над водой не просто пролетали,
А с высоты глубинам свой привет
Легко и дерзновенно отдавали.

Глядели в небеса из глубины
Медузы, рыбы и морские звёзды –
Морской пучины тайные сыны
Глядели на космические звёзды.

Чтоб передать тем облакам привет,
Пусть солнца свет, или Луна ночная
Морской волной легко всплеснёт в ответ
Весь океан, на дерзость отвечая.

День как день – тишина и безлюдье,
Белый снег и небесная синь.
Льдов вокруг многослойное чудо,
И шагает спокойно пингвин.

Антарктида – планета другая,
Нет деревьев, растений и рек.
Отличается сильно от рая,
Хоть и здесь лишь в гостях человек.

А хозяйева – это пингины.
Южный полюс как тайну хранят.
Чёрно-белые стаи – дружины.
Ходят строем и важно молчат.

День как день – тишина и безлюдье,
И спокойны пингвинов ряды.
Хоть сегодня приплыли к ним люди,
Ни угрозы в том нет, ни беды.

Закат – предвестник завершения
Любого прожитого дня.
И вечер дарит утешенья
Пред тем, как в ночь вести меня.

И все идёт обычным делом
За ночью в сумерках – рассвет.
Его туман закрасит мелом,
Как будто мира больше нет.

Закат – предвестник завершения,
Рассвет укажет новый путь.
Перед принятием решения
Ты помолиться не забудь.

И в этом будничном круженье
Такая мудрость и краса,
И откровенность озаренья,
Что дарят людям небеса!

Багрово-синюю постель
Расстелет день для ночи,
Закатных красок акварель
Ей чудеса пророчит.

И месяц встанет молодой
На небе тёмно-синем.
В тиши полночной и святой
Планету сном обнимет.





Рассказы

Последняя осень

Время пришло, некуда стало торопиться. Молодость пролетела, когда хотелось самого себя переиграть и всегда быть с флагом впереди. Торопился жить, старался все дела переделать, которых всегда было непочтатый край, всё хотел обнять необъятное, но прошли годы и настал момент, когда оглянулся и глазам не поверил, что жизнь-то проходит, а он не заметил её, не познал – эту самую жизнь, потому что кроме работы ничего не видел. И захотелось повернуть время вспять, но не для того, чтобы снова пропадать на работе, не замечая ничего вокруг, а вернуться и хотя бы всего лишь немного, всего какое-то мгновение пожить другой жизнью, испытать, что это такое...

А сейчас, когда наступала поздняя осень и, казалось, вот-вот сыпанёт снег, Пётр Акимов отправлялся в забытую Богом деревушку, от которой осталось всего ничего дворов. Несмотря на непогоду, уходил к речке Ветвянке. Усаживался возле костра, смотрел на серую застывшую воду, низкие облака, слушал шорох осенней мороси и вспоминал прошлое, перебирал жизнь, пытаюсь разложить её по полочкам, и понимал, что кроме работы и учёбы ему вспомнить не о чем, потому что ничего другого он не видел, в чём и винил себя. Сидел и вспоминал далёкое прошлое, когда ещё были живы родители, и себя – молодого и задорного, с красным дипломом в руках, а перед ним был необъятный мир, и хотелось раскинуть руки и закричать радостно и восторженно, и казалось, что впереди долгая и нескончаемая жизнь, в которой он всего сможет добиться. Да, многого добился, но ещё больше мимо него не прошло, а промелькнуло, а он даже не заметил.

А ещё он приезжал сюда, чтобы заглянуть в свою душу и подумать, а может, встретиться с одиночеством или себя найти в одиночестве, не которое сопровождало его всю жизнь, а другое

Михаил СМИРНОВ



Михаил Иванович Смирнов – родился в городе Салавате 27 сентября 1958 г. Печатался: «Литературная газета», «Литературная Россия», «Молодая гвардия», «Работница», «Сибирские огни», «Литературный Крым», «Север», «Бельские просторы», «Литературный Азербайджан», «Южная звезда», «СевероМуйские огни», «Луч», «ЛиФФт», «Кольцо А», «Приокские зори», «Нёман», «СловоWord», «Зарубежные задворки» и др. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Лауреат Международной премии «Филантроп»; лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого; лауреат Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и мн. др. Живёт в Салавате.



одиночество. Даже оно бывает разным. В городе одиночество суматошливое, как сама городская жизнь. Вроде люди спешат, каждый торопится по своим делам, и ты вслед за ними бежишь, чтобы не отстать, но лучше переиграть и быть с флагом впереди. Вроде все вместе, все рядышком и поддерживают друг друга, а присмотришься, каждый шагает своей дорогой. И получается, вокруг много людей, но каждый шагает со своим суетным одиночеством. А здесь, в этой Васильевке, где жителей-то осталось на несколько холмиков на погосте, как сказал один старик, тоже чувствуешь себя одиноким, но здесь другое оно, более близкое для его души, а потому – желанное. Оказывается, его не нужно искать. Достаточно приостановиться, прислушаться и понять себя, осмотреться и заглянуть в свою душу и почувствуешь, что одиночество вокруг и внутри тебя – тихое и благодное, светлое и задумчивое, как природа поздней осенью. И мысли такие же неторопливые и спокойные, тёплые и чистые, несмотря на осеннюю непогоду...

Каждый год Пётр Акимов приезжал поздней осенью в Васильевку, от которой осталось-то дворов десять, а может, пятнадцать, но и те разбросаны друг от друга, что не докричишься. Он приезжал сюда, чтобы заселиться в крайнюю избу, стоящую подле берёзового колка, что был чуть ли не на берегу извилистой речки Ветвянки. Берёзы не любят большую воду, сторонятся её, а эти прижились, но стволы у них изогнутые и корявые, а кора не светлая, как у всех берёз, а чёрная и рыхлая, разотри между пальцами и посыплется словно песок, а некоторые берёзки уже валялись на земле, может, бурей выворотило, но скорее всего от старости. У каждого дерева, как и человека, свой век и каким он будет – этого никто не знает, тем более – ни люди, не деревья...

Приезжая сюда, Пётр Акимов бродил по округе, но чаще уходил в берёзовый колос, что возле речки. Под вывороченным комлем, в своём убежище разводил маленький костёр, а хвороста было предостаточно. Осенняя морось сеет весь день, скрывая округу в туманной дымке. Присядешь возле костра – тепло от него, и ты со своими думами и светлым печальным одиночеством...

Много лет прошло с той поры, когда он перестал ездить в осточертевшие санатории и дома отдыха, куда каждый год выделяли путёвку. Если присмотреться, везде одинаково, как отдых, так и лечение. Казалось, даже соседи попадали все на одно лицо. С утра и до позднего вечера одни разговоры про работу, кучи неизлечимых диагнозов, от которых умереть легче лёгкого, а уж инвалидом стать и того проще, но все они – эти соседи, сразу становились здоровыми при виде бутылки на столе, а Дон Жуанами были почти все, если не на деле, так на словах...

Казалось, всё должно быть наоборот, чем старше становишься, тем больше хочется комфортной жизни. Хочется отдохнуть, чтобы за тобой поухаживали и позаботились. Прогулки по аллеям парка. Долгие беседы ни о чём с новыми знакомыми. Ну и постараться показать себя бравым кавалером, когда делали вечера отдыха в санатории или на курорте. И от вкусенького не откажешься, что уж скрывать-то, но именно это и стало надоедать Акимову. И чем старше становился, тем меньше манили санатории и курорты, а хотелось непонятно чего, а чего и сам не знал. Всякий раз одолевало беспокойство, когда отправлялся в очередной отпуск, где ждала спокойная и ничегонеделая жизнь. Душа была не на месте, а объяснить себе, понять свою душу он не мог. Сказать, что пресытился курортами – наверное, нет. Всё же раз в год

ездил. Так и в этот раз получилось. Отпуск был на носу, и нужно решать, куда отправиться – в санаторий, где можно подлечиться, или на курорт, чтобы отдохнуть и позагорать возле моря. Конечно, можно было ещё на турбазу уехать или пойти с группой в поход, но опять-таки что-то не хватало ему в этой современной сегодняшней романтике, где всё было расписано до мелочей. И ему всё чаще хотелось одиночества. Забиться бы в какую-нибудь щель, чтобы никого не видеть и не слышать, чтобы и тебя не тревожили, и остаться наедине со своими беспокойными мыслями и своим уже привычным одиночеством...

В один из дней, вернувшись с работы, Пётр Акимов присел на лавочку возле подъезда. Достал сигареты. Закурил. Рядом пристроился сосед. Разговор ни о чём. Односложные вопросы и такие же ответы. И тут Акимов посетовал, что отправляют в отпуск, а ему, ох, как не хочется тащиться на курорт. Вообще, ничего не хочется, всё до такой степени обрыдло, что одно желание – закрыть бы глаза и чтобы никого не видеть и не слышать. Сосед рассмеялся.

– А что тут голову ломать, – хохотнул он. – Ты ж, Петро, в своих санаториях и курортах уж который год по замкнутому кругу ходишь. Вроде отдыхал, а вернёшься домой, и словно никакого отдыха не было да и вспомнить нечего – это главное. Ну, о чём можно вспоминать, проторчав целый месяц в санатории? Завтрак, обед, тихий час, полдник и ужин, вечерний променад по территории санатория, вечер отдыха непонятно от чего, редкий раз походы в магазин, где бутылку возьмёшь и с соседями по палате выпьешь на ночь глядя, а ещё с какой-нибудь бабёшкой на лавочке поворкуешь или по той же аллейке пройдёшься, и всё на этом. Ты, Петро, взял бы и бросил эти курорты, и отправился, куда глаза глядят. Ткнул пальцем в карту, собрал манатки и уматывай на поезде или самолёте. А там найдёшь, где остановиться. И чем дальше в глушь заберёшься, тем лучше, как для организма, так и для твоей души. Сразу все болезни пройдут.

– И куда ехать прикажешь? – с насмешкой сказал Акимов. – Страна преогромная! Попаду в Северный полюс, так я должен ехать, чтобы задницу морозить. Ну, ничего себе – отпуск называется!

– Вот-вот, о чём и говорю! – ткнув пальцем в небо, сказал сосед. – Ткнул и поехал. Страна огромная, а глухих мест ещё больше, где живут настоящей жизнью, а не той, которая перед глазами проходит. Мы привыкли к городам, к цивилизации, спать на белых простынях, с вилки-ложки кушать, а ты наоборот, уезжай от неё – этой цивильной жизни, забейся в глухомань и попробуй прожить свой отпуск, как тамошние люди живут. Сам же говоришь, что тебе нравится одиночество и тишина, но самое главное – твоя душа обретёт покой. Я знаю, что говорю. На себе испытал...

Сказал, но не стал объяснять. И понимай его, как хочешь.

Акимову не то что нравилось одиночество, он просто-напросто привык к нему. Можно в толпе быть одиноким. Да, так и есть. Всю жизнь его сопровождает это одиночество. Наверное, сам виноват. Молодой. Планов громадьё. Хотел весь мир перевернуть. Казалось, в нём столько силы и энергии, что будет жить вечно. И планы были далеко идущие, но почему-то женитьба в них находилась на последнем месте. Сначала великие дела, а потом, как в песне поётся – «Первым делом самолёты, ну, а девушки потом». Так и получалось в жизни. Сверстники гуляли, веселились, за девушками ухаживали, а приходило время, обзаводились семьями, а вскоре ребятишки

рождались. И они были счастливы. Акимову этого было мало. У него на первом месте учёба и работа – это и было его счастье, где он готов был дневать и ночевать, а в свободное время сидел с книгами. Знакомые посмеивались, что он женился на работе или работа женила на себе. Нет, правда, он встречался с девчонками, но всегда недолго. Бросали его. Скучным казался. Правильно, вместо того, чтобы звёздами любоваться при луне, стихи читать и про любовь говорить и целоваться, он про свою работу рассказывал, про станки и завод, где работал. И так увлечённо говорил, что забывал, что рядом девушка идёт, которая ждёт, чтобы ей ласковые слова говорили, под руку взяли, а то и обняли, а он идёт и размахивает ручищами, словно с трибуны речь говорит про огромные станки, которые привезли на завод и он с бригадой занимался установкой и подключением. И вот теперь с этими станками они смогут добиться небывалых результатов. Добивались, но в работе, а с девушками... ни одна из них больше двух свиданий не выдерживала. Время шло. Акимов всё больше и больше уходил с головой в работу и всё реже встречался с девчонками, а про женитьбу как-то стал забывать, потому что и без неё забот полон рот. И получилось так, что он вообще махнул на себя рукой. И не только на себя, но и на свою семейную жизнь, потому что были дела куда поважнее, как он считал. Видать, судьба такая – быть холостяком, решил он. И с той поры больше не думал о семье...

Пётр Акимов досадливо отмахнулся от соседа с его советом, а потом задумался. Конечно же, легче отправиться проторенной дорожкой – это поездка в санаторий или на курорт, где живёшь на всём готовом. Приехал и почти весь отпуск провел, отдыхая непонятно от чего. Готовить не нужно, трижды в день кормят. Стирать тоже не надо, и полы вымоют, и пыль протрут. Экскурсии, вечера отдыха, всякие викторины и ещё много развлекательно-полезных мероприятий проводили для отдыхающих. Вроде бы всё хорошо, живи и радуйся, но с каждым годом чего-то стало не хватать. Первое время, заметив своё недовольство, посмеивался над этим. Говорил, чем старше становишься, тем характер вреднее. А потом всё чаще и чаще ловил себя на мысли, что и правда, осточертели санатории, надоел город с его суетой и людскими реками, что текли днём и ночью по улицам, и казалось, конца и края им не будет. Глаза бы не смотрели на всё, что его окружает, и хотелось всего лишь одного – забиться подальше и чтобы его никто не трогал, никто не беспокоил. Но в то же время, если следовать совету соседа, он не мог представить себе, что, собрав сумку, помчится в неведомую даль, как в песне поётся. А для чего помчится – за туманом и за запахом тайги? Да вроде бы уж возраст не тот, чтобы ехать за романтикой в дали дальние. Он и в молодости не был романтиком. Все мечтали, куда-то уезжали или приезжали, а он вцепился в этот завод, где работал, и больше ему ничего не нужно было. Вся его романтика – завод и любимая работа. Он готов был дневать и ночевать на заводе. А теперь глаза бы ни на что не смотрели. Видать, старею, как он сказал...

И всё же Акимов решил, прислушавшись к словам соседа. Отмахнулся от путёвки. Оформил отпуск, получил отпускные, взял билет на поезд дальнего следования, чтобы в любой момент можно было сойти, если понравится место, или дальше ехать, пока не упрётся в конечную станцию, а там, хоть оставайся или обратно езжай. Пётр отдал ключи соседям, чтобы присмотрели за чахлой геранью да и вообще присмотрели, вдруг кран потечёт или труба прохудится.

– Петро, а ты куда собрался?

– Куда глаза глядят, – буркнул Акимов любопытной соседке.

Собрал сумку и уехал, а куда – этого никому не говорил, да потому что сам не знал. И, правда, куда глаза глядят...

Он забрался в такую глухомань, сам испугался, что отсюда в осеннюю слякоть не выберется. Деревушка всего ничего – это он разглядел, когда его на попутке добросили до поворота, ткнули на едва заметную заросшую дорогу и сказали, что там твоя Васильевка с Колиными берёзками. Шофёр хохотнул и уехал...

Он остался на обочине. Осмотрелся. Пожухлая трава, там и сям видны берёзки с редкой листвой, чуть посильнее задует осенний промозглый ветер, и она слетит. Небо стало низким, по которому не мчались, а едва ползли толстые неповоротливые тучи. Вроде в городе не замечаешь этого, потому что торопишься, и времени не найдётся, чтобы поднять голову и посмотреть вверх, а тут сразу же небо бросилось в глаза. Казалось, ткни в тучу и дождь ливанёт. Акимов поёжился, взглянув на них и прислушиваясь к резким знобящим порывам осеннего ветра. Правда, в душе не раз пожалел, что он согласился на эту авантюру, как он считал, помчаться куда-то вдаль и неизвестно для чего. Сейчас бы лежал в просторной палате, поплёвывал в потолок, три раза сходил бы в столовую, наелся, что душа пожелает, а мало, можно на рынок зайти, в кафе посидеть или в магазине что-нибудь купить. Не жизнь, а малина, потому что ни о чём не нужно заботиться, за тебя думают другие. Но вместо этого ничегонеделания он очутился за тридевять земель, неподалёку от деревни Васильевки с берёзовыми колками. Вот эти светлые названия и увиденные берёзки, когда он вышел на глухой станции, соблазнили его, а может, сам соблазнился, когда перед ним в позднюю унылую осеннюю пору замелькали стайки светлых берёзок, а кто-то из пассажиров сказал, что неподалёку есть деревушка Васильевка, а ещё её называют Колины берёзки, и рассказали историю, как один чудаковатый житель много лет высаживал берёзки в деревне, и они принялись, а вскоре вся округа покрылась берёзами. И он не удержался. Вышел на глухой станции. Чуть ли не полдня просидел, ожидая попутку, а увидел её – обрадовался. А потом узнал от водителя, что ещё здесь есть речка Ветвянка. Глянешь на неё, а она вся кустами заросла. Видать, от этого и название пошло. И Акимов окончательно решил, что пора ставить точку в своём путешествии...

Петр Акимов проводил взглядом грузовую машину, потом подхватил сумку и поднялся на вершину пологого холма, откуда была видна деревушка. И, правда, повсюду растут берёзы. Всякие! Невысокая берёзовая поросль, словно молоденькие девчушки разбежались в разные стороны, а там старые берёзы видны, косы до земли опустили, а под ними вся земля золотом берёзовым усыпана. Акимов закрутил головой. Показалось, даже воздух пропах берёзовыми листьями, а ещё лучше сказать – баннным духом потянуло. Дома там и сям виднелись, и возле каждого дома по две, а то и три-четыре берёзы растут. Он где-то слышал, что в берёзу молния не попадает. Наверное, так и есть, один из жителей повсюду насадил берёз, да наверное, и сами по себе разрослись за долгие годы. Может, когда-нибудь и были улицы в деревне, а сейчас – нет. Двор от двора – не докричишься, а между ними, да что говорить-то, повсюду берёзки хоровады водят. Наверное, поэтому и деревню назвали Колиными берёзками, а на деле-то она – Васильевка...

А там речка видна. Вроде неширокая, но извилистая – это заметно по кустам, росшим по берегам. На другой стороне лес растёт, мрачный ельник в основном, поэтому удивительно было смотреть на светлые берёзы, что разрослись на этом берегу, как бы разделяя округу на тёмную и светлую. Акимов присел на холме. Прислушался. Васильевка словно вымерла, но у каждого человека своё время в этой жизни, одни умерли, а другие живут. Вот и водитель сказал, что в ней ещё есть жители. А потом заметил собаку, что неторопливо протрусила в сторону приземистого дома. Гавкнула. Ей вторила другая собака. И тут же разорался петух, а следом ещё один. И всё. Видать, всего лишь два петуха на всю деревню. А там мукнула корова. Кто-то ещё держит кормилицу. Звякнуло ведро. Скрипнула калитка. Акимов обрадовался. Жива ещё деревня, жива! И, подхватив сумку, направился к ближайшему дому...

Он подошёл к забору и заглянул во двор. Тишина. Собачья будка стоит, а собаки не видно. Не было видно и хозяев. Двор заросший. Там и сям будылья крапивы и островками взъерошенный репейник. Забор с прорехами. По одну сторону небольшой садик, где яблоня виднеется, а на ней чудом сохранившиеся несколько желтоватых с красными боками яблок на самой верхушке. Видать, хозяева не дотянулись. Ждут, когда сами упадут. Недолго осталось ждать. Поздняя осень на дворе. Ещё немного, и снег полетит. Ну, а останется одно-два яблока на вершинке, ударят морозы, и сморщатся они, потеряют свой яркий наряд. Так и будут висеть, пока птицы не склюют или ветром не собьёт. А сейчас – яркие пятнышки на фоне поздней осени и тяжёлых тёмно-серых облаков...

– Что надоть? – неожиданно раздался скрипучий невнятный голос, и Пётр Акимов вздрогнул, оглянулся и увидел перед собой невысокого сутулого старичка в фуфайке, из-под которой виднелась рубаха, заправленная в штаны, а на ногах были галоши. Он стоял, хмуро смотрел на незнакомца, держа в руках банку с молоком. – Что надоть, говорю?

– Это... – Акимов запнулся, не зная, с чего начать разговор. – Что хочу спросить... В деревне сдаётся дом, ну или комната недельки на две-три, но всё же лучше дом, чтобы мне никто не мешал. Я уплачу. У меня есть деньги. Если понравится в ваших краях, каждый год буду приезжать.

Сказал и замолчал, поглядывая на старика.

Старик удивлённо вскинул брови. Приподнял фуражку и почесал голову. Опять натянул на глаза и из-под неё посмотрел на него. Впервые в этих краях появился странный чужак. Умный человек где-нить в городе комнату снял бы, ну, на крайний случай, в райцентре, до которого отсюда семь вёрст и все лесом, а этот в самую что ни на есть глухомань забрался и просит дом, чтобы ему никто не мешал. Да здесь и так жителей осталось всего на несколько холмиков на мазарках и не успеешь оглянуться, как одно название останется от деревни. А этот стоит и просит, чтобы ему не мешали. Рады бы помешать, да некому. Правда, странный тип. Все к людям поближе норовят, а этот от людей бежит, словно от проказы...

– А почему ты хочешь, чтобы тебе не мешали? – прищурившись, словно хотел заглянуть в душу, вёдливо сказал старик. – Вроде на жулика не похож, а от людей хоронишься. Вроде всех знаю в округе, а тебя не помню. Правда, чужак объявился! – он снял фуражку, хлопнул ею по колену и снова натянул на глаза. – Может, что-нибудь натворил, вот и решил в глуши отсидеться? Так я сразу скажу прямо и бесповоротно, что в нашей Васильевке ничего не

своруешь. У кого было мало-мальски ценное, те уж давно в город перебрались, а тут остались десяток-другой стариков да пара собак на привязи, и всё на этом. Лучше признайся, с какой целью решил поселиться в нашей деревне.

И снова с подозрением посмотрел на незнакомца.

– Как сказать... – Акимов снова запнулся, нахмурился, помолчал, потом мельком взглянул на окрестности Васильевки, и небывалое – он стал открывать душу перед совершенно незнакомым человеком, и это его не то, что удивило, а как-то не по себе стало от своих откровений. – Дело в том, что я люблю одиночество. Нет, даже не то, что люблю, а привык к нему. Половину жизни прожил, а до сих пор один. Ни семьи, ни детей – никого. Как-то не сложилась моя жизнь в этом отношении. Времени не было, чтобы за девочками ухаживать, чтобы семью создавать. На своей работе женился. Люблю возиться с механизмами. Чем сложнее механизм, тем интереснее для меня. Готов был дневать и ночевать на работе. И ночевал, и пахал, как пчёлка, а оглянулся и глазам не поверил, что жизнь-то моя на закат повернула, а я ничего, кроме своих чертежей и механизмов, да ежегодного отдыха на курорте или в санатории, ничего в жизни не увидел. Жизнь проходит, а вспомнить нечего, кроме своих железок. И так зацепило меня, что хотелось завязать глаза и бежать, лишь бы никого и ничего не видеть. А может, хочешь от себя убежать. Или наоборот, найти себя – не знаю... Поэтому оказался в глуши. А теперь собираюсь поселиться в заброшенном доме и побыть вдвоём с одиночеством или сам в одиночестве – не знаю...

Сказал, вздохнул и снова нахмурился.

– А что в заброшенной избе делать? – удивлённо сказал старик. – Неровен час завалится, и не выберешься. Здесь есть одна хорошая изба, можно сказать. Марья Инчикова жила, а по весне, в аккурат на Паску, дочка к себе забрала. Хворают Марья. Одной тяжело жить. Вот дочка и забрала к себе. Всё пригляд будет. А у тебя наоборот получается. Все к людям рвутся, а ты от них, как чёрт от ладана. Чтой-то тут не то... – сказал старик и неопределённо покрутил в воздухе рукой, а потом содрал фуражку и хлопнул по ладони. – Ну, да ладно, так и быть. Айда со мной. Сейчас сговоримся насчёт избы, но с тебя причитается. Можешь меня дедом Евсеем звать, а тебя как кличут? А, Пётр Иваныч... Значит, Петруха по нашему. И не забудь про угощение...

Он захекал, лицо ещё сильнее покрылось морщинами, и звонко щёлкнул по горлу. Натянул фуражку на глаза и, как был с банкой молока, так и заторопился по тропке, то и дело оглядываясь на Иваныча...

Так Пётр Акимов оказался в Васильевке, а потом стал каждый год сюда приезжать. Сам не понимал, что его тянет в эту глушь, в эту Васильевку или Колины берёзки, как привыкли называть. Чем ближе отпуск, тем сильнее изводил себя. Дни и недели считал, часы и минуты, а потом быстрее на поезд и уезжал, а для чего и сам не знал. Что-то такое было в здешних краях, какая-то сила магическая, чего не мог объяснить, словно душа рвалась сюда, а зачем – не знал... Бросал привычную городскую жизнь – эту развитую цивилизацию, где было всё и даже больше того, и приезжал в Васильевку, где часами мог бродить по округе или сидеть возле воды, смотреть на неё и низкие тяжёлые облака, слушать осеннюю морось и думать...

Впервые попав в деревню, Акимов день-два присматривался. После города, где всё было знакомо до мелочей, где жизнь была ключом, где люди ходили в театры и музеи, где было всё, что душа пожелает, и оказаться в глухой деревне, где ничего не знаешь – это тяжело в том смысле, что не

знаешь деревенскую жизнь, но выручал дед Евсей. И с продуктами пособил, и с печкой помог подружиться. Да и просто так заходил. На огонёк, как он говорил. Бывало, допоздна засиживался. Присядет на продавленный диван или на табуретку, ладошки лодочкой сделает, сунет промеж колен, и о чём-нибудь рассказывает. Но большей частью про деревню говорил, про жителей и старую жизнь, когда народищу тут было, как листьев на берёзе, как он выразился. А потом, когда старик уходил, Акимов вспоминал его разговоры и понимал, что дед Евсей больше про саму жизнь рассказывал, как люди жили, что было в деревне. Было и почти ничего не осталось.

– А сколько жителей в Васильевке? – как-то спросил Акимов.

– Да, десятка на полтора мест на мазарках наберётся, – сказал дед Евсей, взглянул в запялённое окно и замолчал. Плечи поникли, сам сторбился, и со стороны казалось, что не старик перед ним, а совсем ещё малец сидит, в чём-то провинившийся. – Архипку снесли на мазарки, Ефим уснул и не поднялся, Шаргуновы друг за дружкой ушли, дед Назар за своей жинкой в тот же день отправился... Эх, милос, ежели всех перечислять, рук и ног не хватит, чтобы пальцы загигать. А вскоре и того меньше будет.

Акимов, несмотря на погоду, каждое утро поднимался, выпивал кружку чая, а потом собирался и уходил. А спроси, куда ты, зачем идёшь, что или кто тебя гонит в такую непогоду, он бы не ответил. Наверное, искал своё одиночество, а может, нашёл и вместе с ним неторопливо шагнул вдоль извилистой речки Ветвянки, которая то появлялась, то снова исчезала в кустах. Эта сторона, можно сказать, чистая, как бы в городе выразились. Большие поляны с пожухлой травой и редкими островками кустарника, но частыми и светлыми берёзовыми колками и, глядя на них, радовалась душа. А на другой стороне речушки стоит ельник. Густой ельник, непролазный. И оттуда, как казалось Петру, редкий раз ветром доносило грибной запах. Он не умел собирать грибы. А сейчас уже поздно учиться, и грибных учителей в деревне не осталось. И решил, лучше заняться рыбной ловлей, как бы совместив приятное времяпрепровождение с полезным. Тем более что речка под боком, и берёзки, что облюбовал, тоже рядышком. Можно ушицу сварганить в своём убежище, заодно погреться возле костерка. Для ушицы вполне хватает небольшого костра. Своим убежищем называл большую яму от вывороченной бурей берёзы, там и обосновался. Частенько туда заглядывал, когда гулял по окрестностям, чтобы передохнуть или укрыться от нудной мороси, а то присядет на комелёк, что лежал там, смотрит на бегучую воду и думает. А спроси – о чём думы твои, он даже ответить не сможет. Да обо всём. Вот сижу и жизнь свою перебираю, по полочкам раскладываю. А бывало, немного наловит мелочёвки и возвращается домой, чтобы сковородку-другую пескариков да плотвичек нажарить, а если повезёт, и сосед угостит сметаной – у, какая радость, тогда нарежешь лук кольцами, поверх мелочёвки положишь, сметаной зальёшь, чуток потомишь, чтобы лук стал мягким и мелочёвка пропиталась этим вкусом. Принюхаешься – у, как пахнет! И такая вкуснятина получится, язык проглотишь. Торопливо поставишь сковороду на стол, схватишь вилку или ложку, быстренько откромсаешь ломоть хлеба и за стол, а там...

Акимов невольно сглотнул, вспоминая жареных пескарей да верховок. Помнится, с отцом занимались рыбалкой. Никого не брали с собой. Не хотели, чтобы мешали. Уезжали на Соргины омота и там огромных лещей, сазанов да голавлей выволакивали. В основном, отец был добытчиком, а он

помогал ему. Много лет прошло с той поры. Потребности изменились, и рыба попадалась помельче. А сейчас вполне хватало с десятков-другой верховок да пескаррей, больше и не требуется. Он невольно глянул на помятый бидон из люминия, который пора на свалку выбросить, но как сказал дед Евсей, отдавая на прокат этот бидон, что он ещё совершенно новый, недавно в сельпо купил, а помятый, так это жизнь его помяла. Частенько заходил на огонёк к Акимову, а бывало, приходил к нему на речку и подолгу они просиживали возле костра. Много не разговаривали. Вполне хватало кивнуть головой, и ладно. Дед Евсей присаживался на комелёк, закуривал и молчал, как молчал сам Акимов, о чём-то думая. Так и просиживали допоздна. А потом старик поднимался и уходил. Пётр не замечал его ухода. Он думал. О чём? Да обо всём, перебирая свою жизнь по страничкам, раскладывая по полочкам, а где больше хорошего было, он и не знал. Потому что не баловала его жизнь, не подносила богатых подарков, а может, сам не гнался за хорошей жизнью и поэтому довольствовался малым. И сейчас довольствуется этим же...

Впервые, когда Акимов провёл отпуск в Васильевке и он заканчивался, ему не захотелось возвращаться домой. Казалось бы, всего лишь две недели он пробыл в Васильевке наедине с одиночеством или был в одиночестве, а может, себя нашёл в этой деревне, и часами бродил по округе или просиживал возле костерка, прислушиваясь к поздней осенней мороси, которая скрывала округу в туманной дымке. Вроде, что тут хорошего, вроде одно и то же с утра и до вечера и в природе ничего не изменилось. Ну, разве только облетали последние листья, всё реже слышались прощальные голоса птиц, и всё чаще летела морось, а он просиживал днями возле костра в своём убежище, смотрел на серый бархат реки, на тяжёлые облака, нависшие над округой, прислушивался к шороху мороси и старался заглянуть в свою душу, а ещё думал. О чём, можно сказать? Конечно, обо всём и о жизни – тоже.

С той поры он каждый год приезжал поздней осенью в Васильевку, когда сыпала морось вперемешку со снежной крупой, и эти последние осенние дни – лучшее время для того, чтобы вспомнить былое. Давно уж не стало деда Евсея, и всё больше появилось холмиков на мазарках, как говорил старик, и всё меньше оставалось жителей в деревне. Но Акимов продолжал ездить сюда, чтобы остаться наедине с природой и думами, потому что поздняя осень для человека, прожившего жизнь – это лучшее время, когда между ним – человеком и засыпающей природой много созвучного. И для этого приезжал сюда каждый год Акимов, а ещё торопился к своему столь желанному одиночеству – тихому и благостному, как поздняя осень. Акимов знал, когда придёт его время, он встретит свой последний час на сыром крыльце старого дома, где в одиночестве сидел вечерами и наблюдал за птицами, которые кружились над домом, словно звали за собой в дальние края и прощально зывали с тёмно-серых небес. А когда придёт время, вслед за птицами устремится его душа – это будет его последняя осень, и ещё один холмик добавится на мазарках...

И казалось Акимову, который сидел на крыльце своего дома, что сейчас появится дед Евсей, присядет рядом и тоже будет смотреть на ночную деревню и думать. А Пётр спросит у него:

– Скажи, дед, а сколько жителей осталось в Васильевке?

Но ответом будет тишина...

У каждого своя Голгофа

Старуха Макелиха заметалась на кровати. Тоненько застонала, но тут же смолкла. А потом беспокойно зашарила узловатыми пальцами по впалой груди. Вцепилась в край лоскутного одеяла. Рывком сдёрнула с себя и прерывисто, с каким-то посвистом и похрипываниями в груди, вздохнула. Дышать стало полегче, но в то же время зазнобило, и она опять потянула одеяло на себя. Воздух в комнате сырой, холодный и такой плотный, что казалось, его можно потрогать руками. Бабка Дарья поёжилась, и открыла глаза. Там, в беспокойном сне, она спешила по тропке навстречу своему Федечке. С работы встречала, как в молодости бывало, а наткнулась на его потёртый открытый чемоданчик с блестящими уголками. Неподалеку свёрточек, наверное, остатки от обеда. В траве тёмной зеленью сверкнула разбитая бутылка. Рядом чернела лужица крови, а над ней мухи: зелёные, мясные, жирные. Сколько лет снится один и тот же сон, как Фёдора, мужика её, паровозом переехало, когда он под составами перебирался через пути. Сама кляла мужика, но в то же время в душе жалела его, а виду не показывала. Потому что нельзя. Потому что хуже будет. Она перекрестилась и вздрогнула, когда из-за занавески раздалась хрипы, вперемешку с бульканьем и матерными словами.

Бабка Дарья взглянула на ходики и неслышно сползла с кровати. Приоткрыла дверь на веранду, которую ещё в молодости пристроил Федька к баракку, где они стали жить после свадьбы. Эти бараки стояли на окраине города. Рядом шоссе, за ней огромный луг, а в сторону взять, там депо было, где Фёдор работал, пока ему ноги не отрезало. Старая Макелиха оглянулась и прошла в дальний закуток. Там стояли ведра с водой. Здесь она стирала, тут же умывалась. Своей бани не было, а в городскую не набегаешься – далеко и народищу уйма. Вот и приспособилась на веранде устраивать постирушки. И в комнате не помоешься, ежели Фёдор пьяный. Сюда уходила, скрываясь от мужа, чтобы лишний раз не попадаться на глаза. Огляделась в закутке. Сняла рубаху, передёрнула худыми плечами и сразу мурашки появились. Зябко в пристройке. Не стала носить воду на кухню и греть её, а сразу ополоснулась холодной, что с вечера заготовила, аж дух занялся. Посмотрелась в тусклое засиженное мухами небольшое зеркало, висевшее на стене. Тёмное лицо в глубоких морщинах. Нос крючковатый, нависший над верхней губой. Провалившийся беззубый рот. Большие складки избородили лоб. Седые волосы редкими клочьями на голове. Откуда они будут густыми, ежели Федька, супостат этакий, с корнем повыдирает. Промеж вислых плоских грудей вилась чёрный шнурок с простеньким крестиком. Крестик есть, а молиться не научилась. Так, что в голову придёт, то и бормотала. Раньше не ходила молиться. Церковь-то была, но после революции вздумали рушить. Борьба шла с папами. Рассказывали, как бомбу подложили, бабахнуло, почти во всех домах стёкла повывлетали, а церковь на месте, лишь штукатурка осыпалась. Хотели крест стащить, и не получилось. Крест погнули и всё. С той поры так и остался, словно не в небо смотрит, а земле-матушке кланяется. Не получилось с церковью совладать, и тогда рукой махнули, плюнули и сделали склад из неё. Инвентарь хранили да разное барахло. А потом пионерский лагерь открыли. Года два-три лагерь был. А потом военным отдали. Кавалерийский отряд был. И церковь в конюшню превратили, всё внутри изгадили. А потом забросили, когда отряд в соседний город перевели. И по сей день она пустая стоит, никто не пользуются, но и попам не отдадут. На стенах похабные рисунки, матерные слова повсюду – руки бы отсохли. Сделали из церкви отхожее место

– богохульники! Когда с Фёдором случилась беда, она вспомнила про Бога. За ним ухаживала, а пока спал, бегала в церковь, что была рядышком с больницей. Там научилась не молиться, а разговаривать с Богом. Обо всём говорила: про жизнь, про сына, Алёшеньку, потом про мужа своего, Фёдора, и младшенького сынка не забывала, про Витяйку говорила, за него просила. Выговорится, и на душе полегче становилось. Свечки ставила за здоровье. Вернётся в больницу, а Фёдор лежит и зыркает глазами, а сам норовит садануть при случае. А на следующий день снова отправлялась в церковь, едва мужик засыпал. И когда Фёдора привезла домой, тоже бывало, перед иконой разговоры вела. Опустится на колени и всё рассказывает, советуется. Так и привыкла...

Бабка Дарья вздохнула. Сдёрнув полотенчик с гвоздя, быстро утёрлась, потом юбку до пят, кофту глухую, повязала косынку по брови, взгляд хмурый и недоверчивый. Толкнула худые ноги в растоптанные тапки и заторопилась обратно в барак, по дороге заглянув в комнату, откуда слышались хрипы и бульканье. Старуха Макелиха чертыхнулась: «Лучше бы задавили, супостата этакого. Разок бы поплакала и успокоилась. За что же мне такое наказание, – и тут же заторопилась, мелко принялась креститься. – Господи, прости меня! Грех про мужа такие слова говорить. Ведь не всегда плохим был, Федечка-то, а тока опосля несчастья слетел с катушек». Пробормотала, опять прислушалась и на кухню.

Поглядывая в окошко, старая Макелиха принялась готовить завтрак. Фёдор, мужик её, когда поженились, сразу наказал, чтобы день начинался со свежего супа. С любого. Главное, чтобы свежий, с огня, чтобы хлебнул и дух занялся. Потом, когда стал в рюмку заглядывать, мало кушал, а больше изгалялся. А под паровоз попал, вообще с катушек съехал. Бабка Дарья прислушалась. Из комнаты донеслось частое бульканье, прерывистые хрипы, потом дед Фёдор зашёл в долгим кашле, вперемешку с чихом и протяжно-страшными матюгами. Что-что, а матюги умел пускать. Научился за семь долгих лет, покуда в лагерях за тельняшку сидел. Без вины завиноватила власть. Обходчик, сволота, подсунул в чемоданчик и шепнул охране. Фёдора арестовали. Власть не стала разбираться, а в назидание другим припаяли семь лет и отправили в лагерь. А Дарья осталась ждать с двумя малышами...

– Куда умызнула, паскуда? – по комнате разнёсся прерывистый булькающий голос деда Фёдора.

Старая Макелиха вздохнула, тряпкой вытерла руки, оглянулась на закуток, где за занавеской всегда спал Фёдор и поспешила к нему.

– Я здесь, Федечка...

Казалось, перегар загустел, вязким облаком повис над кроватью. Ещё бы, столько времени не просыхать! Упёршись в грязную, скомканную простыню, дед Фёдор сидел или старался усидеть, выставив вперёд короткие обрубки, которые были едва заметны из-под задравшихся обоссанных трусов – это всё, что осталось от его ног.

Бабка Дарья кинулась к комоду, выхватила чистые трусы и опустила перед мужем на колени.

– Федечка, скидывай грязные, – не поднимая головы, сказала она. – Я те чистые натяну...

– Ишь, жалельщица выискалась, – медленно, с расстановкой загнусавил дед Фёдор, глазами выискивая, куда бы ударить, чтобы побольнее, чтобы плачем зашла, чтобы кровянка брызнула и протяжно так. – Паску-у-уда! – и ткнул костлявым кулачищем.

Другая баба давно бы сбежала от этого супостата, а старая Макелиха живёт, молчком сносит побои, потому что знает, что Федечка без неё пропадёт. Никогда не жаловалась. Да и не принято в семье, чтобы сор из избы выносить, как говорится. Вот и терпела.

Раньше не лупил. Тяжёлый характер у Фёдора, но руки не распускал. Наоборот, мирно жили. Правда, мало разговаривал, а ещё реже улыбался. Вернулся после лагерей, стал нелюдимым. А под паровоз попал, тогда-то с катушек слетел. Стал пить по-чёрному, сволота. Бутылку поставит на стол и пьёт, а потом начинал песню горланить. Оттуда привёз, из лагерей. «Чёрный ворон» называется. В бараке, где они жили, все соседи знали эту песню, но она почему-то не полюбилась. Тяжёлая песня и мрачная, словно жизнь нынешняя. А Фёдор пел. Сначала тянул всю песню, старательно, во весь голос, соседей тревожил. Даже не пел, а каким-то утробным голосом тянул, а в последние годы, когда напивался, стал горланить, пока внутри воздуха хватало. Видать, сам понимал, о чём поёт, и ладно: «Чо... ..он», «Чо... ..он» и «Чо... ..ой», и так, пока замертво не валился на пол.

...За старшим сыном, Алёшенькой, она не уследила. С малых лет отбилась от рук. Сначала школу прогуливал. Макелиха ругалась, а сын молчал, словно бирюк. Надуется, зыркает исподлобья, а потом убегает к бабке с дедом. Так и повадился, как что-нить натворит, сразу к бабке, а там привечали, заступались. А потом вовсе школу забросил. Дарья стала жаловаться Фёдору, тот отмахивался – с похмелья бывал, да ещё грозил, что кулака испробует, если начнёт приставать с пустяками. И Алёшенька вовсе распоясался. С такими же дружками, как сам, стали подворовывать из проходящих составов. И попались. Ему, как самому несмышлёному, ничего не сделали. Штраф припаяли. А других посадили. Дарья ночами плакала, расстраивалась, а Фёдор говорил, что настоящий мужик должен испробовать всё, и тюрьму – тоже. Старший, Алёшка, за ум не взялся. Наоборот, как с цепи сорвался. На железную дорогу перестал ходить, зато в соседних бараках, которые стояли возле железной дороги, начал тащить, что под руки попадало, и сбывал в городе. Видели его на барахолке, когда за бесценно продавал ворованное. Ничего не боялся. Думал, опять простят, как малолетнего. Но оказалось, за всё нужно рассчитываться. И он расплатился, когда убегал от милиции. Сорвался с крыши и угодил прямоком на железный штырь, торчавший из земли. В спину вошёл, а из груди вылез. Говорят, что-то пытался сказать, но не получилось. Умер.

И, вернувшись с кладбища, Дарья впервые узнала, что такое мужнин кулак. Смертным боем бил. Её обвинил, что Алёшка погиб. А она не стала вину снимать с себя. Всё же мать. Всё же понимала, что не уследила за Алёшенькой, не воспитала так, как нужно было. А расплата за материнские ошибки – это смерть сына.

– Паскуда, что торчишь, аки столб посередь дороги? – хрипло забулькал дед Фёдор, одной рукой держался, чтобы не упасть, а другую протягивал к ней. – Уснула, что ль? Жрать подавай! – заревел он.

Старая Макелиха промолчала. На кухню пошла. Кастрюлями загремела.

Вцепившись в матрас, Фёдор медленно сполз на половинок. Упираясь руками в пол, ухая, воняя перегаром, который уже не выветривался, дед Фёдор рывком перебрался на туловище в сторону кухни. Опять ухнув, внутри забулькало, заклокотало, не прекращался мат, которым награждал старую Макелиху, он выбросил обрубок вперёд. И так, пока не очутился на кухне, где,

вцепившись в подоконник и в стол, привычно, рывком поднялся на низенькую табуретку, как на приступок, а оттуда перебрался в угол.

– Сейчас подам, – сказала баба Дарья и поставила перед ним глубокую металлическую миску, рядом ложку и придвинула хлеб. – На-кась, Федечка, покушай, полегчает... – и прикрылась руками, когда Фёдор ткнул кулаком.

Клокоча горлом, булькая, дед Фёдор трясущейся рукой старался донести ложку до впалого рта. Суп расплёскивался по столу. С каждым разом дорожка от чашки и до него становилась всё шире и шире. Матюгаясь, не выдержал, бросил ложку, звякнув, она улетела на пол, оттолкнул от себя чашку – суп выплеснулся на стол и, ухватившись за подоконник, опять сполз на пол.

Старая Макелиха смотрела, как дед Фёдор, рывками перебрасывая тело, добрался до двери, тычком открыл и, матерясь, добрался до тележки, которую загодя поставила возле входа Макелиха, взгромоздился на неё, вцепился в короткие палки и, утробно ухая, загрохотал по дороге в сторону шоссе, на краю которой был небольшой базарчик и столовая, возле них-то и устраивался дед Фёдор. Там частенько останавливались машины. Кто-то из водителей торопился в столовую, а потом снова в рейс, а другие ходили по базарчику, выбирая овощи или фрукты, а то брали пару банок солений и тоже отправлялись в дорогу. И многие останавливались возле Фёдора, протягивали мелочишку, а бывало, что стопочку-другую наливали. И Фёдор вечером возвращался, и лыка не вязал. Потеряет тележку или свалится с неё, но ползёт домой. В снег ли, в грязь или мороз, хрипит, рычит, ползёт по дороге вдоль барачков. Притихнет, а потом вскинется, и опять тело сжимается, изгибаясь, выворачивается, но движется к своему барачку. И страшно было смотреть, как руки с грязными цепкими пальцами, со сломанными ногтями, словно когти чудовищной птицы вгрызались в землю, судорогой сводило лицо, и долгий рывок вперёд – маленький шагок к дому. И так, пока не вваливался в комнату, а старая Макелиха забивалась в угол под иконы и молчала, смотрела, что вытворяет этот лиходея, или уходила в свой закуток на веранде и закрывалась. Ну, его, ирода, от греха подальше!

Поглядывая в окошко, старая Макелиха частенько вспоминала, как они жили, пока мужик не попал под паровоз. Пусть Фёдор был неразговорчив, вечно хмурый, но и Дарья недалеко ушла от него. Тоже была молчаливой. Всё по хозяйству хлопотала. Шутка ли, три мужика в доме. И нужно всех накормить, напоить, одеть, обути, да ещё в доме порядок навести. А бралась за стирку, так не знала, с чего начинать. Сыновья росли сорванцами. Всю грязь соберут, все лужи измерят, пока до дома дойдут. А мужнину одежду возьмёт в руки и думает, с какого конца стирать. Вся в мазуте, насквозь! Потом старший сынок погиб, Фёдор почти перестал разговаривать. Если напивался, начинал матюгаться и кулаки показывать. Не часто, но бывало, что лупил. А Дарья терпела. Никому не жаловалась. Знала, если скажет, Фёдор ещё сильнее отмутузит. Вот и молчала, сор из избы не выносила.

Фёдор был живучим. Ничего не брало его. Ведь, будь на его месте другой человек, помер бы ещё на рельсах, когда поезд переехал, а Федька, как чурбак, скатился под откос и валялся там, пока обходчики не наткнулись. Врачи удивлялись и не могли понять, как же он остался в живых. У другого вся бы кровь вытекла, а этот же... Пока обходчики сообщили, врачи приехали, думали, что Фёдор умер, ан нет, он в чувство пришёл, а где обрубки, там кровь спеклась, коркой закрыло раны. Врачи были уверены, что не довезут до больницы, но Фёдор ещё дышал. И врачи сразу его на стол: резать, пилить,

зашивать. У Дарьи, наткнувшись на засохшую кровь, ёкнуло сердце, и она бросилась разыскивать мужа. Помчалась в больницу, чтобы рядышком с мужем быть. Дни и ночи не отходила от него. С ложечки кормила и поила. А Фёдор, едва оклемавшись, первым делом ударил кулаком по голове. Не так больно стукнул, как обидно стало, но она привычно промолчала. Фёдор принялся обвинять, что из-за неё превратился в безногую калеку. Стал её виноватить, а она приняла это как должное.

Несколько месяцев мыкались по больницам, потом Фёдора выписали. Вернувшись, он с горя запил. Крепко. Правда, бывали светлые дни, но редко, когда день-другой отлёживался, с утра и до ночи матерился и плевался, а потом опять уходил в запой. Дарья удивлялась, как до сей поры не сгорел от этой проклятушкой водки. Даже хвороба не привязывалась к нему. Ведь, сволота, пока до дома доковыркается, всю уличную грязь соберёт, во всех лужах побывает, а зимой, так вообще руки обмораживал до волдырей, но утром поднимался и, как ни в чём не бывало, начинал пускать матюги. А потом взгромоздится на тележку и подаётся в сторону столовой. Шофера жалели его. Мало того, что задарма поили, так ещё жалеючи деньги совали и чекушок или бутылку дешёвого вина в карман подсовывали. И ведь ни разу не разбил бутылку, пока пьяный кувыркался по дороге, зараза такая! Вернётся, влезет на табуретку, вытащит бутылку, а она грязнучая, даже этикетку не разберёшь – столько проелозил по грязи да лужам, и начинает пить. Страшно пил. С бульканьем, с хрипами, рычал, словно зверь, матюги во все стороны разбрасывал и подзывал Дарью. А она подходила. Молчком склонялась, и тогда он хватался за редкие волосы и начинал её таскать, всё норовил головой ударить об стол, бил кулачищами, куда ни попади, а она ойкала и прикрывалась, но молчала, не перечила ему. А Фёдор опять брался за стакан. Давясь, клокоча, допивал бутылку. Долго сидел, склонив голову к плечу, словно прислушивался, что внутри него делается, потом встрепенётся, зыркнет глазищами и начинал петь любимую песню «Чёрный ворон». Да и сам был похож на него. Нахохлившись, сидел за столом, плечи приподняты, крутил башкой, глядел исподлобья круглыми безумными глазами, пальцами, словно когтями, держался за край стола и ревел во всю глотку, аж лицо багровело и перекашивалось: «Чо... ..он», «Чо... ..он» и «Чо... ..ой». И до той поры горланил, пока не падал с табуретки. Тюкнется башкой об пол, трепыхнётся, попытается подняться, а потом притихнет. Всё, уснул. Старая Макелиха торопливо крестилась, подхватывала его под мышки, волоком тащила до кровати, сдирала грязную одежду, на матрас закатывала и прикрывала одеялом. Всё, будет дрыхнуть до утра, а потом снова потащится водку жрать, паскуда. Изо дня в день. В любую погоду. Все годы, как стал калекой.

Так и сегодня, как всегда было. Суп расплескал, изматерился, саданул несколько раз кулаком, куда ни попади, и потащился на базарчик к столовой. А бабка Дарья привычно уселась возле окна и стала поджидать, когда он вернётся. Видела, как Фёдор наклонялся, вгоняя штыри в землю, и рывками елозил по ухабистой дороге, что протянулась вдоль старых барачков. И теперь жди его, к вечеру вернётся на бровях и начнёт куролесить, сволота.

Весь день в посёлке выли собаки, словно беду предвещали. Бабка Дарья плевалась, а потом начинала креститься. А в сумерках распахнулась дверь. На пороге стоял милиционер и соседка. Они-то и сообщили, что дед Фёдор попал под машину. Не уберётся. А может, судьба устала. Грузовик сдавал назад

и наехал на него, а может, сам сунулся под колесо – никто не видел. Голова целой осталась, а самого вдавило в тележку.

Сосед, Леонтий Чердынцев, сладил гроб. Старая Макелиха дала доски. По случаю приобрела у командировочного. Соседей попросила, чтобы на чердак подняли, подальше от Фёдора, иначе пропъёт. Долго хранились, пока беда не пришла. Леонтий Чердынцев уговаривал, зачем большую домовину делать, доски портить? Хватило бы и маленького, под его размер, а старая Макелиха упёрлась. Что ни говори, а Фёдор был мужиком, и домовина должна быть настоящей. В последний момент, когда Фёдора обмыли, одели и уложили на мягкую подушку, набитую запашистой сосновой стружкой, бабка Дарья исподтишка сунула новые ненадёванные ботинки. Вдруг пригодятся там. Тележка-то дома останется, а ходить нужно. И сунула. Один ботинок упал, а второй в углу затопорщился. Фёдор лежал на подушке, причёсанный, побритый, а лицо светлое-светлое, лишь небольшая хмурая морщинка возле глаз пробежала. «Вот и всё, успокоился мой Федечка» – пробормотала старая Макелиха и неловко погладила по жёстким седым волосам, а потом обняла его и заплакала. Сгорбилась, плечи затряслись.

– Дурёха, почто плачешь-то? – зашептала соседка, отвела Макелиху в сторону и посадила на лавку. – Радуйся, бабка Дарья, отмучилась. Всю жизнь-нюшку на кулаках носил. Как ещё терпела-то, супостата этакого...

– Не я, а мой Федечка отмучился, – прижимая ладошки к впалому рту, сказала старая Макелиха. – Он с горя пил, с горя кулаки распускал, потому что хотел казаться мужиком, а не колодой с глазами. Не меня, а его жизнь давила, неподъёмным камнем к земле прижимала, а он до последнего дня противился... И видать, не выдержал – сломался. А теперь лежит спокойно и ничего ему не нужно.

И опять плечи затряслись.

Поминали дома. Младший сынок приехал. Всяких продуктов понавёз. Еле допёр полные сумки. Хотел, чтобы в столовой поминали, но бабка Дарья упёрлась. Где жили, там и помин будет. Заходили соседи, шептались старухи, крестились, поглядывая на старую икону, усаживались за стол, перешёптывались и ждали, когда перед ними поставят тарелки. Неторопливо хлебали, жевали беззубыми дёснами блины, пробовали кутью, и хвалили Фёдора. А некоторые молчали. Правда, сосед, Васька Гонтарь, подвыпив, стал требовать, чтобы бабка Дарья сию же минуту вернула деньги, какие ейный мужик занимал на опохмелку, но ойкнул и притих, а потом быстро подхватился и смотался с поминок, когда младшенький сынок, Витенька, под рёбра ткнул кулачищем. Испугался Гонтарь.

Вечером, когда все разошлись по домам, младший сынок тоже засобирался.

– Мамка, может, всё-таки, к нам переедешь? – сказал он, собирая сумку. – Комнатку освободим, а ежели хочешь, с ребяташками в спальне поселим. Всё веселее, чем одной. Заживёшь, как у Христа за пазухой. Будешь лежать и в потолок поплёвывать. Подумай, мамака...

– Куда же я поеду отсюда, Витяйка? – привычно усевшись возле окна, сказала старая Макелиха и пристально всмотрелась в пустую дорогу, словно своего Федечку ждала. – Здесь наш дом, тут отца и Алёшеньку схоронили. Мои родители лежат. И бабка с дедом лежали, а теперь на месте старого кладбища дома построили. Куда же я от своих-то уеду? Нельзя, это не по-людски будет. А завтра пойду на кладбище, твоего папку проведаю, покушать отнесу

ему, как принято. Видишь, нельзя мне ехать. Я тут нужна – им нужна. Да, что хочу сказать-то... – она встрепелась. – Сынок, когда помру, рядышком с отцом положи. Я давно местечко приготовила. Всю жизнь-нюшку вместе были, и там не станем разлучаться. Не забудь... Да, ещё... Досочки для домовины на чердаке лежат. Соседи покажут. Пусть дядька Леонтий Чердынцев домовину сделает, он много не запросит. Сколько дашь – этому рад. А Петряй Чальый – хапуга! Не соглашайся, если первым прибежит и станет уговаривать. Ежли что, лучше к Чердынцеву загляни. Здесь он, рядышком живёт, через два барака. Любой покажет...

– Тыфу ты, напридумывала же! – не удержался, чертыхнулся Витька, а сам сокрушённо качнул головой, заметив, как сильно сдала мать за последние дни – маленькая стала, сухонькая. – Хватит болтать, мамка. Живи, пока живётся! Ты скажи Вальке Макаркиной, пусть денька три-четыре поночует, а то одной-то тоскливо будет вечерами сидеть. А вдвоём всё же повеселее. Я гостинчик ей привезу. Ладно?

Бабка Дарья промолчала.

Чуть погодя, сын подошёл. Постоял рядышком. Потоптался, не зная, куда руки деть. Потом неловко погладил по плечу, и снова руки плетью повисли.

– Ладно, мамака, я пойду, – сказал он, направляясь к двери. – Сейчас автобус будет. Не опоздать бы. Утром на работу. Я ещё приеду. Ты держись.

И вышел, притворив дверь.

Валька Макаркина три дня ночевала. А утром четвёртого дня недуром соскочила с кровати, всё крестилась, глядя на икону, потом сказала, что дел невпроворот и засобиралась. Долго отнекивалась, всё топталась возле порога, когда старая Макелиха протянула новый цветастый платок с кистями – таких сейчас не делают. Глаза разгорелись от жадности, а брать-то стыдно-то – что люди скажут. Но всё же жадность перевесила. Стыд – не дым, глаза не выест, и Валька, схватив платок, сунула его за пазуху и заторопилась – корова не доена стоит. Да и вообще... Она ещё раз перекрестилась, мельком взглянула на кровать, где эти ночи спала, и за собой захлопнула дверь. Ушла.

Старая Макелиха привалилась к подушке. Устала за последние дни. Не заметила, как задремала. Что-то непонятное снилось. Какие-то цветные обрывки мелькали перед глазами, снова бежала по лугу, ромашки срывала, и тут Фёдор заявился. Стоит на тропинке и смотрит, потом к ней потянулся. Бабка Дарья аж вскинулась, когда в темноте кто-то погладил по голове. Недуром рявкнула. Вздупа светильник, отмахнулась, глаза протёрла, думала, спросонья показалось, а потом снова взглянула и ойкнула – Федька перед ней сидит и глядит опечаленно. Не привалился, как всегда к стенке или к спинке кровати, а прямо сидит и смотрит, глаз не отведёт.

– Федечка, – старая Макеловна перекрестилась, и прижалась к спинке, прикрываясь одеялом. – Ты же...

Она неопределённо помахала рукой.

И вдруг его голос услышала: с бульканьем, с хрипами и, перепугавшись, отшатнулась.

– Плохо мне, Дашутка, – и так ласково сказал, непривычно, а сам опять потянулся к ней и захрипел: громко, протяжно – страшно. – Я пришёл. Собирайся. Ждут нас...

Она отпрянула. Заблужила с испуга, аж сердце захолонуло, зажгло внутри, неровно забилося, с перебоями, того и гляди остановится. Съехала с кровати, грохнулась на колени перед старой тёмной иконой, уж лика не видать,

истово принялась креститься и бессвязно шептать, опасаясь оглянуться на кровать, где видела мужа своего, Федечку.

Развиднялось. Она оглянулась. Федечки не было. Ушёл, или ей почудился, что был – бабка Дарья не знала. Долго ходила по дому. Умаялась. Опять взглянула на окно. Серые предутренние сумерки. Бабка Дарья решила подремать. Легла, укрылась лоскутным одеялом, едва закрыла глаза, как опять почувствовала, что её погладили по голове. Путаясь в просторной рубахе, сползла на пол и, как была на коленках, так и поползла к иконе. Решила, видать, много грехов на ней, ежели покойный мужик приходит. И принялась отбивать поклоны и креститься.

Успокоилась, когда вдали петухи загорланили. Поднялась с колен, на улицу подалась. Весь день квёлая бродила, на лавочке сидела, с соседями говорила, а в барак опасалась заходить, вдруг опять Федечка объявится. Сама боялась, но в то же время, думала, что такого не может быть, потому что от туда же не возвращаются. Но почему она видела его и слышала, даже руку его чуяла, когда он погладил по голове?! Видать, расхандрилась. Бабка Дарья задумалась...

Солнце на закат повернуло. Душа тосковала, томилась. Старая Макелиха поглядывала в оконце, поглядывала, а потом спохватилась, взяла свою клюку и пустилась в сторону железной дороги, по тропке, словно Федечку решила встретить, как раньше бывало, когда он с работы возвращался. Сама не могла понять, почему туда потянуло. Уже слышны были гудки, шум и грохот проходящих составов, она мимо кусточков прошла, повернула в сторону депо, глядь, а на тропке цветок лежит. Ромашка, чуть подвявшая, даже горчинкой от неё повеяло, когда старуха Макелиха подняла её, а потом оглянулась, глазам не поверила – осень поздняя, день-другой и снег полепит, а на тропке – ромашка. Откуда взялась, ежели тут никто не ходит, вон, позаросла тропка-дорожка, до самого горизонта тёмная пожухлая трава, а цветок лежит, словно недавно сорвали его и положили на самый вид, чтобы она наткнулась. Бабка Дарья подхватила и пустилась к дому. Сама торопится, оглядывается. Что-то подсказывало, что неспроста потащилась сюда, неспроста ромашку нашла. Неужели... И бабка перекрестилась на ходу, потом приостановилась, поклоны стала отбивать, поглядывая на заброшенную старую церковь с покосившемся крестом, что виднелась неподалёку от базарчика, куда её Федечка каждый день мотался.

Долго крутилась на кровати старая Макелиха. Всё боялась глаза закрыть. Чуть начинается дремота, она вскидывается. Вот показалось, что лампадка слабо освещает. Сползла с кровати. Закряхтела, полезла на табуретку, достала из-за иконы пучочек церковных свечей. Подпалила, приткнула в блюдце, чтобы держалась и поставила на табуретку возле кровати. Сама прилегла, прикрыла ноги одеялом, глядит на огонёчек, и в голос разговаривает с Богом, как привыкла делать за долгую жизнь. Всё не так страшно было на душе. Не молилась, а просто беседовала, как она привыкла. Долго разговаривала. А потом сморило. Уснула-таки. И опять приснилось, будто бежит по тропинке. А вокруг цветы. Разные. Много. Вечернее солнце яркое и тёплое. Распустило лучи, а они дорожками разбежались по лугу и улеглись, полёживают на цветах. Смотришь вдаль, до горизонта цветы. И так хотелось раскинуть руки, разогнаться, взлететь над цветами и помчаться далеко-далеко по солнечному лучу, как по дорожке, и закричать: громко, протяжно и восторженно. Она рванулась, но увидела, как тропка повернула к железной дороге, а там, между

рельсами, опять кровь чёрная-пречёрная, и зелёные толстые мухи кружатся. И снова донёсся голос. Звал её, жаловался. Тихо так, больно, аж сердце захолонуло, заболело в груди, огнём полыхнуло. И опять Фёдор окликнул, за собой позвал.

Всхрапнула старая Макелиха, открыла глаза. Ночь на дворе. Свечечка не горела. Хотела было подняться и вдруг опять почувствовала, словно по голове погладили. Вскрикнула. Подняла руку, чтобы перекреститься, а рука тяжёлая, неподъёмная. Испугалась. Закричала громко, аж в ушах зазвенело. Крутнулась на кровати, как только может крутнуться старуха, сползла на пол и на коленях подалась к иконе. Долго крестилась, поклоны отбивала. Не оглядывалась. Боялась. Рассвет занялся. Повсюду птицы загомонили. Осмелела бабка Дарья. Повернулась, а её Федечка вцепился в одеяло, съехал по нему, как раньше бывало, укоризненно покачал головой, что не захотела с ним поговорить, а потом к двери направился и исчез. Дверь даже не скрипнула. Старая Макелиха глядела ему вслед и плакала: долго, тоненько и больно...

Ополоснув лицо холодной водой, бабка Дарья утёрлась полотенчиком и направилась на кухню. Громыкнула кастрюлей. Поставила на огонь, принялась чистить картошку, а потом бросила ножик в очистки, присела на табуретку возле окна и заплакала. Горько было на душе. Впервые за долгие годы она не стала готовить привычный утренний суп. Некому.

А к вечеру занедужила. Залихорадило. Старая Макелиха сидела, куталась в старую кофту, озноб не проходил. Наоборот, ещё больше стало лихоманить. Голова в огне, да внутри все поджилочки тряслись. Громыкнула чайником. Вскипятила. В кружку листья малины, травки набросала. Духмяно запахло, вкусно. В другой бы раз старая Макелиха с удовольствием бы травяной чай пошвыркала да ещё с баранками или пряниками, а сейчас налила в кружку, поставила на стол, рядом банка варенья из малины. Откуда-то сынок привёз. Здесь, на окраине города, почему-то малина не рождалась. Квёлая была. Год-другой постоит в огородиках, что были возле каждого барака, и засыхает. Не приживалась малина. Вот Витюшка и привозил каждый год. Баловал мамку.

На улице смеркалось. Бабка Дарья сидела, мелкими глоточками отпивала настой. Как схоронила Федечку, с той поры, кроме воды, ничего в рот не брала. Не хотела. Видать, час её подходит. И сейчас, вон, варенье на столе, а она ложкой цепляла чуточку, лишь бы губы помазать и всё. Почмокает – вкусно, и опять нахохлится, поглядывая в окно, словно продолжала ждать, что сейчас, вон из-за того барака, что на повороте стоит, появится Фёдор и начнёт перекачываться, ползти по грязи и станет материться: громко, хрипло, с проклятиями, и опять полночи дым коромыслом будет стоять дома, пока с табуретки не свалится. Но было тихо. Непривычно. Это страшило. Бабка Дарья поднялась. Опять громыкнула чайником. Повернулась к столу и выронила кружку. Ойкнула и прижала сухие морщинистые ладони ко рту. В углу, на своём привычном месте сидел дед Фёдор. Сгорбившись, руки на столе, даже видны чёрные каёмки под ногтями, хотя его обмывали хорошо. Она это помнит, а гляди ты, всё же грязь осталась. Видать, въелась за долгую жизнь, пока по грязи ползал. Он сидел, молчал и хмуро, исподлобья наблюдал за старой Макелихой. Она обмерла, боясь шевельнуться. Смотрела на мужа, хотела прочесть молитвы, с Боженькой поговорить, но не могла ни единого слова вспомнить, лишь губы шевелились, и рука дёрнулась, чтобы перекреститься, но вновь повисла плетью.

– Дашутка, пошли со мной, – она услышала голос Фёдора. – Плохо мне. Пойдём, а? – и так жалобно, так больно сказал, аж сердце у неё захолонуло, зажгло внутри, заколотилось неровно, с переборами.

– Федечка, уходи, – шевельнулись губы Макелихи. – Хватит измываться. При жизни изгалялся, как хотел, и теперь продолжаешь. Устала я, измучилась. Уйди...

Говорит, а своего голоса не слышит. Хотела крикнуть, и не получается. Руку подняла, чтобы сделать крестное знамение, а она плетью повисла.

– Дашутка, я не измываюсь, – сказал Фёдор. – Я тоже устал от этой проклятушей жизни. Пошли, а? Вдвоём веселее будет.

– Сгинь, сгинь, – зашептала бабка Дарья, и мысленно сделала крестное знамение. – Уйди, ирод!

В коридоре барака громыхнули тяжёлые неторопливые шаги. Медленно открываясь, заскрипела дверь. Старая Макелиха закричала.

– Дарья, что вопишь, как оглашенная, аж на улице слышать, – раздался голос соседа. – Что впотымах сидишь? Хоть бы свет зажгла, – и было слышно, как он зашарил рукой по стене.

Бабка Дарья зажмурилась, когда вспыхнула неяркая мутная лампочка и взглянула в угол. Фёдора не было, а на краю стола лежала подвядшая ромашка, такая же, какую она нашла на дороге.

На пороге стоял двухметровый сухопарый старик в засаленных штанах с пузырями на коленях, в выцветшей телогрейке, из-под которой выглядывала серая невзрачная рубашка, и в руках держал драную, кроличью шапку. Подслеповато сощурившись, посмотрел по сторонам.

– Что разоралась? – опять спросил он. – Не бойсь, не трону, не кровопивец.

— А тебе какое дело: хочу горло деру, хочу частушки распеваю, а могу барыню сплясать, — буркнула старая Макелиха и поправила платок, повязанный по глаза. — Что притащился, что надо? — недовольно сказала она, зная приставучий характер соседа.

– Это... Я что пришёл-то... – он снова стал осматриваться. – Слышь, Дарья, а где Федькина тележка?

– А на кой тебе сдалась? – искоса взглянула Макелиха. – Ишь, не успели снести Фёдора на мазарки, как прибежал, хапуга! Что удумал?

– Это... — запнувшись, сказал сосед. – На ней флягу буду возить. Поставил и тащи себе, в ус не дуй. Там подшипники стоят вместо колёс. Края обобью железом, вечная тележка будет, не ломается. Отдай, всё равно никому не нужна. Федька-то не вернётся. Будет валяться его тележка, пока не сгниёт, или ребятишки утащат, а я бы в дело приспособил. Банку молока дам. Ну, хочешь, сметанки добавлю, кусочек маслица. Мне гостинцы из деревни привезли...

– А вдруг, – перебивая его, прошамкала бабка Дарья. — Вот сейчас завалится Федька, по шеем накостыляет тебе, оглобля ходячая, а заодно мне попадёт, что чужого мужика в дом пустила и без спросу его вещи разбазариваю.

– Да ну, городишь всякую ерунду – Федька вернётся, – хохотнул старик и отмахнулся, потом ойкнул и торопливо оглянулся – позади никого не было. Он задумчиво посмотрел по сторонам, почесал лысину, потоптался и неуверенно сказал. – Знаешь, Дарья, я лучше на днях зайду. Башку затуманило, какая-то ерунда чудится, – и, неопределённо покрутив в воздухе рукой, крепко стукнулся лбом о низкую притолоку, чуть ли не вдвое сложился и торопливо выскокил, захлопнув дверь.

Под окнами раздались громкие долгие матюги, и донеслись быстрые шаги.

– О, шалопутный, – бормотнула старая Макелиха и опять стала кутаться в кофту. – Что-то лихоманит меня. Как бы ни разболеться...

И снова ночью пришёл её мужик, Фёдор. Присел в ногах. Прислонился к спинке и глядит жалобно так. Опять стал звать с собой. Да странно так и долго, будто на одном дыхании тянул: «Пошли со мной... пошли со мной... пошли со мной...». Звал, а губы не шевелились. Страховито стало...

– Ну что пристал, как банный лист к заднице? – не выдержала бабка Дарья. – Вот настанет мой час и приду. Мимо не проскочу. Все там будем.

– А я знаю, что ты уже в дорогу собираешься, – сказал Фёдор. – Не бойсь, Дашутка. Приходи. Встречу тебя, и никогда уже не расстанемся. Дураком был, что тебя лупил. Это жизнь заставила. Сломала меня, как многих других, кого повстречал там. Не выдержал. Был мужиком, а превратился в калеку. Не хотел, чтобы нянчилась со мной. Поэтому руки распускал. Не к себе прижимал – от себя гнал, отталкивал, чтобы не жалела. Не обижайся, Дашутка, – ласково назвал, как бывало в молодости. – И сынок наш, Алёшенька, тоже ждёт. Он хороший, добрый. Знаешь, там всё есть – тебя не хватает.

И бабка Дарья не выдержала, ладошками прикрылась, ткнулась лицом в подушку и захлопала носом. Долго всхлипывала, вспоминая слова Фёдора, а когда открыла глаза – растерялась. За окном было светло. Девятый час на ходиках, а она на кровати бока отлёживается. Закряхтела, поднялась. Ноги еле шевелятся, словно пудовые гири привязаны. Весь день ходила, нет-нет, а сама на кровать поглядывала, нет ли там Фёдора. А может, почудилось... Вон, как голова разламывается – страсть! Но сама разговор вспоминает, каждое слово перебирает и думает...

На девять дней, а потом и на сороковины соседи поминать приходили. Сынок приезжал. Опять стал уговаривать, чтобы к ним перебралась. Уже комнатку освободили. Весёленькими обоями обклеили. Заграничную кровать поставили, и телевизор на комод. Как на курортах заживёт – ни забот, ни хлопот. А комнату в бараке нужно продать – лишняя обуза. Бабка Дарья отказалась. Как же уедешь, разве можно оставлять дом родной. Здесь всю жизньюшку прожила с Федечкой. Сами пристройку сделали, где она купалась да стирала. И печка хорошая. Вроде немного дров положишь, а так жарит, аж дышать нечем. Это её Федечка печь поставил. Все соседи завидовали. И здесь сынки родились. Себя винила – не Фёдора, а себя, что старший сынок погиб. Отсюда младшенького в жизнь отпустила. Женился. Хорошую девку взял. Добрую. Не лаются. Вон, какой гладкий да чистенький перед ней стоит – обзавидуешься. Хорошо живут, в ладах. Не хочется обузой быть в его семье. Да и жить-то осталось всего ничего – она чуяла. Бабка Дарья промолчала, не стала говорить сыночку, что внутри всё сгорело, что есть-пить перестала, когда Фёдора схоронила, что он каждую ночь приходит, за собой зовёт. Не стала ему рассказывать. В себе утаила. И долго не отпускала Витяйку. Сидела за столом, обо всём расспрашивала и словно невзначай наказывала, чтобы с женой не лаялся, детишек воспитывал, а главное – в бутылку не заглядывал, потому что вся беда через неё приходит. Говорила и глаз с него не сводила, словно хотела каждую чётточку запомнить. Хотя и так знала. Каждый шрамик помнила, каждую ссадинку. Всё наставления давала, а сама просила, чтобы на денёк-другой задержался, с ней побыл, что-то ещё хотела сказать, но не решилась, а лишь смотрела, смотрела и смотрела на него... А Витяйка собрался и уехал, наверное дома заждались, как он сказал, а бабка Дарья долго стояла возле барака и глядела ему вслед, но сын торопился, ни разу не обернулся.

Старая Макелиха, напоследок помахав сыну, когда он скрылся за поворотом, ещё долго сидела на лавке возле своего барака. О чём-то думала. Смотрела в никуда, а взгляд светлый-светлый. Потом, словно решившись, вернулась домой. Нагрела воды. Помылась. Набросила широченную ночнушку. Покопалась в комод. Достала стопочку белья и положила на табуретку на видное место — это смертная одёжка. Вытащила картонную коробку. Открыла. Достала просторные тапочки. Полюбовалась. В магазин завозили. Старухи сразу же раскупили. Одни брали, чтобы в них щеголять, а другие к последнему дню готовили. Вон, какие красивые да лёгкие. В них будет удобно. Поставила коробку рядом с табуреткой. Выключила свет. Легла.

Долго лежала. Не спалось. Думала про жизнь, про детей и мужа. И всё же, хоть и лупцевал Фёдор, а они хорошо прожили жизнь. Да, лупил. Бывало, что сильно. Но это из-за своей слабости. Не мог себе простить, что обезножил, не захотел быть обузой. А ведь раньше-то, если вспомнить, каким мужиком был — все бабы завидовали. Хозяйственный! Много не говорил. Вернётся с работы, стопочку опрокинет, навернёт чашку-другую, аж пот в три ручья, и сразу берётся за работу. То крышу надо подлатать, то забор поднять, то уголь привезти и разгрузить. Так и крутился до ночи. Вернётся, ребятишки уже спят. Холодной водой умоется. Ляжет рядом, прижмётся, аж дух захватывало, а сам что-то на ухо нашёптывает, усами щекочет и прижимается всё сильнее и сильнее. И здесь не выдержишь, к нему повернёшься и... «Эть, старая карга! Помирать собралась, а мысли-то греховные!» — пробормотала бабка Дарья. Вздохнула и опять задумалась...

И снова закрутились мысли. Семь лет прождала Фёдора, когда его посадили за тельняшку. Даже слушать не захотели. Не стали разбираться, что не он своровал, а ему подсунули. Взяли и оправили в лагерь. Семь долгих и тяжёлых лет прождала. Одна ребятишек поднимала. Кто-то старался помочь, а некоторые носом тыкали, что Федька — ворюга. Ну, да Бог им судья, каждый ответит за дела свои, никто не уйдёт от этого, а она уже давно всех простила. Туговато жилось, пока Фёдора не было. Голодно. На затирухе держались, где на траве или на пустом супе, но всё же выжили. Ничего, дождались отца.

Фёдор вернулся молчаливым. Так-то приходилось клещами каждое слово вытягивать, а потом вообще стал молчуном. Буркнет, и всё на этом. Как хочешь, так и понимай его. И злым вернулся. Слово против не скажи, сразу в кошки-дыбошки. Затрясётся весь, белый, словно полотно, глаза бешеные, того и гляди, кинется. Злость в нём от лагерей. Хоть и не рассказывал, как жилось в лагерях, но было видно, через многое прошёл. Поэтому озлобился. А пружинка треснула внутри, когда старшенький погиб. Бабка Дарья понимала его и давно не осуждала. Жизнь его сломала, не он сам. Грузом неподъёмным навалилась на него, придавила, а он не выдержал, щёлкнула пружинка внутри и всё — нет человека.

Старая Макелиха продолжала лежать. Сложила руки на груди и опять стала перебирать жизнь. Это бабы терпеливые. Сколько ни грузи бабу, а она тащит на себе. А мужики послабже будут. Некоторые сразу ломаются, а другие ещё терпят, потом они не выдерживают, и щёлкают пружинки, превращая людей в пьяниц и лютых зверей. Так и с Федечкой случилось. Подкосила его смерть сына. Стал в бутылку заглядывать. Всё чаще и чаще. Но ещё держался. А потом, когда под поезд попал, пружина не щёлкнула — она на мелкие кусочки разлетелась. И Фёдор в зверя превратился. В страшного зверя. Но всё равно, Дарья давно простила его и не осуждала, потому что жизнь

его сломала и растоптала, а он уже не смог выпрямиться — духу не хватило. Внутренний стержень сломался, который в человеке сохраняет человека. И покатился Фёдор под откос. И с каждым днём всё быстрее и быстрее. И катился, пока не попал под машину. Страшную смерть принял. А может, для него нынешняя жизнь была намного страшнее, и смерть воспринял, как освобождение от всех бед, свалившихся на него в этой жизни. Скорее всего... Никто не знает, как Фёдор погиб. Может, не задавили, а сам сунулся под колёса, потому что другого выхода не видел, а бороться — устал, да и силы не было. Решиться на смерть не каждый человек сможет. Слабый не сможет — это точно. А Фёдор сделал. Значит, Фёдору хватило смелости, он шагнул за порог жизни, чтобы превратиться в прежнего Федечку, но в ином обличье и другом месте — в том месте, куда рано или поздно уходят все. И она уйдёт.

Старая Макелиха устала лежать. Бока заболели. Она поднялась. Опустила лёгкие ноги с кровати. Ночная рубаха большая. В прорезь видна обвисшая плоская грудь. Чего-то не хватает. Бабка Дарья наморщила и без того морщинистый лоб. Ох, Божечка мой! Она цапнула себя за грудь и метнулась за занавеску, где мылась. Громыкнул таз. Включила свет. Перебрала вещи. Крестик лежал на полу. Впотымах не заметила, как он соскользнул, когда мылась. Надела. Прижала рукой. На душе стало покойнее и светлее.

Побродила по дому. Остановивалась возле каждой вещи. Стояла, вспоминала, как покупали. Это целое событие, к которому долго готовились, по копеечке собирали деньги, покупали, дома насмотреться не могли, каждую пылинку сдували, пока опять не покупали новую вещь. А что можно было сделать своими руками, Фёдор делал сам. Хорошая мебель, добротная, хоть и неказистая с виду, но ещё сто лет прослужит, ежели не выбросят. Витяйка выкинет. Этот может. Вон, у них вся мебель фабричная, словно зеркало. Зачем ему нужна старая. На дрова пустит, в печке сожжёт. Бабка Дарья завдыхала. Жалко стало мебелишку-то. Ведь это память, Фёдор делал, а её выбросят. Нет, так дело не пойдёт. Нельзя. Старая Макелиха громыкнула ящиком и принялась искать листок бумаги с карандашом. Тёмно. Щёлкнула выключателем и, слюнявя кончик карандаша, принялась медленно выводить каракули в старой тетрадке. Сыну давала наказ, чтобы не смел выбрасывать отцовскую мебель.

Едва прилегла, как опять поднялась. Забыла простирнуть кофту и юбку. Сраму не оберёшься, если соседи увидят. Ну и что, что помирать собралась. Потом начнут выговаривать сыну, а ещё хуже, если за глаза примутся осуждать. И заторопилась на кухню. Взглянула на окно — ещё тёмно. Нагрела воды в ведре. В тазу простирнула, сполоснула и развесила на верёвке. Пусть бельё сохнет. Потом, кто-нить снимет. Присела на кровать. Поглядывает по сторонам. Валька Макаркина приходила. Попросила кадушку для себя. Федечка бондарил. Давно на неё засматривалась, завидовала. Хорошо огурцы в ней засаливать или капусту квасить. Сколько лет, а она не рассыхается. Добрая бочка! Ладно, пусть забирает. И корыто возьмёт. Можно бельё постирать. Удобно. И в записке написала сыну, чтобы вещи раздал. Все, какие найдёт. Пусть соседи заберут всё, что захотят. Не жалко. Кровать хорошая. От бабки досталась. Крепкая — страсть! Сейчас таких нет. Старая Макелиха поелозила по матрасу. Глянула на подушки. По пёрышку собирала. Сама делала. Вон, какие огромные! И перину сделала, Витяйке отдала, когда женился, а они спрятали её. Говорят, что сейчас не модно. Хе-х, слово-то, какое чудное — модно! Почти, как морда... Тьфу ты! Бабка Дарья чертыхнулась. Посмотрела

на окно, потом на ходики. Тьма за окном, но скоро начнётся рассвет. А она же собралась помирать. Надо торопиться. Боженька осерчает, если обманет его.

Нет, Боженька не осерчает. Боженька ждёт. Он любит всех и бабушку Дарью – тоже. Макелиха чуяла, что помрёт. Давно готовилась к этому. И Федечка звал, а там сыночек старшенький ждёт. Все ждут её. Как же друг без друга? Нельзя! Все ушли туда, а она до сих пор небо коптит. Пора бы... А вчера Федечка был. Ни слова не сказал. И взгляд у него был не жалобный, как обычно, наоборот, радостный. Она впервые за долгие годы увидела, как Федечка улыбнулся, так, всего лишь чуть-чуть, но на душе сразу стало празднично. Он поманил к себе, закивал головой, а сам будто по воздуху поплыл и исчез. Видать, знак подал, что время пришло. И она поднялась, а на душе светло. Всё, дождалась своего часа. Весь день, как круговая овца. Вот уж не думала, что так долго будет собираться. Казалось, ляжет в кровать, рученьки сложит и всё на этом. Ан нет! Оказалось, столько дел не завершила – страсть Господня! Замоталась. Силы никакой. Весь день проколготилась. Наставления Вальке дала. Сынку, Витяйке, наказ приготовила. Всё, наверное, от всех дел освободилась.

Старая Макелиха вздохнула, посветлела лицом. Взгляд чистый, покойно на душе, легко стало. Улеглась. Прикрылась одеялом. Руки сложила. Закрыла глаза, поворочалась и принялась ждать. Долго лежала. И опять перед глазами закружился хоровод из цветных пятен, и замелькало огромное поле. Бескрайнее. Вокруг цветы: яркие, красивые, как те ромашки, которые Фёдор приносил. Вовсю кузнечики стрекочут. Солнце – тёплое, огромное, и лучи, словно дорожки, протянулись по цветам. И там, на солнечной дорожке, дождался её Федечка. Красивый. Молодой. Она раскинула руки и закричала: тоненько, восторженно и протяжно. Шагнула в яркий свет и пошла, нет, побежала по светлой дорожке между цветами, над бескрайним лугом, над землёй – навстречу своему Федечке. И полетела в луче, в солнце и ярком свете.

А за окном занимался серый рассвет.



ПОЭЗИЯ

Ирина ЛЕСНАЯ-ИВАНОВА

Ирина Сергеевна Лесная-Иванова – поэтесса, прозаик, драматург, литературный критик, член МГО Союза писателей России, кандидат философских наук, доцент.

Живёт в Москве.



Жизнь и стихи – это два перста!

Вспоминая «Песнь о Роланде»

Трубит, трубит Роландов рог,
И звук несётся вдоль дорог,
И вторит всё ему вокруг.
Король уехавший нам друг.
Да, в схватке легче умереть,
Чем гордость вдруг преодолеть,
И рог могучий сей поднять,
И помощь короля принять.
Но люди рядом ведь с тобой,
Вы связаны одной судьбой.
Зови, зови, Роландов рог,
Спасенье, да поможет Бог!
Гордыню дьявол создавал,
Поработить весь мир мечтал.
Гордыню ты преодолей
И затруби в свой рог скорей!
Роландов рог, Роландов рок
Истории боёв урок...

Посвящение Марине Цветаевой

*Любимой картиной Марины Цветаевой
было полотно В. Сурикова
«Боярыня Морозова»*

Колени нищего с мороза розовы,
Ах, ветер свищет как! –
Везут Морозову.
Орут проклятия вослед саням.
Как на распятие, везут меня.
Была боярыня, да стала пленница.
По коже след огня, но не изменница.
Кричит под пытками душа-раскольница,
А не раскается, а не расколется.
– Пытайте, нехристи, казните первую.
Я буду крест нести, я крепко верую!

Верую в светлое Рождество!
Верую в Господа торжество!
Вестью с небес мне январский снег..
Верую в близких, которых нет..
Верую: выше любовь, чем боль!
Верую: я навсегда с Тобой.
Клятвы тихи, да, как сталь, уста.
Жизнь и стихи – это два перста!

1993 – 2022 гг.

Дом на Баррикадной

Есть Вдовый дом и милость в нём.
Героев вдовы не забыты.
Они твердят:
– Гнездо совьём!
И неубитые убиты.
– Совьём гнездо любви к стране,
К друзьям, подругам, детям, мамам.
Тот вдовый дом приснился мне.
«Не снись! Не снись!» – молю упрямо.
Есть Вдовый дом и слёзы в нём.
Тупая боль воспоминания.
Во Вдовьем доме мы живём,
Забыть стараясь про страданья.
Справляем праздники, смеясь,
И лакомимся пирогами,
Разглаживаем шёлк и бязь,

Но есть Дамоклов меч над нами..
Есть Вдовый дом, а там окно.
Окно в миры совсем другие,
Что веселили нас давно.
Миры лазурно-золотые..
Что означают эти сны?
О, только б не было войны!

Лето 2021 г.

Какая грусть вдруг раннею весной,
Когда лучи ложатся, словно стрелы.
И понимаешь: бренен мир земной,
Как этот снег, когда-то чистый белый.
И хочется с колясочкой идти,
Младенцу-солнцу нежно улыбаться,
И думать: лишь рассветы впереди,
И людям под землёй не оставаться.
Пронзает холод раннею весной,
И лишь воспоминания согревают.
Вот фото. Мама с маленькой со мной.
И радостью глаза её сияют!

Соблазн цветущей сирени

Сирень, как гроздь винограда,
Голодный привлекает взор.
Из горнего, наверно, сада
Кудрявых сих цветов узор.
В них гроздовых разрядов сини
И кротость нежных облаков,
Туман, задумчиво-красивый,
И кружево весенних снов.
Брожу в раздумьях, словно Демон,
Вокруг оград монастыря,
Цветущею встревожен девай,
Твержу, что не сломаю зря
Себе ветвей, роскошных, пышных,
Кудрявых, томных никогда.
Сирень вздыхает еле слышно,
И падает с небес звезда.

Ожидание девы

Стихотворение из одних
назывных предложений

На зимней платформе.
Часы. Ожиданье. Перрон.
Тревога. Странье. Сон.
Сова. Фонари. Звезда.
Вопрос «Ну, когда ж, когда?»
Метель. Холод. Вечер. Зверь.
Громкий собачий лай.
Где-то вдали дверь.
Вход домой или в рай.
Шапки. Пальто. Усы.
Шубы и пуховик.
Снова перрон. Часы.
В небе девичий лик!

К рассказу М. Замшева «Жаклин»

Цветёт жасмин. Чуть прогоняет сплин.
Он среди лета нежная весна.
Я вспоминаю девушку Жаклин.
Спасением казалась мне она.
Цвет платья девы был молочно-бел,
А щёки розоватые слегка.
Я предложить ей руку не успел:
Жаклин вдруг улетела в облака.
Дорога в белоснежных лепестках.
Недолговечна в мире красота.
Как там, Жаклин, на белых облаках?
Приятна ль неземная высота?

Любимец поэтессы

Я люблю этот куст шиповника,
В алых розочках голова.
Мне не надо больше любовника,
Так прекрасны небо, трава!
У природы ласки особые:
Волны моря и солнца свет.
А любовь – это игры новые,
Чтобы дети являлись в свет.
Я люблю этот куст шиповника,
А ещё и куст бузины,
И прошу моего садовника:
«Ты в мои не вторгайся сны!»



ПРОЗА

Марат ВАЛЕЕВ

Бяшка

Случилось это, когда я уже работал в районной газете. Практически сразу после армии начал пописывать туда, редактору понравилось, и он пригласил меня в штат. Сначала корреспондентом, а через год назначил даже заведующим сельхозотделом.

Я без конца мотался по району, поскольку в подчинении у меня зачастую был только один корреспондент – я сам, и собирал материал на всякие сельскохозяйственные темы.

В очередную командировку поехал с водителем Ермеком на редакционном «москвиче» накануне своего дня рождения – мне через три дня должно было стукнуть целых двадцать пять лет!

После интервью с директором об успехах и проблемах хозяйства он накрыл у себя дома дастархан, и вот там-то, после пары стопочек, я и проговорился о своём грядущем дне рождения.

Директор, уже тоже подвыпивший, тут же возжелал мне что-нибудь презентовать к грядущему событию. И отдал распоряжение продать мне барана по себестоимости, что было равносильно подарку, поскольку эта тучная «бяшка» (на самом деле – овца, а не баран), весом около сорока килограммов, обошлась мне всего что-то около двадцати рублей. Которых у меня с собой не было и которые я обещал потом переслать с оказией. Ну, вот такие у нас были доверительные отношения: директор знал, что я не обману.

Мы с шофёром затолкали робко сопротивляющуюся овечку в багажник, предварительно устлав днище куском кошмы – позаимствовали у работников кошары, в которой и был выбран этот крупный представитель мелкого рогатого скота. И, распрощавшись с гостеприимными хозяевами совхоза, поехали обратно в райцентр.

Но поскольку в багажнике «москвича» у нас сейчас возлежала овца, которой, уж извините меня за эту душераздирающую подробность, предстояло быть закланной на моё двадцатипятилетие, мы с Ермаком решили, минуя райцентр,



Марат Хасанович Валеев – родился в 1951 г. Рос и учился в целинном Казахстане. Окончил факультет журналистики КазГУ им. АльФараби (г. АлмаАта). Написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор свыше десятка сборников юмористических рассказов и фельетонов, прозы и публицистики. Автор публикаций во многих российских журналах и газетах. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси»–2008 (номинация юмор), Общества любителей русского слова (номинация проза, 2011), «Рождественская звезда–2011» (номинация проза), имени Виталия Бианки (2017). Член Союза российских писателей.

Живёт в Красноярске.



проскочить в мою деревню, к родителям. До неё было всего двадцать пять километров по асфальту – ничтожное расстояние для легковушки.

Почему в деревню, а не к себе домой? Ну, где бы я держал это животное до часа «икс» в обычной двухкомнатной квартире? На балконе, что ли? И там же с ней расправился? Сам? Да ни за что!

И вообще, день рождения я хотел отметить с родителями и немногочисленными родственниками, и мне с женой и дочкой проще было на выходной приехать в деревню, чем им всем табором тащиться ко мне в райцентр.

Так что овечке, хотела она того или не хотела, предстояло совершить семидесятикилометровое путешествие.

И мы ехали себе и ехали, весело болтая о том, о сём, пока мне вдруг не стало тревожно.

– Слушай, – сказал я Ермеку, – что-то тихо там, в багажнике. Баран наш не задохнётся?

– Да ну! – беспечно махнул свободной рукой водитель. – Я свой багажник знаю, он весь щелястый. А молчит – на то он и баран...

Но всё же, когда мы уже проехали половину пути, я попросил Ермека остановить машину. Когда открыл багажник и поймал на себе печальный взгляд овцы, стало как-то не по себе. В общем, жалко стало мне эту овечку. Я спустился с шоссе и нарвал травы посочнее рядом с лесопосадкой.

– Кушай, Бяшка (так для себя я назвал это симпатичное животное, уже обросшее к концу лета, после весенней стрижки, плотной шубкой пепельного цвета)! – сказал я, протягивая овце пучок травы.

Бяшка лишь вздохнула и положила голову с напозающим на тёмные глаза курчавым шерстяным чубчиком на кошму.

«Мама её непременно острижёт, прежде чем папка зарежет...» – почему-то подумалось мне, и я зябко передёрнул плечами.

– Пить, наверное, хочет, – сообщил вылезший из-за руля Ермек. – Жара вон какая стоит.

Да, несмотря на то, что было уже пять часов пополудни, солнце палило вовсю. Жестяной кузов «москвича» накалился так, что к крыше или капоту было небезопасно прикоснуться.

– Заедем ко мне домой, напоим овечку, – решил я. – А то ещё даст дуба в дороге.

Ермек хотел было что-то возразить, но промолчал. Ещё бы он не промолчал: а кто целых два раза спасал его в ГАИ от верного лишения прав (один из двоих наших райцентровских автоинспекторов был моим соседом)?

Подъехали к моему дому по улице Ленина. Я сбегал к себе на второй этаж – жены и дочери пока дома не было, – вынес в ковше воду.

Бяшка пить отказывалась и всё так же укоризненно смотрела на меня своими грустными глазами и время от времени тяжело вздыхала. Эти вздохи рвали мне душу.

– Давай вытащим овечку из багажника, пусть немного разомнётся, – предложил я Ермеку. – Может, и попьёт потом, стоя-то...

Мы взяли Бяшку в четыре руки за шерсть и под любопытствующими взглядами редких прохожих выволокли животное из багажника, поставили на землю.

Овечка тут же попыталась удрать, но Ермек цепко удерживал её за шерсть. А я подsunул под нос животного ковш, и Бяшка с присвистом стала пить.

Напоив овцу и дав ей попереминаться с ноги на ногу ещё пару минут, мы затолкали её обратно в багажник и поехали дальше. То есть – ко мне в деревню.

По дороге Ермек, уже с явным неудовольствием, ещё пару раз по моей просьбе останавливал машину, и я заглядывал в багажник, чтобы убедиться, что Бяшке едет нормально.

– Ты с ней уже как с родной, – насмешливо заметил Ермек. – Как теперь резать её будешь?

– Почему я? Отец зарежет, – машинально заметил я.

И тут же заскучал, представив, как отец валит Бяшку набок, вяжет ей ноги и, жёстко надавив коленом на часто вздымающийся от испуганного дыхания бок овцы, протягивает к её шее холодное острое лезвие ножа.

Для него это привычное дело – он, обеспечивая нашу немаленькую семью мясом, загубил таким образом не одну животину. Для того всякий скот и выращивался в нашем подворье.

Но я всё острее чувствовал, что мне не хочется гибели этой дурашки-Бяшки, которую меня угораздило купить пару часов назад в совхозе, вырвать её из нестройных, скученных рядов её братьев, затолкать в багажник и увезти от родной отары за десятки километров только затем, чтобы под водку употребить её плоть в пищу на свой день рождения.

Но не возвращаться же с овцой обратно в совхоз и тем более не выпускать на волю одну – очень скоро её прибрали бы чьи-то чужие руки. Да и вон, впереди, уже видна околица моей деревни...

Когда мы подъехали к отчему дому, я, не дожидаясь, пока это сделает кто-то из домочадцев, сам распахнул ворота во двор, чтобы Ермек смог загнать «москвичок».

А когда, завидев нас в окно, во двор вышли удивлённые и обрадованные мать с отцом и младшая сестрёнка – визит мой был неожиданным, так как обычно я приезжал в деревню на выходные, да и не на служебной машине, а автобусом, – я картинно распахнул перед ними багажник легковушки и сказал:

– Вот, дорогие мои, привёз вам в подарок высокопородную овцу, казахский меринос называется. Шерсти с неё тебе будет, мама, столько, что хватит на носки нам всем. И это... ягнят она вам исправно таскать будет.

– Хорошее дело, – довольно кивнула головой моя мама, большая любительница вязать. – Сколько уже говорю папе: давай овец снова заведём, – так нет, не хочет возиться с ними. А чего там возиться: всё лето в стаде будут, а на зиму сена им совсем немного надо...

«Бэ-э-э! – впервые за эти часы подала свой голос, приподняв кудрявую голову из жестяного узилища, Бяшка. – Бэ-э-э-э!»

– Какая красивая! – ахнула сестрёнка. – Да выпустите же её отсюда! А я пойду ей в палисаднике свежей травки нарву...

Вот так Бяшка стала основоположницей нового небольшого бараньего коллектива в подворье моих родителей.

А мяса на мой день рождения отец и так добыл – когда это было проблемой в деревне?





ПОЭЗИЯ



Анна МАЯКОВА

Анна Дмитриевна Маякова – поэт, прозаик, переводчик, член МГО СП России и Союза писателей-переводчиков. Автор шести книг. Печаталась в литературных журналах и альманахах «Великороссь», «Притяжение», «Литературная Республика», «Канатоходцы», «Муза». Дипломант литературного конкурса «Лучшая книга» 2013-2014 и 2015-2017 гг. Финалист Международной ассамблеи писателей (Варна). Награждена Серебряным Крестом и медалью Звёздная строфа.

Живёт в Москве.



Божий мир

Что сердцу нужно?
Божий мир созерцать.
Море бушует.

Жизнь и смерть,
Добро и зло соседствуют.
Единство мира.

Что есть свобода?
Лёгкий бриз над морем.
Птицы полёт.

Что есть радость?
Когда летишь на коне
По ковыльной степи.

Что есть любовь?
Смятение души иль
Нижней чакры зов?

Что есть нежность?
На голове ребёнка –
Матери рука.

Храма купола
Словно малые солнца.
Нет Кремля краше.

Малиновый звон
Душе русской отраден.
Церковь у реки.

Ни души рядом.
Лишь роща берёзовая
Да река глубока.

Тучи ветер
Гонит в вышине.
Понизу пройду.

Пронзили сердце
Чёрные очи милого.
О нём лишь мечтаю.

Душа трепещет –
Близка Луна к Земле
Как никогда.

Троица в храме.
Он, Она и Дитя.
Вера, Надежда, Любовь.

Снег землю объял.
Тепло в доме матушки.
Котёнок играет.

На взгорье – храм.
По зимней дороге
Мать и дочь идут.

Что есть преданность?
Когда твои раны
Собака зализет.

Он и Она в ночи.
Светильник для них –
Луна полная.

Приди! Уйди!
Страсти жестокие
Душу терзают.

Холодный вечер.
В глазах милого –
Бездна чёрная.

Такого неба,
Как на моей Родине,
Нигде на свете нет!

На её окне –
И герань, и гортензия.
На моём – печаль.

Утопилась
В реке молодлица.
Миру всё одно.

Скамья под липой
В прошлое погружена.
Ведь деревом была.

Под небом грозовым
Человек колена преклонил.
Горьку думу думает.

Пеньки белеют.
Вчера здесь роща шумела.
Скорблю о друге.

Ах, нет покоя
Флюгеру на доме –
Всё по ветру нос.

Храм белокаменный
Да три купола с крестами.
Монахи – воины Христа.



Рассказы

А вы и живите

Шёл тысяча девятьсот восемьдесят шестой год. К столовой с песней маршировали солдаты. Подойдя к одноэтажному зданию с толстыми, покрашенными в белый цвет стенами, остановились. Было солнечное уральское утро. Великое множество озёр в этом удивительном крае России уже скинуло с себя прохладный, густой туман, но пока он был, то казалось проезжающим на работу в часть офицерам, что вроде похожа картина сплошного тумана на пожары, только нет, нет, и слава Богу, нет, не пожар это был, а рассвет над могучим, спасшим когда-то всю Россию от долгов, Демидовским Уралом. Прапорщик Сергей Георгиевич Носов внимательно осматривал внешний вид военнослужащих. Высмотрев, что у одного солдата коленки были в грязи, подошёл к нему, отобрал пилотку. Солдат дослуживал второй год, и, наверное, потому многие сослуживцы смело и отчаянно стали защищать друга. Младший сержант Евгений Никуличев, боксёр, родом из Ленинграда громко и очень возмущённо говорил прапорщику:

– Чего взъелся? Толька связь налаживал, в части проверка, и чего бы мы все без связи. Все бы получили. Коленки не успел почистить, извините. Пилотку отдай?

Прапорщик дал команду, чтобы солдаты зашли в столовую, а сам со злобою схватил рядового Анатолия Кочкина за руку и скомандовал:

– Следуйте за мной, солдат.

Сказал-то он сказал, но всё равно не отпустил рядового, вцепился за руку железобетонно. В части была проверка, и произошло небывалое. Обычно, когда идёт проверка, то в воинской части пытаются исправить все недостатки, какие только возможно исправить. А тут сидят в офицерской столовой проверяющие офицеры с высокими званиями, и вдруг напролом к ним рвётся прапорщик с солдатом. Такого совершенно точно не было никогда. Самый главный военный, завидев



Анатолий Владимирович Казаков – родился в Братске 29 января 1966 г. Автор трёх книг прозы. Произведения публиковались в журналах «Истоки» (Красноярск), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Сибирячок» (Иркутск), «Литературная Губерния» (Самара), «Великороссы» (Москва) и др.

Живёт в Братске.



такое, дал команду пропустить прапорщика с солдатом. Прапорщик, указывая на солдата, доложил проверяющим о внешнем виде Кочкина. Генерал Юрий Семёнович Баргузинов спросил у провинившегося:

– Ну что скажешь, солдат? Почему с коленками грязными в строй встал?

Рядовой начал говорить, но сильно поперхнулся, и генерал попросил, чтобы дали солдату воды. Руки Кочкина задрожали, и это было видно всем, и когда он пил воду, зубы его громко стучали об стакан. Попив, солдат тихо заговорил:

– Товарищ генерал-майор! Я связь устанавливал. Виноват. Не почистил обмундирование.

Генерал спросил:

– Ну как, установил связь?

– Так точно.

Генерал скомандовал:

– Рядовой! Можешь идти. Не дали тебе, солдат, спокойно поесть, а за связь, молодец.

– А ты, прапорщик, останься.

Солдат Кочкин ушёл. За столом сидело несколько офицеров вместе с командиром части проверяемого подразделения. Все прекратили приём пищи и смотрели то на генерала, то на прапорщика. На командира части полковника Степанова Панкрата Григорьевича тяжело было смотреть, он вдруг резко осунулся и даже, казалось, постарел. Генерал-майор продолжил речь:

– Ты, Панкрат Григорьевич, не тужи. Ты молодец, таких как ты командиров, поискать. Докладывали мне, что гири тяжеленные поднимаешь, солдатам и офицерам пример подаёшь, даже солдаты, кто спортом занимался до армии, не могут тебя одолеть, это достойный, а главное нужный пример, чего мы с хлюпиками навоюем. Здоровым чеченским солдатам не дотянуться до тебя по гилям, знаю, те по борьбе сильные, но кто на что учился. И как приучил офицеров своим примером короткую стрижку на голове носить, знаю. Были недовольные, дескать, офицерам можно как на гражданке, копны отпустить, не даёшь офицерам забыть, что они офицеры, молодец. А вот прапорщика хочу спросить, ведь известно, проверку все бояться, а ты, товарищ прапорщик, бойца с грязными коленками привёл, не пойму я тебя. Рядовой этот связь наладил, в войну за это награды давали.

Прапорщик вмиг стал бордовым лицом, откашлялся и отвечал:

– Не положено в таком виде в столовую идти.

Генерал-майор, помолчав с минуту или меньше, сказал:

– Может, на командира части ты злой. Зря. Он настоящий, хозяйственный мужик. Ладно, иди, тебе с этим жить. Только знай, прапорщик, я с тобою не согласен. А солдата того грамотой наградите, я подпишу. Он это на всю жизнь запомнит, и Родине послужил, это раз, а два, что справедливость есть в жизни, кто бы что ни думал.

Сергей Георгиевич Носов родился в глухой деревне Андрюшино, сколько таких по Руси с похожими названиями, и не сосчитать веки. Как и всякий мальчишка, любил Сергей свою деревню, но было такое время, когда наверху издали указ – убирать бесперспективные деревни. Да как же это, думал Сергей, сколько молока в город возим, зерна, дед Прохор с войны вернулся в родную деревню, один из всей деревушечки живой и остался. Мама сказывала, как облепили её отца все женщины, и главный вопрос: «Моего не видал

там?» Дед потом до смерти всем вдовам помогал, кому печь переложит, кому косу правит, черенки к лопатам, сроду не считаешь работу крестьянскую. Считал это фронтовик своей святой обязанностью, говаривал, де, чтобы робята там на небесах, то бишь его деревенски друзья на него не обижались. А дед и чуял нутром, что робята, его сердешные друзья не держат на него зла, ломил с первых петухов, до темна, и землячки кланялись Прохору за его надсадушку, бывало, в пояс. А как бредешком рыбку с дедом ловили, эх и радовалась вся деревня, а как не радоваться, все досыта рыбки отведали, опять же дед расстарался. Да обязательно проследит, чтобы в каждом доме деревни рыбка была. Доволен после был шибко, присядет на скамью, а у самого сердешного вся рубаха в поту, мать просит, чтобы сменил рубаху, а дед ни в какую. Говорит, де, баня коли будет, тоды и смену, ахнет ковш браги по этому делу, да мохорку курит. Мама видит, отец рад, и сама словно ангел на небесах, и вся изба оживала в такие моменты жизни. Но недолго пожил дед после войны, раны одолели. Бывало, лежит на печи, кряхтит, глубоко вздыхает, стонет, и не раз говорил его дед Прохор: «Исдохнуть лучше, чем так маяться». А любимый затуманный пруд с карасями, а коровушки, овечки, куры, а природа с солнышком с пригорочка, и всё это бросай, оторвать бы голову, за такие указы. Любил Сергей гладить корову Красотку по голове, любил смотреть в добрые коровьи глаза. По душе было всё, и суп в чугушке из русской печи, сколь не хлебай, а вкусно так, что дыху не хватает нарадоваться на всё, что окрест. Погост, могилка дедова, это ж святое. Положит мама пирог на бугорок с крестом, и только отойдёшь, вороны пирог клюют, им знамо дело, тоже есть охота, вся живность на свете чё-то тоже соображат. В деревеньке их, родной до боли, было пятнадцать домов, по многу детишек в кажинной избе, кто уж вырос, кто ещё мал, переселяли их теперь в посёлок, а как стали жить в посёлке, шёл Сергею уже восемнадцатый год. Сергею казалось, что его же местные деревенские парни, вроде как пресмыкаются перед поселковыми парнями, брало зло, но Сергея из своих никто не поддержал. И вот армия. В армии встретил молодую повариху Любу, завертелось, и отучившись на прапорщика остался служить в части. Люба была доброй, весёлой, красивой женщиной, и часто грустившему Сергею с ней очень повезло, он это осознавал. Годы шли, приходили молодые лейтенантики, многих наставил Сергей на правильную дорожку, и уж смотришь, эти неоперённые лейтенанты становились капитанами, майорами, подполковниками. А он, Сергей Георгиевич, по-прежнему был прапорщиком, его это злило. Понимал, что никто в этом не виноват, но злило. Жена его Люба на тяжёлой поварской работе быстро стала стареть, да и Сергей покрылся сединой. Их единственная дочка Нюра вышла замуж и уехала жить в далёкий сибирский город Усть-Илимск. Но детей у дочки, а стало быть, внуков не было, хоть и прожили молодые два года вместе, это тоже огорчало. Зачем так поступил с солдатом? Втемяшилось в башку зло, которое всю жизнь меня не отпускает, вот и накинуся. Сослуживцы в Афгане воюют, погибают, награды государственные имеют, всё правильно, кто мне не давал. Прав генерал, теперь с этим жить.

Было это лет пять назад, заболела Люба, предстояла операция, и на её место взяли временно другого повара. И вскоре солдаты стали обижаться, что сала в порциях стало мало, а мясо почти исчезло, хотя в их воинской части было своё довольно крупное подсобное хозяйство по выращиванию свиней.

Сергей Георгиевич стал думать, и после того, как Любу выписали из больницы, однажды спросил её:

– Люба! Вот чую я, что повариха, что вместо тебя сейчас работает, ворует мясо и сало. А как доказать? Солдаты обижаться стали, желудок не обманешь. Солдаты из пустого в порожнее не будут, надо что-то делать.

Люба задумалась:

– Меню мне известно, и завтра будут давать перловку, так вот сало в подливе подадут в отдельных больших тарелках, ты возьми одну или две тарелки, подойди к весам и взвесь, должно быть столько-то грамм. Если меньше, вот и факт воровства, и не бойся, Сергей.

На следующий день, когда солдаты зашли в столовую и хотели приступить к приёму пищи, прапорщик Носов запретил принимать пищу. Взял две тарелки с салом в подливе и взвесил на весах, удивился тому, что показали весы. Вызвал командира части, воровство вскрылось, повариха была уволена.

И вот теперь Панкрата Григорьевича подвёл, а ведь Панкрат ничего мне не скажет, даже в кабинет не вызовет, никакого разгона не будет. Будет в душе переживать, знаю наверняка, но мне точно ничего не скажет, даже приободрит, мол, ничего, держись, что сказать, святой человек.

Было это прошлым летом. Солдаты, прибывшие проходить воинскую службу из Белоруссии, где-то добыли спиртное и выпили. Вокруг части стояли деревни, посёлок не так далеко, добыть спиртное всегда можно. Панкрат Григорьевич собрал всех на плацу, и сказал:

– Эх, белорусы! Ваши деды в войну жизни не жалели, сражаясь с фашистами, а вы будучи солдатами, водку взяли пить, ну какие же вы защитники Родины. Вы получите наряды вне очереди, но это не главное. Я сам белорус, и мне стыдно, что у меня такие земляки. Вы что думаете, если мирное время, так что, надо расслабиться? А вы понимаете, сколько раз мои солдатки пожары тушили в деревнях, хлебозавод горел, помогали тушить, зэки сбежали из тюрьмы, и мои солдаты их изловили. Наша часть занимается обеспечением полётов, штурманов для страны обучаем, вы понимаете, как это всё важно для нашей Великой страны.

Было видно невооружённым глазом, что солдатам после такой речи командира стало стыдно, а Сергей Георгиевич был потрясён речью командира, которого он когда-то знал лейтенантом. И вот теперь он подвёл такого человека, сволочь я после этого, точно сволочь, всё злость моя непроходящая.

Прошло какое-то время. И в один из дней прапорщик Носов зашёл в чепок (кафе на территории части), взял себе сока, печенье и беляш. Аппетита не было совсем, заставил себя съесть горячий беляш, выпил полстакана сока, а вот печенье есть совсем не хотелось. Вдруг в чепок зашёл солдат, и прапорщик узнал в солдате именно того самого с грязными коленками. В чепке было четыре столика, три из них были полностью заняты, незанятым был только столик, за которым сидел прапорщик. Солдат взял себе пирожок с соком и повернулся к столикам, видно было Сергею, как, завидев его, рядовой остолбенел:

– Иди солдат, садись.

Кочкин неуверенно сел за столик, откусил пирожок и стал медленно жевать. Страх в солдате не было, за два года службы, всё повидал. Били старослужащие их, не жалея, и хоть командир части боролся с этим злом,

искоренить до конца не получалось. Была эта встреча, конечно, неприятна для обоих сидящих теперь за одним столом, но жизнь мудрее всего на белом свете, и, наверное, должен был состояться этот разговор, раз уж так случилось в жизни. Сергей Георгиевич, видя смущение солдата, тихо заговорил:

– Ты, солдат, ни в чём не виноват. Это мои грехи. Дослуживай, возвращайся к родителям.

Помолчав несколько мучительно долгих секунд, добавил:

– Вроде, получается, выслужиться я хотел, непонятная эта злость во мне, и мне с этим жить, прав генерал. Прости меня, рядовой. Печенье, если хочешь, ешь.

Прапорщик поднялся, слегка похлопал по плечу рядового и ушёл. Кочкин есть печенье не стал, но взял с собою, отнёс в часть и отдал только начинающим службу солдатам. Те были безумно рады, и через минуту печенье было съедено.

Солдат, отслуживших срочную, отправляли по домам партиями. Но случилось так, что начальник штаба, майор Заяц обнаружил окурок возле тумбочки Кочкина, разозлился и сказал, что рядовой пойдёт домой в последнюю партию, а это означало, что Новый год придётся встретить в поезде. Молодой лейтенант, видя разозлившегося майора, подошёл к нему, что-то сказал, но майор слушать его не стал. Тогда лейтенант Скуратов, специально пошёл за майором в штаб, и в кабинете состоялся разговор:

– Товарищ майор! Можете наказать меня, но выслушайте. У рядового только мама, отца нет, но не это главное. Мы в части кабель под землёю медный проводили, плиты аэродромные не трогали. И вот идёт траншея, ложиться кабель, а на пути плиты, если убирать их, сколько провозишься, а самолётам летать надо, и вот под плитами прямо в землю, трубу вгоняли кувалдой, а труба закончилась. Кочкин наш сварщиком был до армии, приварил он другую трубу, мы пробили дальше, воткнули в трубу кабель, подбили. Словом, кабель был проложен, не трогая плит, и так по всему аэродрому. Давайте отпустим солдата не в последнюю партию домой, он это заслужил трудом своим.

Майор дал команду, чтобы Кочкина отправить во вторую партию, в первой половине ноября. Солдат Кочкин был благодарен лейтенанту Скуратову за заступничество, казался он ему каким-то словно из кино, а меж тем был Иван Андреевич Скуратов просто от природы добрым офицером и, зная о том, что солдаты очень хотели поесть досыта сливочного масла, всегда угощал солдат не только маслом, но и другими нехитрыми яствами. Случалось это в основном, когда шли работы на аэродроме, и солдаты в благодарность за угощение старались работать лучше и не подвести своего командира. Настал последний день службы солдата Кочкина. К вечеру его с другом Женей Никуличевым и земляком из города Зимы повели в гараж. Водитель УРАЛА уже завёл мотор, солдаты готовились к посадке. Кочкин толкнул в плечо майор, рядовой обернулся и увидел недалеко прапорщика Сергея Носова. Прапорщик подошёл к солдату, и было видно, что далось ему это нелегко:

– Езжай домой, солдат. Ты хороший солдат, на гражданке, думаю, не пропадёшь. Зла на меня не держи, я в злости этой много лет живу, тошно, как из деревни уехал, так и живу, ничего хорошего в ней нет. Если бы не жена, повесился бы, наверно, ради неё живу. Живи весело.

Носов замолчал, и Кочкин заметил, как из глаз прапорщика полились слёзы, и он небрежно смахивал их перчаткой. Кочкина уже торопили, и он быстро сказал:

– Товарищ прапорщик! Я не злюсь, правда. Генерал сказал вам, что вам с этим жить, а вы и живите, любите жену, она нас очень вкусно кормила, мы все солдаты ей очень благодарны, всегда добавку давала. И про то, как вы воровку поймали, солдаты всем призывам передают. Простите, надо бежать, любите жену, и всё будет хорошо.

Военный УРАЛ уже как двадцать минут назад выехал из гаража, а прапорщик Носов стоял как вкопанный на одном месте. Он был благодарен за сказанные ему солдатом слова. Да, он будет любить свою Любу, он будет ждать внуков от дочери, слёзы всё катились из глаз военного, и он уже не вытирал их перчаткой, а уральский снежок тихо шёл, словно шепча человечеству, что скоро будет Новый год...

Корзина с черникой для тяти

У Дуняши отец сидел в изоляторе. От односельчан узнала, что приехал в колхоз какой-то высокий начальник, ругал председателя, батя её родненький шофёром председателевым был. Почитай, одна рама была, а не машина, фронтовые друзья помогли, эх и долго отец провозился, не спал толком, за сердце хватался. И вот машина на ходу, после председателя упрекало районное начальство, де, на персональной машине с личным шофёром ездит.

Что случилось, толком никто не знал, но наверняка было ясно, что дал в морду тому начальнику ейный тятя. «Одни-одинёшеньки мы с папкой-то на Божием свете, а я как дура за черникой в лес убегла, чуяла, чуяла нутром, не надо идти!.. Да поди ж, останови меня».

Слёзы капали, и не спрашивали на то разрешения у Дуни, капать им или нет. И сколь ни живи человек на земле, именно память живёт с человеком, и никуда от неё не деться, ежели в разуме находишься.

Пока шла до дому, вспомнила маму, Татьяну Андрияновну, как голодали. В сорок четвёртом это было. Холодной, промозглой осенью убегла маманя на работу в штопанной-перештопанной телогрейке. Дуня в тот день натомила картошки в чугуне, в избе было прохладно, сэкономили дрова. Под вечер пришла мама, зашла в избу, с трудом скинула с себя телогрейку. К картошке не притронулась, легла, а к утру померла.

Председатель Степан Егорович сам гроб сделал, да всё винился перед Дуней, де, прости, что доски не струганы, мужиков нет, а он один. Состругал бы, да рука совсем отнялась. Видела Дуняша, как мается председатель с одной рабочей рукою с гробом энтим, и думала, вот церкви отменили, а Егорович наш для нас святой и есть.

В слякоть осеннюю повезли на телеге гроб, а погост-то на горе крутой, лошадь чуть было не упала, не может вытянуть, так бабы всем миром толкали эту телегу. Похоронили, а чем поминать, даже браги нет. Егорович спирту принёс, где добыл, не ведомо, с квашеной капустой, солёными грибами помянули.

Ох, грибочки энти, досталось тоды председателю. Приехал высокий начальник, а Егорович всех в лес отпустил, чтобы грибов набрал люд. Начальник орёт, а Кочев ему в ответ:

– Хошь расстреливай, бабёнкам моим сердешным есть нечего. Не веришь, пошли в любую избу. Мы что, дети маются голодом. Не переживай, уберём хлеб, ни одного зёрнышка в поле не оставим. Они главно дело в обмороки взялись падать, пусть грибочков да ягодок отведают, всё одно, вишь дожжик поливат.

Да слабые какие все были, ровно по глоточку спирта, хлебок один, а все опьянели, опьянешь тут, изработанные клячи, индо спасу нет. Лошадидохнут, а тут человек. Тятенка с бойни окаянной хворый вернулся, худющий, индо щепка. Десять банок тушёнки припёр, как донёс, ежели сам такой, непонятно, энтю, по всему видать, бабушкина иконка Николы Угодника спасла его, медная она с два спичечных коробка будет, не вымолвить, не вышептать словами энтю дело, тут наша Русь крепко обозначена.

Теперь засадят в тюрьму, мы – простые люди, заступ за нас никто не примет. А отец войну прошёл, весь израненный воротился, кашляет по ночам, спасу нет, одышка мучает, сколь раз баяла, брось курить, в ответ одно тростит: «Нет, дочка, не отымай радость, у меня две радости, ты да табак, остальное всё жизнь выжгла».

Так, вся в слезах, с корзиной полной черники и дошла Евдокия до своего палисадника. Дед Еремей окликнул её:

– Постой, девка! Подь-ка сюды. Понеже.

Дуня подошла не спеша к деду, силы оставили девушку напрочь, поставила на землю корзину с ягодой, черника же переливалась на солнце красиво.

Дед, поглядев на девушку, а после на чернику, тихо-тихо заговорил:

– Гляди, милая Дуняша, какая приглядна картина получатся, черника-то твоя в корзине вона как переливатся, а ведь это берёзка твоя за палисадом шелестит листочками от ветра-ветровича, солнечные зайчишки проникают в твою корзинку, вот перелив и сподобился быть, красно глядеть.

Дед помолчал, словно вмиг постарев:

– Я ить, девонька, видал всё.

Дуня встрепелась:

– Как видал? Сказывай, дедулька, сказывай родненький скорее:

– А чо, твой Силантий Спиридонович сама знашь какой. Хошь и хворый совсем с войны вернулся, а ведь не выдюжит, ежели ково несправедливо забидят. На лобно место сам себя определил за правду, м-да.

Старик помолчал немного, собираясь с мыслями, как бы помягче новость передать: тяжело девоньке, ох, тяжело. Это не лошадью любоваться, как она из реки воду пьёт, тут у самого поджилки трясутся, нет, не от страха, отбоялся ужо, от старости и переживаний трясутся.

– Начальник тот, хошь и молодой, лет за тридцать, наверно, комсомолом ране руководил, вот и выдвинули на должность большую, а энтот начальник уж пузатый, много ли с войны лет прошло, десять лет, а они уж пуза наели. С людьми надобно уметь баять, через это жизнь ход даёт. А энтот, гусь стое-рословый, стоит, орёт на Егорыча, де, колхоз по сдаче мяса государству плохо работает, так и баял: «Ни хрена не работаете, лентяи, дармоеды». Ругал председателя и за то, что на совещания ихние не ездит.

А коли ему, сердешному, всё за нас погибат! Степан Егорович ему в ответ: мы, мол, пока с мясом не сможем дать план, зато по зерну перевыполнили, рожь как всегда, мол, выручат.

А тот пузан снова заорал: де, чё, мол, про прошлый год поминаешь, есть у него информация, что по ночам колхозники овец воруют. Степан Егорович ему

в сердцах и ответил: «Мы войну страшную пережили, сколь похоронили, не на войне, а здесь в родном селе от голода, деда, дети, женщины, старухи помирали, я для детишек гробики сколачивал когда, думал, сам сейчас в гроб улягусь, надсада, как сердце не лопнуло, всё на фронт. Погост разросшийся крестами да звёздами, вот где доказательство наших подвигов и скорбей. Надо же по заповеди Божьей, баю, в скорби жизнь наша. Да, ежели, и взаправду, кто украл овцу, хотя это надо проверить, то не от хорошей жизни. По мне, так я бы в каждый дом по овце бы отдал, пусть поедят, сердешные. Нет мочи глядеть, они, колхозники, спасли солдат от голода, а сами погибали. А теперь сымай с должности, но я тебе правду сказал. Технику по любимчикам распределяете, эх, да о чём с тобою толковать!.. Ведь мать тебя на свет Божий рожала, а ты словно вражина какая».

Тоды пузатый тот начальник говорит: де, вы все, председатели, одну песенку поёте, а работать не хотите.

У Егоровича нашего слёзы из глаз покатились, да чего греха таить, я и сам слыша таковое, обронил слезу, дыхание напират, да напират, кабы не околеть тут думаю, еле отудбил.

Тут твой отец, Силантий Спиридонович, подошёл к тому грозному начальнику да по роже его жогнул. Тот на землю завалился, очухался и давай орать, что посадит, а отец твой возьми, да ишшо раз огоревал его по морде отъеденной. Пузан снова завалился.

Контора рядом, позвонил, приехали архаровцы, пять километров на машине ехать, рази долго. Ты вот к полудню корзину ягодок набрала, а батю твою за правду забрали.

Бабы наши орал на милиционеров, не пужались, коли тятю твою забирал. Заарестовали, окаянные, приказ, етит твою. Главно дело, молоденькие милиционеры-то, а бабы наши орут, вы, де, не воевали! За Силантия заступ приняли. Молодцы наши бабоньки, как таких не любить.

...Дуне было уже восемнадцать лет, на днях на сенокосе правила косу и порезала себе сильно пальцы, да так, что даже возили в район на телеге. Но деревенскому человеку сидеть дома немислимо, подумала, хошь с одной рукой, да к полудню наберу ягодку, тятя сердешный хворает, а я ему с молочком дам, пусть хлебает пользительное ёдово.

Глядя на мокрую, перебинтованную руку девушки, дед горестно вздохнул, от росы намочила бинты, с одной рукой испробуй, набери ягоду, не кажинный сможет, ух, молодчиночка. Трёхжильный хребёт у нас, деревенских. Но тут в его глазах что-то переменялось, он быстро стал говорить Дуняше:

– Стало быть, так. У меня в районе сын в милиции сержантом, он шибко идейный, но испробую я его уговорить, передать еду для бати твоего. Ну, давай девонька, ступай домой, спроворь для тяти чево, а я иду коня запрягать.

Евдокия метнулась в избу, позабыв про корзину с ягодой. Когда доставала из погреба солёное сало, глядела на камни, которыми были обложены стены погреба. Ох, тятенька, родненький, сердешный, потаскал же ты эти каменья из реки, измаялся. Мама всё кваском тебя поила, любил ты её ядрёный квас, да кто ж не любит. Да, то ишшо до войны было, сильный тогда отец был.

Положила на полотенце домашний хлеб, с десяток яиц. Дуня натомила ещё вчера, взяла с собой в лес пару яиц, не съела, с ними и вернулась, теперь бережно положила и эти два яичка к общей кучке, налила в большую бутылку молока.

На полотенечке этом она вышивала узор, на котором был изображён петух, красно получил, тятя хвалил. Почему выбрала этот образ? Да потому, что будит петушок всю деревню утречком, де, подымайтесь люди, не ленитесь, работайте, тоды и еда в доме будет.

Но теперь было не до весёлых мыслей, лишь мельком мысль эта про петуха зашла в голову, это Боженька её спасает, чтобы с ума не сойти. Помолилась на образа. Как там тятя сердешный?.. Озяб, небось, казематы окаянные. Надо же, слово какое – «сердешный». Вспомнила Дуня и о том, что детей в их деревне, у которых погибли отцы на войне, называли люди «сердешники»...

Дед Еремей Евграфович к этому времени уже подъехал к дому Дуни и обратил внимание, что корзина с ягодой стоит прямо на дороге. А подле корзины стоит соседский мальчонка, махонький совсем, но успел зачерпнуть ручонкой ягодку, весь рот чернющий был, подбежала маманя его, да по заднему месту шлёпнула, де, не бери чужого. Деду сказала: «Простите нас». Еремей махнул рукой. Выбежала Дуня, передала передачу деду и, глядя на корзину, ничуть не удивившись, что позабыла её на дороге, вдруг сказала:

– Ежели милиционеры не будут соглашаться передачку тятю передать, ты, Еремейшук, всё одно им эту корзину с ягодой отдай. Может, с тятенькой помягше будут, чай, не звери. С Богом! С Пресвятой Богородицей! Со всеми святыми угодниками! Езжай!

Пять километров до района, да на лошади, путь недолгий. Еремей думал в дороге, как он будет упрашивать сына Данилу передать заветную передачку. Ежели дело не выйdet, Дуня как бы не погибла, рука вон больная, а вдруг ухудшение. Ох, горе-горькое! Ежели с похмелья, опохмелишься, и гоже на нутре деется, а тут только рази молитва поможет, чтобы сердце с душою не лопнули от надсады неминуемой.

Сына дед застал дома. Зашёл в избу, поздоровался, обнял внука. Данила у него был самый младший, двадцать пять лет. Так в деревнях – старшие дети женятся, младшие рождаются на Божий свет, чтоб Россия жила. Последыш был его сын, а их жальше всех, вот, видно, избаловали, идейный, ёна-Матрёна, как подход найти?..

Всё как есть обсказал сыну Еремей, но как и предполагал дед, сын был идейным, и отказывался передать передачку. В дом зашла жена Данилы Пелагея, молодая, очень красивая женщина, и с порогу обратилась к деду:

– Дед! Ты для кого ягодки набрал? Черничка моя любимая.

– Да хошь, всю забирай, только бы Данила передачу передал.

Еремей, не дождавшись окончательного ответа сына, вышел из дома. Дыху от переживаний в груди не было. Сел на телегу и медленно, дрожащими руками, скручивал самокрутку.

Данила вышел из дома, подошёл к отцу:

– Ладно, передам я твою передачку, только корзину с ягодой заберу себе, Пелагею утешить.

Еремей сидел на телеге, сильно сторбившись, он был ветхим стариком, пережившим на своём веку страшные войны, и всё дивился про себя: как это он ещё жив?.. Сын вдруг понял, что отец его уже дряхлый старик, и Данила взволновано спросил отца:

– Ты, отец, захворал што ли?

Старик достал тряпошный мешочек, насыпал в него чернику и тихо сказал сыну:

– Я немного убавил, хватит вам, только ты, сынок, Силантию-то передай и

чернички. Он хворый, войну прошёл. Фронтовик он, понимать надо. Ты скажи там своим сотоваришам, чтобы не забижали яво. Хошь, на колени ботнись, сынушка, перед тобой!.. Я понимаю, ты идейнай, а Силантий-то четыре года фашиста бил. Теперя точно посадят, в этом сомненья нет, эх.

Данила изменившимся голосом, с изменившимся лицом, сказал отцу:

– Эх, не утерпел. Не надо бы дяде Силантию в морду-то давать начальнику. Он жирный, бегат, чаво ему станет. Я помню, маленький был, нам дядя Силантий дудочки ножом вырезал, бегали всё по деревне, радовались.

Дед продолжал тихо говорить сыну:

– У тебя, сынок, вона морда какая больша да красна, ты помене ешь, тоды в норму войдёшь. Ране посты люди не просто так блюли, для здоровья и укрепления духа, и молитвы главное дело.

...Когда в изоляторе Силантий получил передачу, отведал он и чернички. Пока ел, вдруг сказал:

– Это, едрёна корень, эликсир радости от дочки. Пользительна ягодка-то.

Председателя Степана Егоровича Кочева вскорости сняли с должности, на совещании так шарахнули, что лежал в больнице целый месяц. На селе все его жалели. С новым присланным председателем колхозные дела пошли намного хуже. Из тюрьмы Силантий не вернулся... Евдокия вышла замуж и прожила жизнь более-менее счастливо, но всегда, когда вспоминала роднёного тятеньку, в глазах стояла корзина с черникой.



Тикси

Тикси – посёлок городского типа сегодня стал доступен практически каждому, кому он интересен. Несколько раз в навигацию – с июня по август – по Лене от Якутска до Тикси и обратно ходит круизный теплоход «Михаил Светлов». Есть теплоход рейсовый «Механик Кулибин». Он ходит чаще, делает меньше остановок (и только по делу), менее комфортабельный. Но это бюджетное мероприятие – поездка на «Кулибине». Правда, и стоянки у него короткие. А вот «Михаил Светлов» – именно теплоход для отдыха. Не дёшево, но очень комфортно на нём находиться. Все удобства и потрясающий ресторан. Я много езжу, так что знаю, о чём говорю. Ресторан – уровень дорогого отеля 5+. Шведский стол, разнообразное меню, изысканная подача. Прекрасно обслуживают. А всё потому, что стоянок теплоход делает не так много, как, к примеру, на Волге, самое привлекательное – фантастические берега Лены, но они – ближе к дельте. А в остальное время бездельники (это мы) болтаются по палубам и салонам, читают, смотрят кино, слушают лекции. Нас развлекали артисты прекрасным фольклором и вокалом, рукоделием. И ели без остановок!!! Даже на стоянках – то угощения (голубика, брусника...), то капитанская уха, то строганина в якутских балаганах. И, конечно, рыбалка. С берега. На удочки (я



Марина Анатольевна Замотина – член Союза писателей России, литератор, журналист, редактор. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Москве.



не спец в этом вопросе), больше похожие на спининги. Щука ловится элементарно. И ещё какая-то рыба к нам легко цеплялась. Язь и окунь точно были.

Конечная точка маршрута – Тикси. Раньше теплоход обходил о. Быховский и швартовался в порту посёлка. Но некоторое время назад попал в шторм, а «Михаил Светлов» – речное судно, плоскодонное. Были большие проблемы. Проблемы есть и сейчас, даже при движении к порту Неёлово. От Неёлово до Тикси 5 км по суше. Но и для таких судов, как наш «Михаил Светлов», любой ветер – неприятная ситуация. Если мы долбанёмся дном или боком, запросто что-нибудь продырявим. А швартуется судно в Неёлово к старой барже.

Хотя остановки по маршруту – это отдельный восторг! «Отдать швартовы» или «Принять швартовы» в нашем случае – это привязаться за грузовик, за трактор, за какие-то кусты или камни обыкновенные. По реке Лене нет причалов. На этой реке нет плотин и водохранилищ. Мост – и то один, далеко в верховье реки в районе Усть-Кута, а это Иркутская область. От Якутска до дельты мостов нет. Лена очень разная, широкая и тихая, гневливая и бурная. Намывает острова, а потом сама же их сносит. Берега есть высокие, а есть низкие. Красива она, река Лена! Строга и сварлива временами, а порой ласкова и тиха. Но обманчива и опасна, даже если кажется уютной и безобидной. Купаться в ней не рекомендуют, много водоворотов и очень сильное течение. Впадающие в Лену огромные руки Алдан, Виллой и Витим тащат много всякой дряни и земли вперемежку с песком и гравием. Берега реки и её острова заслуживают отдельного рассказа.

Итак, мы, хотя и были предупреждены об ухудшении погоды – усилении ветра и возможности отхода теплохода от причала на рейд, благополучно пришвартовались.

Вышли на берег – песчаный и пустынный. Инфраструктуры никакой. Ноль удобств и условий.

Ждать пришлось недолго. Нас встретили.

Тикси – один из самых северных населённых пунктов России. Расцвет экономической и культурной жизни этого посёлка пришёлся на начало 80-х годов прошлого века. Потом последовал застой, а с началом 90-х – упадок и разруха. Начало нового столетия, если судить по фотографиям и отзывам тех, кто приезжал в Тикси в те годы, ознаменовалось разрухой полной. Сейчас, в 2022 году, не скажу, что посёлок процветает, но есть явные признаки улучшения обстановки.

Сам Тикси делится (раньше тоже так было) на два посёлка: Тикси-1 и Тикси-3. Про Тикси-2 спрашивать бесполезно, никто про него ничего не знает. Наверное, его нет и не было никогда.

Градообразующим предприятием до недавнего времени был Тиксинский морской торговый порт, который располагается в Тикси-1 и всегда имел большое значение для Северного морского пути. Всё администрирование Тикси, как и центр активной культурной жизни, находились в Тикси-1.

Тикси-3 – это посёлок военных специалистов и авиаторов, он расположен в восьми километрах от Тикси-1. В 2012 году из Тикси-3 вывели подразделения Дальней авиации России, которые базировались там с 1956 года, сняли аэродромное оборудование со взлётно-посадочной полосы и увезли всё хозяйство в другое место.

Но аэродром в Тикси есть. Понятно, что не военный, раз мы его проезжали и разглядывали в окна машины. В наличии на тот момент имелся небольшой сарайчик (видимо, руководство и аэронавигация), два вертолёта

оранжево-синей раскраски и самолёт, внешне похожий на грузовой. Когда мы вечером ехали в обратном направлении, то не обнаружили на территории аэродрома никаких изменений. Но какой-то самолёт над нами днём пролетел. Говорят, сейчас нет прямых пассажирских рейсов до Якутска. Но какие-то местные пассажирские перевозки наверняка осуществляются. Если рейсов нет сегодня, это не значит, что их не будет завтра.

К сожалению, нам ничего толком не рассказали о посёлке. Его историю мы изучали сами по публикациям в интернете и книгам. Заранее, конечно.

По сведениям из СМИ, Тикси попадает в программу социально-экономического развития Арктической зоны России. В рамках развития военной инфраструктуры Северного флота России в посёлке Тикси идёт активное строительство нового военного городка блочно-модульного типа, в котором размещаются подразделения нового армейского соединения. Подобные уникальные административно-жилищные комплексы замкнутого цикла позволяют обеспечивать автономное существование военным в течение восемнадцати месяцев, без негативного влияния на окружающую среду.

Мы видели какие-то зелёные строения в стороне от нашего маршрута. Сделали вывод, что это именно Тикси-3 со счастливыми пэвэошниками за новым забором. Чуть позже я прочитала, что в конце сентября 2019 года свершился исторический момент. В Тикси официально сформирована и расквартирована новая дивизия ПВО Северного флота, которая будет в дальнейшем обеспечивать безопасность воздушного пространства над Северным морским путём и охранять арктические рубежи России.

Нас, как туристов с комфортабельного теплохода, выпустили из машины у стелы «Тикси» для фото. Кстати, представитель принимающей стороны, встретив нас на причале в Неёлово, с извинениями металась по ржавой барже. Нам не хватало транспорта, чтобы переместиться с причала в центр посёлка. Встретил нас один старенький «Пазик», три серых «буханки» моего возраста. Их она назвала «Санитарами». Видимо, они приписаны к медучреждениям. Ещё было три частных автомобиля – более или менее приличных праворульных «японца». Обещанный автобус от военных почему-то к нам не доехал, а ещё две «буханки» тоже по каким-то причинам на причале не появились. Конфуз, однако! Хорошо, что в нашем круизе не было иностранцев. Обычно по этому маршруту «Михаил Светлов» в каждую навигацию ходит 4 раза. До пандемии так и было. Но теперь удалось собрать только два рейса. Да и то – предыдущий до Тикси по погодным условиям дойти не смог. Мы добрались. И уже только поэтому были счастливы. Но иностранцев с нами не было. Да и нас оказалось меньше. На теплоходе можно разместить около 120 туристов. Нас было 85, и около 15 – дети. Может, и больше, точно не скажу.

Не буду приводить статистику по посёлку Тикси-1. Это можно посмотреть на их официальном сайте.

Начало нашего знакомства с Тикси состоялось за посёлком. Около трёх ветряков, один из которых не работал, у нашей машины спустило колесо. Мы выбрались наружу и пошли пешком. Не больше полутора км.

О ветряках. Цитирую (информация из местных электронных СМИ): «В ноябре 2018 году в Тикси введена в эксплуатацию уникальная заполярная ветряная электростанция. Ветропарк состоит из трёх ветроустановок японского производства, мощностью по 300 кВт каждая и является первой очередью будущего Арктического ветродизельного комплекса. Каждый киловатт-час,

произведённый ветроэлектрическими установками, экономит около 250 грамм дорогостоящего привозного дизельного топлива и предотвращает выброс в атмосферу около семи граммов углекислого газа. За год эксплуатации станция продемонстрировала высокую эффективность своей работы».

Я знаю мнение нескольких уважаемых мною специалистов, которые выступают против установки ветряков. По их мнению, «игра не стоит свеч». С ними можно согласиться, а можно и возразить. Лично меня в тот момент интересовал только один вопрос: «Почему один агрегат из трёх не работает?». Но мы не проблемы ветряков приехали обсуждать, а потому бодро отправились к месту сбора группы. В очень красивое место.

У горы Четырёхзубки нас ждал обряд, угощение и чудесное представление, организованное силами местной самодеятельности. Прекрасная музыка, красивые девушки в национальных костюмах. А еще порадовали впечатления от тундры. С нами путешествует учёный, специалист по ботанике, от которой мы узнаём много интересного в этой области. Она приучила нас внимательно рассматривать растительность, делать фотографии, чуть ли не стоя на четвереньках. Вечером мы в нашей каюте рассматриваем фотографии на телефонах, фотоаппаратах и в ноутбуке. И – полный восторг! Иногда бывает, что удаётся заснять удивительных представителей местной флоры.

От горы, где нас радовали фольклором, виден порт Тикси. Но мне он показался на удивление пустынным. Очень жалею, что нам не дали возможности там прогуляться. Знаю, что в порту есть памятник первопроходцам. Да и вообще, интересно же!

Зато водитель выпустил нас из машины у стелы, сообщающей, что Тикси – морские ворота Якутии. Залив, в котором находится посёлок, и в самом деле самое удобное место для порта в дельте Лены. Хотя определённые трудности в его работе и тут есть. Постоянно дуют ветра, сносящие плоскодонные речные суда, выходящие в море. Пусть на совсем небольшое расстояние, но это всё равно проблема. А для морских судов – порт Тикси не располагает достаточной глубиной.

Посёлок Тикси вырос вокруг торгового порта. Порт не международный. Каботажный. Некогда он был градообразующим предприятием. Природа распорядилась так, что большую часть времени Тикси – эти морские ворота Якутии находятся на замке, ведь арктическая навигация длится всего три месяца – с июля по сентябрь. Цитирую: «Объёмы грузов, которые принимает порт, сегодня упали до минимума и ограничиваются в основном нуждами посёлка. В лучшие времена за одну навигацию порт перерабатывал до 850 тысяч тонн грузов; для сравнения, в последние годы за навигацию порт переработал не более 10 тысяч тонн. Производственные мощности порта сейчас используются менее чем на 3-5%. От большого хозяйства предприятия остались несколько кранов, складские помещения и четыре единицы портового флота. Основной проблемой порта является высокий износ причальной стенки и перегрузочных портовых кранов».

Позже мы остановились на берегу моря Лаптевых, откуда порт был виден много лучше. Действительно, на причале тихо и пустынно. На рейде стояли две баржи. И чуть вдалеке маячил ещё один силуэт какого-то корабля.

Опять процитирую: «Интересный факт! В акватории бухты Тикси имеется мощный слой ила, толщиной до пяти метров, а под ним полностью отсутствует вечная мерзлота. Несколько лет назад ОАО “Морской порт Тикси” выиграло два тендера, получило двумя траншами около двухсот тысяч

долларов и провело полную очистку бухты. Все работы проводились силами порта. В настоящее время ведётся изыскание средств на проведение дноуглубительных работ. Сейчас глубина акватории бухты не превышает шести метров, что не позволяет судам с осадкой более пяти метров подходить к причалам Тикси. Соответственно, большие морские суда вынуждены оставаться на рейде, что увеличивает стоимость погрузо-разгрузочных работ вдвое. Причалы и подходные каналы в порте Тикси проектировались в начале 1980-х годов, под суда определённого типа, которых на сегодняшний день практически не осталось».

Про суммы, упомянутые в этом отрывке из открытых СМИ, я ничего сказать не могу, может, так и есть. А то, что порт мелкий, с глубиной 5-6 метров, эта информация точно достоверная. Хочется верить, что дно углубят, хотя ничего не мешает в таких погодных условиях, как тут, ему опять быстро заилиться. Пока что факт лично мною засвидетельствованный – то, что на рейде нет толкучки из барж и прочих плавучих объектов, а в порту вообще пустота.

А вот что меня искренне удивило, так это местная растительность. Мы остановились у баржи, чем-то нагруженной и залитой бетоном. Это такой причал, который когда-то явно активно использовался. Сейчас он заброшен, хотя какие-то лодки или мелкие плавсредства тут могут и швартоваться. В щелях в бетоне кипит жизнь. Нет ни одного кусочка хилой почвы, которую сюда занесло ветром, откуда не торчали бы колокольчики, полярные маки, дельфиниумы. Они крошечные, низкорослые. Но цветут! Тощие, мелкие, к ним надо обязательно наклоняться, иначе не разглядишь!

Одна из остановок в посёлке была у Храма, который оказался закрытым. Внешне – симпатичное деревянное строение с белыми резными наличниками. Немного цветочков на клумбе. Скромно.

В Тикси на данный момент существуют два церковных учреждения. В 2006 году в Тикси-3 был поставлен Храм Спаса Нерукотворного. Инициатива пришла от командующего дальней авиации России, Игоря Ивановича Хворова, который в одну из командировок в Тикси не только предложил построить церковь, но и рекомендовал место, где её можно возвести. Но это закрытая территория.

А мы гуляли около Серафимо-Никольского храма, который был освящён в 2014 году митрополитом Иоанном, председателем синодального миссионерского отдела, и архиепископом Якутским Романом. В 2016 году в Тикси побывал с визитом Святейший Патриарх Кирилл.

«С тех пор у жителей многострадального посёлка есть возможность молиться о воскрешении Тикси к социально-нормальной жизни, о том, что их родной посёлок не будет забыт и брошен». Это цитата. А по факту, у храма никого из прихожан мы не обнаружили. Но это не значит, что приход тут не велик. Не у кого было об этом спросить.

Мы вышли на улицу. Двухэтажные деревянные дома стоят с заколоченными окнами и дверьми. Они однозначно необитаемы, но и не разобраны. Зрелище малоприятное. Правда, разрухи мы не увидели. Пустые дома везде выглядят зловеще. А на Севере особенно. Тут ведь арктическая пустыня. Ничего не растёт. В моём понимании любая «заброшка» – это в первую очередь заросли чего бы то ни было – травы, кустарников, деревьев. Пустой дом и не видно обычно. А в Тикси, как и других местах на Севере, дом стоит словно раздетый и больной. Пустые глазницы окон, заколоченные двери. А если ещё ветер носит мусор, сыплется кирпич и камень, навалены доски и

обломки конструкций, то это вообще – жутковатое зрелище. Но нам кошмары по пути не попались. Взгляд останавливался на нескольких домах, которые когда-то выселили. Строить новые предпочитают на новом месте – благо тут есть, где развернуться. А разбирать старые, наверное, дорого. Местные власти, полагаю, надеются, что они сами развалятся. Или наступит время, когда вышестоящие руководители заставят разобрать эти брошенки. Деваться будет некуда, придётся разбирать и утилизировать. А пока и так сойдёт!

Есть недострой, видно, что на определенной стадии дом (а может, и не один) не стали достраивать. Есть красивый многоэтажный дом, тоже почему-то пустующий.

Но большая часть современных многоэтажек явно заселены. На улице много детишек. Есть, кстати, между домами современные, явно недавно оборудованные детские площадки. Больше всего меня удивила площадка с современными, новыми тренажёрами около одного из домов. Если в Тикси почти всё время плохая погода, кто занимается на этих агрегатах на улице в холод и при ветродуе? Не удобнее было бы поставить их в каком-либо закрытом пространстве – в спортзале, к примеру?

Вопрос без ответа.

Но мы должны были строго придерживаться времени, поэтому отправились в этно-культурный центр «Айхал». Снаружи он похож на ангар. Внутри неплохо. Высокие потолки, большая сцена. Красиво украшены стены. Есть небольшая выставка о быте народов Севера.

Концерт нам приготовили прекрасный. Чудесные детишки, хорошие костюмы. Неплохая анимация, видео. Но мы торопились, потому как нас немного задержал погранконтроль и погрузка на транспорт. Детишки немного приуныли, но наши артисты из группы сопровождения круиза – а нас развлекает профессиональная компания заслуженных специалистов своего дела, которые плыли с нами из Якутска, вовремя вышли на сцену. Исполнили песню о дружбе, вызвали всех местных артистов к себе. И всем стало веселее!

А мы побрели в музей с красивым названием «Горностай». По пути только на одном торце дома увидели нарисованный крейсер «Аврора» и слова «60 лет Октябрю». Порадовались за советскую краску. Ведь столько лет прошло, а надпись и картинка как новые. Вряд ли кто-то сейчас их подновляет.

Пока осматривали окрестности, на ближайшей горе увидели слова «Слава Октябрю», выложенные бочками. Впечатляет! Позже узнали, что железных бочек 42 штуки и их спускали на гору с вертолета. К какой годовщине, выяснить не удалось. Почему-то мы решили, что к 60-й. Но это наши домыслы. «Аврора» навеяла.

Да! По посёлку бегают серьёзные на вид, но не приставучие, спокойные собаки. Лохматые. Одна подошла к нам совсем близко, и мы скормили ей несколько сухих пайков. Когда у помойки увидели ещё одну белобрысую красотку, сами отправились к ней, но она спряталась под домом. Благо, все строения тут стоят на сваях, прятаться можно сколько угодно. Я оставила ей свой обед и отошла. Псина вернулась и всё подъяла. На выходе из этно-культурного центра мы прихватили остатки пирога и ошастливили ещё парочку местных мохначей.

Музей с красивым названием «Горностай» сразу и не найдёшь. Он занимает несколько больших комнат на первом этаже в обычном многоэтажном доме. Музей биолого-геологический. Его основатель и хранитель, энтузиаст Александр Гуков.

Первое впечатление, что это винтажная распродажа, какая-то уникальная барахолка. Экспонатов много, они очень разные. От пишущих машинок до книг и разных предметов быта всех эпох. Огромное количество костей. Кучи. Есть малюсенький мамонтёнок в стеклянной коробке. Малюсенький – это в масштабах этого древнего зверя. Размер зверюшки – как большая собака-водолаз.

По этому музею нужно ходить долго. Здесь много интереснейших экспонатов. А лучше с экскурсоводом. Экскурсовод тут – сам хозяин. С ним можно говорить до бесконечности. Интереснейшая личность. Похоже, что он палеонтолог. Но и по истории первопроходцев у него знаний достаточно. Продавались тут книги, открытки, буклеты. Цены, правда, подозрительно высоки. В книжных магазинах книги много дешевле. Можно было купить картину с местным пейзажем кисти жены хозяина экспозиции. Работы привлекательные, в отличие от цен. Почему-то местные жители считают, что в круизы отправляются только миллионеры и им (нам) запросто можно предложить фото-открытку сомнительного качества за 300-500 рублей.

Я читала, что цены на продукты в Тикси – одни из самых высоких в стране. Всё потому, что очень дорогая доставка. Скоропортящиеся продукты, медикаменты и корреспонденцию в Тикси доставляют авиацией. Это действительно дорого. Но мне почему-то цены не показались заоблачными. Наверное, потому что у нас в Москве цены такие же. Правда, не потому что товары авиация доставляет, а совсем по другим причинам. Продукты длительного хранения самолётами в Тикси не возят из экономии. Их доставляют теплоходами во время непродолжительной летней навигации или же зимними трассами, по замёрзшему льду. Зимники по мнению местных – удобные и не дорогие. Наверное, это так. Точно не могу сказать. Одно точно знаю, расстояние до Тикси от любого населённого пункта в Якутии – о-о-очень велико!!!

Несмотря на все проблемы – огромные расстояния до других населённых пунктов (они были всегда), разруху и заброшенность (что случилось совсем недавно), Тикси сегодня живёт. Именно живёт. Живёт своими проблемами, делами и радостями. Есть различные учебные заведения, спорткомплексы, музеи и культурные центры. Есть работа. Помимо порта и военных – об этом речь не идёт. Цитирую: «Самые деятельные предприятия в Тикси на данный момент – это ЖКХ, Сахаэнерго, Гидромет, Гидробаза и Полярная геофизическая обсерватория Института геофизических исследований и аэронавигации. В 2015 году с ракетного полигона полярной обсерватории Тикси была запущена первая в новейшей истории России геофизическая ракета МН-300. Цель запуска – зондирование верхних слоёв атмосферы. Для справки: слои атмосферы на высоте от 25 до 300 километров ещё недостаточно изучены. Спутники летают на высотах от трёхсот километров. В слоях ионосферы (верхних слоях атмосферы), которые находятся непосредственно над Тикси, наиболее интенсивно, по сравнению с другими приполярными зонами, происходят северные сияния. Поэтому ракетный полигон Тикси – наиболее подходящее для подобных исследований место».

Фотография с запуска этой ракеты обошла все печатные и электронные СМИ. Очень впечатлила огромная «лампа накаливания», как будто вкрученная в мёрзлую землю на фоне тёмной ночи.

Что искренне удивило, так это отсутствие телефонной связи по посёлку. Ни один из операторов здесь толком не работает. СМС-ки проскакивали, но непонятно, когда и где. Конечно, у местных интернет и связь есть. Но это

дорогое удовольствие, и просто так к нему (интернету) не подключишься. Да и на связь не выйдешь.

Последней точкой, куда нас привезли, был берег моря Лаптевых, откуда прекрасно был виден поселок Тикси-1 и порт.

Я много путешествую по Северу, как, впрочем, и по российской глубинке, и самым разным местам планеты. Точно могу сказать, что Тикси – посёлок не вымирающий. Он пережил разруху и сейчас возвращается к жизни. Точнее, здесь зарождается новая жизнь. Прежней уже не будет. Но будет новая. Это несомненно. И вселяет надежду на будущее.

Мы уезжали из посёлка Тикси на причал Неёлово, оставляя за спиной красивые невысокие горы, лёгкий туман над заливом, скромное жёлто-зелёное покрывало растительности и задумчивую белобрысую собаку, похожую на волка, непонятно откуда вышедшую к дороге. Пёс немного постоял на обочине, проводил нашу машину взглядом и потрусил обратно – по своим, наверняка очень важным собачьи делам, куда-то на простор арктической пустыни. Кажется, что он ушёл в никуда. Но это не так. Он точно отправился к себе домой, к людям, рядом с которыми он живёт где-то там, вдалеке, в прямом смысле слова – на краю света.

